

Г. Г. ГЕРАСИМОВ

ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ
ДОЛИНЫ РЕКИ КАРА-КЕНГИР
В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

АЛМА-АТА-1957

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Институт архитектуры, строительства и строительных материалов

Г. Г. ГЕРАСИМОВ

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ
ДОЛИНЫ РЕКИ КАРА-КЕНГИР
В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Алма-Ата — 1957

*Ответственный редактор
кандидат архитектуры
М. М. МЕНДИКУЛОВ*

Рисунки, чертежи и фото автора

ВВЕДЕНИЕ

Архитектура в жизни каждого народа является одним из высших проявлений его материально-художественной культуры. Она в известной мере отражает его историю, социально-экономическое и политическое устройство, его идеологию, поэтому и изучение истории развития архитектуры представляет собой одну из важнейших задач советских ученых. Критическое освоение архитектурного наследия советскими зодчими способствует созданию национальных форм в современной архитектуре с социалистическим содержанием.

Освоение наследия архитектуры, как и других отраслей искусства, опирается на учение В. И. Ленина о двух культурах.

Исторически доказано, что каждый народ, развивая национальные формы своей архитектуры, прежде всего обращается к своему национальному наследию, изучает его, раскрывает его ценности и критически использует прогрессивные формы, идеи и принципы. При правильном отношении к культурному наследию каждого народа можно достичь громадных успехов в создании национальных форм архитектуры, доказательством чего служат успехи советской архитектуры во многих республиках нашего многонационального государства. Изучая наследие архитектуры, мы не должны пренебрегать отдельными, на первый взгляд незначительными, сооружениями, ибо многим произведениям народного зодчества и архитектурным ансамблям могут быть присущи прогрессивные черты.

Казахский народ, как и другие народы нашего великого Советского Союза, имеет свою историю, свою многовековую самобытную культуру, которая развивалась во взаимосвязи с культурами соседних народов. Территория Казахстана с глубокой древности являлась ареной многих исторических событий, наложивших неизгладимый отпечаток на все последующее социально-политическое развитие страны.

В конце VIII в. н. э. значительная часть территории теперешнего Южного Казахстана подвергалась завоеванию арабов, что привело к усиленному насаждению ислама. В период расцвета феодализма, в период караханидов, культура здесь достигла довольно высокого уровня. Это подтверждается сохранившимися до наших дней памятниками архитекту-

ры и многочисленными находками предметов материально-художественной культуры, обнаруживаемыми при археологических раскопках в Таласской долине, в Сайраме, в г. Туркестане, Отраре и других местах. Кроме того, на это указывают и многочисленные записи, оставленные историками и путешественниками тех времен.

Расцвет разносторонней культуры многих народов Средней Азии был прерван в начале XIII в. монгольским нашествием, опустошившим цветущие города и области многих стран, где после этого надолго замерла оседло-земледельческая и культурная жизнь народов. По этому поводу А. Ю. Якубовский говорит следующее: «Как мы видим ниже, монгольское завоевание обрушилось на Среднюю Азию, как ураган, который сносил вместе с материальными ценностями и жизни сотен тысяч людей.

В первые годы после завоевания города и селения представляли собой развалины и пепелища, которые стали отстраиваться лишь через несколько лет после установления новой власти...»¹ и далее: «Работоспособное городское население частично было убито, а частично (особенно ремесленники) уведено победителями в Семиречье, Уйгурию и Монголию. Масса мужского сельского населения была угнана в действующие монгольские отряды в качестве подсобной военной силы...»². Для возрождения экономики и культуры разоренных народов необходимо было создать благоприятные условия, могущие способствовать росту производительных сил этих народов, наладить и развить торговлю, поднять общую экономику страны и консолидировать политическую жизнь. Новые завоеватели, несмотря на свое военно-политическое владычество, не смогли в первое время этого сделать, т. к. не имели соответствующего административно-хозяйственного опыта и вообще в культурном отношении стояли гораздо ниже многих покоренных ими народов. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет: «Каждый раз, когда победителем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью усваивает даже его язык.»³.

Значительным препятствием к восстановлению страны служили и частые междоусобицы среди ханов, султанов и феодальных группировок. В позднейшее время после монгольского нашествия большим внешнеполитическим событием, сильно повлиявшим на социально-экономическую и политическую жизнь народов казахских степей, были неоднократные нашествия джунгаров (калмыков) в XVII—XVIII вв. Губительное для казахов нашествие 1723 г. вошло в историю как год «великого бедствия казахского народа» («Ақтабан шұбырынды, алқа көл сұлама»).

В этих неблагоприятных военно-политических и экономических условиях чрезвычайно медленно возрождалась культура казахов, особенно

архитектурно-строительная деятельность. Имевшиеся памятники архитектуры в большинстве своем подверглись разрушениям, а новые продолжительное время не создавались. Исключение представляют центральные, отчасти западные и северные районы нынешнего Казахстана, которые менее подверглись опустошениям, чем южные.

Большая часть памятников казахского народа была расположена в трех районах нынешней территории Казахстана: в южном, центральном и западном, из которых в первых двух находятся самые древние. Через южные области нынешнего Казахстана издревле проходили крупные торговые караванные пути с Запада на Восток, поэтому и культурная жизнь в этих местах зародилась рано. Долины рек Центрального Казахстана: Кара-Кенгир, Сары-Су, Улькен-Джезды — места наибольшего сосредоточения архитектурных памятников различных времен — являлись прекрасными пастбищными угодьями многих могущественных родов кочевников, а впоследствии даже отдельных ханов и султанов, где были расположены их зимовки, поэтому возникновение здесь памятников материальной культуры было вполне естественно. Кроме того, по этим местам проходили и караванные пути из северных областей Казахстана в южные и в Среднюю Азию (Мавераннахр и Хорезм). Созданные здесь архитектурные памятники трудом целого ряда поколений народных мастеров являются замечательными творениями народного зодчества. Многие из них по своим архитектурно-художественным достоинствам должны занять подобающие места среди памятников архитектурного наследия народов СССР.

Как указано выше, здесь сохранились памятники различных исторических эпох, начиная с VIII—X в. н. э. и кончая началом XX в. Эти памятники представляют собой целый арсенал различных по типу сооружений, имеющих большую историческую и научную ценность. По своему назначению они в основном относятся к надгробным культовым сооружениям. Строительство их у казахов, как и у большинства народов Средней Азии, было обусловлено глубоко вкоренившимся в быт почитанием культа предков — аруахов.

По своим композиционным приемам эти памятники подразделяются на несколько групп (типов): центрические, портално-купольные и беспортальные¹. Древнейшие памятники, относящиеся к VIII—IX вв. н. э., были довольно примитивны. Их прообразом служила юрта, поэтому они напоминали ее общей композицией и внешними формами. Эти памятники были рассчитаны на многовековую сохранность, строились массивными, с большим запасом прочности и носили утилитарный характер. Материалами для их возведения служили естественные камни, глина, лес, обычно добывавшиеся поблизости от места строительства.

Строительство культовых памятников периода средневековья диктовалось идеологией мусульманства. Отличающиеся монументальностью и внешним блеском, памятники были призваны воздействовать на психику человека. Главные фасады и интерьеры мавзолеев оформлялись величественно и богато. Строительным материалом для них служили жженный кирпич, ганч, известь и облицовочные материалы в виде поливных плит.

¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда. М.-Л., 1950, стр. 49.

² Там же, стр. 53.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1948, стр. 172.

¹ Центрические — с куполом; портално-купольные — с мощными порталами и пештаком; беспортальные — портал входа слабо выражен и без пештака.

Памятники позднейших эпох (XVII—XX вв.) воздвигались из менее прочных и недорогих материалов, с меньшей монументальностью, но с подражанием в общих чертах сооружениям XIII—XIV вв.

Если в прошлом имела место относительная изученность памятников южных районов Казахстана, то памятники Центрального и Западного Казахстана почти совсем не получили освещения в научной литературе, за исключением отдельных кратких описаний повествовательного характера, недостаточно знакомящих нас с наличием различных памятников у народов, проживавших в центральных районах нынешней территории Казахстана (см. литературу, стр. 59). В советское время появились книги А. Х. Маргулана «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», Т. К. Басенова «Архитектурные памятники в районе Сам», статьи К. И. Сатпаева «Доисторические памятники в Джезказганском районе», А. Х. Маргулана «Архитектурные памятники в долине р. Кенгир», М. М. Мендикулова «Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана» и ряд других небольших статей, напечатанных в основном в изданиях Академии наук Казахской ССР.

Изучение архитектурного наследия казахского народа, начатое после Великой Отечественной войны, дает возможность открывать новые ценные материалы народного зодчества. Собираение и изучение исторических материалов архитектуры необходимо для выяснения задач казахского народного зодчества и его значения в истории архитектуры народов Советского Союза.

В данной работе дается описание и краткий архитектурный анализ некоторых характерных и ценных в историко-архитектурном отношении памятников, расположенных в долине реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане, которые были обследованы автором во время экспедиций 1946—1947 гг. Автор не ставил задачу глубоко изучить все памятники архитектуры, сохранившиеся до наших дней в Центральном Казахстане. В приведенных материалах дан краткий анализ композиционных приемов, типажа и архитектурных особенностей этих сооружений.

Основной задачей данной работы является ознакомление советской общественности, в особенности архитекторов, искусствоведов и историков, с сохранившимися, но до сих пор мало освещенными в печати архитектурными памятниками казахского народа. В своих описаниях, архитектурных разборах и сопоставлениях мы пытаемся классифицировать рассмотренные памятники по стилю, типу, конструктивным приемам, выявить преемственность архитектурных традиций и определить их хронологические границы.

Выявленные таким образом прогрессивные черты, приемы и декоративно-художественные формы этих памятников рекомендуем архитекторам для критического использования в творческой работе по созданию национальных форм в современной архитектуре Казахстана.

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ ДОЛИНЫ РЕКИ КАРА-КЕНГИР

Мавзолей Домбаул

Недалеко от колхоза «Жигерлы» Улу-Тауского района Карагандинской области, на левом берегу реки Кара-Кенгир, находится сравнительно небольшое каменное сооружение. Оно расположено на высоком холмистом берегу реки, что позволяет его видеть издалека. Юртообразный силуэт сооружения привлекает внимание путников, следующих по этим полупустынным местам. Это — мавзолей Домбаул, одно из древнейших сооружений, сохранившихся в здешних местах. О его возникновении нет ни преданий, ни исторических материалов.

Своеобразная примитивная внешняя форма мавзолея, напоминающая юрту, вызвана была, с одной стороны, состоянием строительной техники, а с другой, — господствовавшей в тогдашнем обществе идеологией шаманизма, по которой загробная жизнь «духа» покойника должна быть подобна земной.

Такие надгробные сооружения, как Домбаул в Казахстане, возводились в ранние периоды истории, когда строительная техника стояла на низком уровне из-за отсутствия достаточных условий для строительной практики. Характерными особенностями этих сооружений являются простота форм, мощность и устойчивость основных конструкций, примитивное решение плана и внешнего облика. Для компоновки плана и пространственных объемов применялись простые геометрические формы и объемы, которые при несложной технике легко могли быть осуществлены в натуре (рис. 1).

Строительным материалом служил естественный камень — песчаник, в виде плитняка серовато-розового цвета, который добывался в карьерах около реки Кара-Кенгир, в 3—4 км от места строительства. Размеры камней были разные, примерно от 20 X 30 X 4 см до 30 X 60 X 6 см, очень удобные для кладки. Все сооружение возведено на тощем суглинистом растворе с примесью мелких фракций хряща, попадающих в местном грунте.

По наружному измерению план представляет собой прямоугольник, близкий к квадрату, с размерами сторон 8,90 X 7,90 м, а по внутренне-

му - скошенную трапецию, имеющую размеры оснований — 3,90 и 3,45 м, а боковых сторон — 3,20 и 3,05 м, причем узким основанием трапеция повернута в сторону входного проема. Из плана видно, что толщины стен этого сооружения достигали 2,30 и 2,50 м; это способствовало их долговечной сохранности (рис. 2, 3).

В отличие от других мавзолеев позднейших времен, встречающихся здесь, Домбаул имеет довольно мощный фундамент, необычный в этих местах для подобных сооружений, который предохранял его от осадок.

Входной проем ориентирован на юг, как вход (эсык) в юрту для защиты его от северо-восточных, северных и северо-западных ветров, господствующих на территории Центрального Казахстана. При этом он сильно приподнят от земли (примерно на 1,20 м), что вынудило строителей сделать спереди мавзолея четыре каменные ступени. Внутри, перед входом, имеется одна нисходящая ступень, образующая высокий порог входа. Благодаря этому животные не могут проникнуть внутрь.

Пол устроен на насыпном грунте и сверху застлан в один слой тонким плитняком, концы которого по внутреннему периметру стен были заделаны в кладку. Под полом находилась могила покойного; кладоискатели не раз перерывали ее в поисках какого-то клада, захороненного якобы вместе с умершим, о чем среди местного населения бытуют различные легенды. Эти варварские раскопки отчасти повредили северную стену, так как под нее был сделан подкоп на глубину до 1,15 м, повлекший осадку стены. На высоте 2,75 м от пола по всему внутреннему периметру стен в кладку были заложены небольшие бруски деревянных балок, концы которых в виде консолей выступают на 50 — 60 см. Поверх этих консолей были уложены плиты песчаника, защемленные концами в кладку, которые образовывали вид полки. Для каких надобностей она сделана — не известно, по нашему мнению, — для расстановки ритуальных принадлежностей. Выше полки стены постепенно суживаются и закругляются, переходя в круг, над которым возведен конусообразный (куполоподобный) верх. Высота конуса равна 2,15 м; в верху конуса сделано отверстие в виде тундык, как у юрты. Общая высота мавзолея, считая от существующей черной отметки земли, равна 5,85 м¹. Состояние мавзолея на сегодня более или менее удовлетворительное, несмотря на многовековой срок его существования.

От воздействия атмосферных осадков и выветривания швов мавзолеев сильно осел и его формы приняли округлый вид; при этом больше всего разрушению подвергся входной проем, имевший ранее размеры примерно 1,10 X 0,70 м. Теперь на месте этого проема зияет сплошной провал.

Вокруг мавзолея сравнительно мало захоронений. Кроме намогильных каменных холмиков, здесь есть только два сооружения: одно, сложенное из каменных плит в виде прямоугольной ограды для семейных захоронений, а другое — центрическое — глино-саманное (рис. 4).

Из сохранившихся памятников на территории Казахстана мавзолеев Домбаул, по нашему мнению, является одним из древнейших, поэтому он представляет научную ценность. Среди местного населения существует предание о том, что этот мавзолей был возведен на могиле телохранителя или

же придворного музыканта Чингиз-хана. В другой же легенде говорится, что он сооружен на могиле джигита Домбаула, истребившего по указанию Алаша-хана табун куланов (род диких лошадей), которые задавили его сына — Джерин-хана во время охоты. Надо полагать, что оба эти предания едва ли соответствуют действительности.

По состоянию этого сооружения в наши дни, его архаическим формам, типу и технике возведения, говорящих о его многовековой давности, мы считаем, что оно возведено было в докараханидский период, примерно в VIII — IX вв. н. э.

Прототипов этого памятника мы не знаем, да и едва ли они сохранились на территории Казахстана. В позднейшее время он сам мог служить прототипом для таких сооружений, как мавзолей Карадын, Денгек, Козы-Корпеш — Баян-Слу, которые по технике кладки и строительному материалу родственны Домбаулу.

Исследованием и изучением мавзолея Домбаул никто не занимался. За последнее время о нем появилось несколько кратких сообщений, в основном на обмерных материалах автора данной работы¹.

Это сооружение, достойное внимания историков, археологов, искусствоведов и архитекторов, имеет большую историческую ценность. Необходимо более подробно изучить мавзолей Домбаул и определить его место среди памятников архитектуры прошлого казахского народа.

Мавзолей Аяк-Хамыр

Километрах в 50 от рудника Джезказган, в северо-западном от него направлении, около колхоза «Лениншил», находится один из древнейших памятников Центрального Казахстана — мавзолей Аяк-Хамыр. Он расположен в низинной части долины реки Улькен-Джезды — притока реки Кара-Кенгир, на правом ее берегу. В топографическом отношении территория вокруг мавзолея представляет собой сильно всхолмленную местность, с большим количеством сопков, оврагов и балок. Поэтому, даже на близком расстоянии, это сооружение можно обнаружить не сразу (рис. 5, 6, 7).

При подходе к мавзолею в первую очередь бросается в глаза его аварийное состояние. Портал имеет большие разрушения как в верхних, так и в нижних частях своего объема и сквозную вертикальную трещину на всю высоту боковой части заднего объема помещения камеры. Эта трещина настолько серьезна, что в ближайшем будущем может повлечь за собой разрушение всего сооружения (рис. 8, 9).

Название мавзолея Аяк-Хамыр, по нашему мнению, не именное, приписываемое какому-либо лицу, а скорее нарицательное, так как оно указывает на местонахождение памятника, расположенного в низовьях реки.

По объемно-плановому решению этот мавзолей относится к типу портално-купольных сооружений. Массивный портал главного фасада с вписанной в него стрельчатой аркой, непосредственно примкнут к основному

¹А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. «Вестник Академии наук Казахской ССР», № 11. Алма-Ата, 1947.

Т. К. Басенов. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.

¹ Для проведения обмеров была отбита условная — нулевая линия — выше отметки земли 0,75 м, от которой брались все отсчеты,

объему сооружения — параллелепипеду. Перекрывающая глубокую нишу арка имеет хорошую пропорцию и стройный вид. Экранная плоскость пештака, являющаяся центром всего архитектурно-декоративного оформления, была обработана с большим вкусом и умением, в хороших архитектурных формах и пропорциях. Она имеет вертикальные полосы по 40 — 42 см шириной, которые окаймляют арку в виде буквы «П». Эти пояски, имеющие глубину 6 — 7 см, в свое время были заполнены терракотовыми плитками, следы от которых остались в виде налепов алебастрового (ганчового) раствора. Из-за отсутствия сохранившихся образцов теперь нам трудно судить об их качестве и форме; может быть, они были терракотовыми, как остаток резной плитки, находящийся в поясе ниши под аркой, а, может быть, они были, поливными, как на мавзолее Джоши-хан (рис. 10).

Архивольт порталной арки выложен в один кирпич методом клинчатой кладки и опирается пятами на кладку на отметке + 1,97¹ м (на высоте 2,87 м от земли). Над аркой, на отметке +3,75 м, устроены три прямоугольные ниши, размерами 50 X 58 см и глубиной 13 см. Повидимому, они были предназначены для декоративных плит, но последних там не было с самого начала, так как никаких следов, говорящих об этом, нет. Характерным в архитектурном оформлении главного фасада является устройство на уступах наружных углов пештака, на высоте + 4,30 м, круглых трехчетвертных колонок. Подобные примеры оформления фасадов мавзолея нам не известны в казахских памятниках, за исключением Болган-аны. Для устройства их были изготовлены специальные лекальные кирпичи диаметром 37 и толщиной 5,5 см, с усеченными краями с одной стороны. Под них укладывались тонкие каменные плиты из известняка синевато-фиолетового цвета, толщиной в 6—7 см. В настоящее время высоты этих колонок достигают: правой — 1,75 м, а левой — 2,23 м. Какой высоты они были вначале и как они завершались, нам неизвестно, так как нет фасадов, сохранившихся до наших дней. При попытках реконструкции фасада, конечно, их высоту можно будет приблизительно установить путем сопоставления с остальными конструктивными элементами сооружения. Боковые и задний фасады мавзолея не имели никаких элементов архитектурно-декоративного оформления, они были гладкими. План мавзолея по наружному измерению представляет собой прямоугольник со сторонами 8,10 X 9,84 м (или 8,25 X 10,12 м), а по внутреннему абрису — квадрат — 5,66 X 5,74 м (или 5,72 X 5,90 м), искаженный в размерах из-за появившихся трещин между массой пештака и боковыми стенами камеры мавзолея (рис. 11).

Между мощными пилонами, имеющими в плане размеры 3,02 X 1,73 м, вкомпонована ниша порталной арки, над которой перекрытие сделано полукуполом, опирающимся в углах на ячеистую кладку в три яруса (рис. 12).

На шипцовой и щековых стенках ниши, выше дверного проема, на высоте 2,67 м сделан в кладке пояс-бороздка высотой в 30 см и глубиной 7 — 8 см, куда были вставлены терракотовые плиты с рельефными изображениями растительного орнамента. От этих плиток до наших дней

сохранился только небольшой кусок, который находится в правом углу ниши. Плитки были посажены в бороздке на ганчевый раствор.

В задней (шипцовой) стене, ниши имеется прямоугольный дверной проем размером 1,87 X 1,16 м, ведущий внутрь; он ничем не загорожен.

Для устройства купола над квадратным помещением строители применили традиционный метод, практиковавшийся в строительстве культовых сооружений Казахстана веками, а именно: с квадратного плана перешли на восьмигранный путем устройства тимпанов над перекидными арками в четырех углах помещения камеры. Сами же арки покоятся на нависающих пятах в виде консолей, выступающих из плоскости стен как двугранная кладка. Далее восьмигранник был трансформирован в круг подкупольного барабана при помощи конструктивных сталактитов (ячеистой кладки) в два яруса, над которыми мог покоиться купол.

В настоящее время купол разрушен. Здесь он был полусферическим, радиусом 2,88 м. Его возвели способом радиальной кладки, позволившей вести работы в основном без опалубки. Как завершался верх купола — с отверстием ли в виде тюндык, или без него — сейчас трудно судить, но, учитывая толщину существующей стенки купола, возможную его высоту, можно предположительно сказать, что наверху в центре он должен был иметь по традиции отверстие в виде тюндык при одинарной оболочке стенок. Никакого хода с лестницей ни внутри мавзолея, ни снаружи для подъема на площадку, имеющуюся вокруг купола, не было. При обследовании тыльной стороны верха пештака обнаружены следы ниш, устроенных, повидимому, для облегчения массива его кладки, так как едва ли они могли иметь другое назначение практического характера.

Материалом для кладки мавзолея служил красный, почти бордового цвета, жженный кирпич размером 26 X 26 > 5 см до 28 X 28 X 5 см. Он клался на глиняном растворе, причем вся кладка была произведена особенно тщательно, с соблюдением наименьших толщин швов и хорошей перевязки рядов. Естественно, что общее впечатление от кладки остается хорошим.

В производстве работ имеется характерная особенность, какой мы не встречали на других объектах, а именно: для фундаментов, правда не глубоких, здесь применены специальные марганцевые камни-плиты толщиной по 15 — 18 см. Они уложены поперек стен в целях предохранения здания от неравномерных осадок.

Подобная же кладка, в виде пояса, произведена по всему внутреннему периметру стен, на высоте 90 — 100 см от пола. Ее назначение то же самое, что и в фундаментах, т. е. не допускать неравномерной осадки и появления трещин; этот пояс с наружной стороны был облицован кирпичной кладкой в полкирпича.

Такой же пояс из двух рядов плит употреблен на главном фасаде на высоте 3,25 м. Здесь он, повидимому, играл больше декоративную роль, чем конструктивную, так как на темнокрасном (бордовом) фоне стены цвет камней (светлосеро-фиолетовый) рельефно выделяется. В кирпичную кладку главного фасада на высоте 2,67 и 4,30 м от земли были заложены деревянные балки, служившие опорой для строительных лесов, концы которых, срезанные «за подлицо» с поверхностью стен, виднеются и сейчас. Подобный прием использования опорных балок для строитель-

¹ Нулевая линия ($\pm 0,00$) принята на высоте 90 см от поверхности земли на переднем фасаде, от которой идут все отсчеты отметок.

ных лесов часто встречается в сооружениях Средней Азии и Казахстана (бухарские медресе, мавзолей-мечеть Ходжа-ахмед-Ясеви в г. Туркестане и др.). Кроме этих, так называемых «пальцев», в других местах здания никаких деревянных вкладышей, за исключением перемычки дверного проема, не применено. Внутри мавзолея, в углах под арочками, имеются остатки штукатурки, которые позволяют предполагать, что внутренние стены были все оштукатурены и окрашены. Может быть, даже они имели и фресковую роспись, о чем предположительно можно судить по розоватому тону штукатурки. Фасадные стены не имели штукатурки.

Пол мавзолея был выстлан кирпичом, в котором находился небольшой лаз, повидимому, ведущий в склеп. Лаз этот сейчас плотно замурован кирпичами и камнями.

В легендах, передаваемых среди местных жителей, говорится, что будто бы склеп состоял из трех отделений, куда заносились умершие. Сперва труп клали в первое помещение, затем после смерти следующего родственника его переносили во второе отделение, а в первое помещали новый и т. д., так что в последнем, третьем, отделении постепенно накапливались кости всех покойников. Насколько это все правдоподобно, трудно сказать.

Подобное захоронение в склепе, по только с одним отделением, мы встречали в мавзолеях Кумуканова около Джедели-Конур (в западной части Бетпак-Далы) и Бурабай на реке Кара-Кенгир (около г. Новый Джезказган).

В настоящее время вокруг мавзолея Аяк-Хамыр имеется кладбище с двумя-тремя небольшими полуразвалившимися мавзолеями, сооружениями из кирпича и самана в виде гумбезов и надмогильными холмиками, возведенными колхозниками близлежащего колхоза «Лениншил». Раньше, вероятно, мавзолей Аяк-Хамыр стоял обособленно, отгороженный высоким каменным забором, может быть, с башенками по углам, на что указывают остатки развалившегося вала.

Никаких легенд, указывающих на возникновение этого мавзолея, среди местного населения не сохранилось. Аяк-Хамыр — самый древний в этой местности мавзолей, о чем можно судить по его руинному состоянию. Ему приписывают и другое название — Темиркутлук, в то время как километрах в 15—16 от него имеется второй мавзолей, более невзрачный на вид, носящий то же название. Которому из них по праву принадлежит название Темиркутлук, трудно судить, т. к. мы не имеем на этот счет никаких исторических материалов. За описываемым мавзолеем мы оставляем название Аяк-Хамыр.

По архитектурной композиции, стилю и строительным приемам он выгодно отличается от близлежащих сооружений. Здесь чувствуется опытная рука строителя-зодчего, хорошо понимающего пропорции и архитектурные объемы, о чем можно судить по выдержанным пропорциям и формам главного фасада.

Дата возведения Аяк-Хамыра нам не известна, но по стилистическим признакам, качеству строительных работ, а также по сравнению с мавзолеями Южного Казахстана, имеющими установленные датировки, как, например, мавзолей Бабаджа-хатун, Айша-биби (IX—XI вв. н. э.), представляется возможным отнести его к домонгольскому периоду. К такому выводу

приводят следующие соображения: во-первых, объемно-композиционное решение этого сооружения необычно по сравнению с другими памятниками, находящимися здесь; оно близко приемам, употребленным на мавзолее Бабаджа-хатун — памятнике караханидского периода; во-вторых, качество произведенных строительных работ на памятнике, качество кирпича, его размеры говорят о раннем периоде их производства — домонгольском; в-третьих, он имеет монументальные формы, обычно характерные для сооружений, посвященных отдельным представителям господствовавшего класса феодалов, экономически сильных для возведения подобных памятников; в-четвертых, он мог быть возведен только в мирный период, но не в период больших войн, междоусобиц, пагубно отражавшихся на строительстве. Поэтому можно предположить, что мавзолей построен в домонгольский период. Мы склонны датировать этот памятник концом XII или, в крайнем случае, началом XIII в. н. э.

Как известно из истории, в караханидский период и позже в Центральном Казахстане жили кипчаки (половцы), поэтому возведение сооружения, может быть, нужно связать со строительной деятельностью кипчаков. Во всяком случае, сведения о возникновении этого памятника затерялись в годы монгольского нашествия. На долговечность сооружения может указывать и состояние кирпичной кладки, которая на наружной поверхности с северной стороны покрылась толстым слоем жесткого лишая ржаво-бурого цвета.

Прямых прототипов этого памятника в Центральном Казахстане мы не знаем, но влияние на него соседних культур, безусловно, было в связи с установившейся широкой торговлей между областями Средней Азии. В этом отношении более вероятно влияние, кроме южно-казахстанских и узгенских, хорезмийских памятников домонгольского периода.

Общее состояние памятника до 1947 г. было аварийным, особенно сильно пострадали наружные поверхности задней и боковых стен. Из-за неравномерной осадки грунта под массивом пещтака последний заметно осел, оторвался от боковых стен и грозил обрушением. Учитывая историко-художественную ценность этого памятника, являющегося одним из лучших сооружений своего времени, Управление по делам архитектуры при Совете Министров Казахской ССР в 1947 г. сочло необходимым проинформировать на нем частично предупредительно-восстановительный ремонт и взяло его на государственный учет¹ (рис. 13, 14, 15).

Мавзолей Алаша-хан

Одним из замечательных памятников Центрального Казахстана является мавзолей, известный под названием Алаша-хан. Он расположен в 4—5 км от центральной зимовки колхоза им. Сталина Улу-Тауского района Карагандинской области, на правой стороне долины реки Кара-Кенгир.

Очевидно, что название мавзолея Алаша-хан не является собствен-

¹ Ремонтно-восстановительными работами руководил автор этого труда. При ремонте употреблялся кирпич старого образца темных тонов с тем, чтобы восстановленные места резко не разнились от старой кладки по цвету. Однако полностью этого добиться не удалось, особенно разнится северная стена.

ным именем, принадлежащим какому-либо историческому лицу. О его возникновении существуют различные легенды среди местного населения. По одной версии, Алаша-хан являлся сыном Джучи-хана (внуком Чингиз-хана), по другой же — даже самим Чингиз-ханом. Из истории известно, что у Джучи-хана сыновей под именем Алаша (или Алача) не было, а сам Чингиз-хан умер в 1227 г. не здесь, а далеко за пределами Казахстана, — в Монголии, на своей родине, поэтому приписывать ему этот мавзолей нет никакого основания.

Район расположения мавзолея представляет собой местность, сильно пересеченную увалами и долинами, среди которых долина реки Кара-Кенгир — самая большая и обширная. Эти места издревле являлись прекрасными пастбищами для скота; богачи владели здесь лучшими угодьями. В этом районе сейчас сосредоточено большое количество колхозов. На среднем течении реки Кара-Кенгир, в 110 км от г. Новый Джекказган, находится мавзолей Алаша-хан.

Мавзолей стоит среди обширного бейта (кладбища), расположенного на увале между двумя котловинами; он виден со всех сторон на значительном расстоянии (рис. 16).

Кладбище, равное примерно 150х300 м, расположено в направлении с востока на запад. Здесь в разное время было возведено из камня, сырца, самана и частично из жженого кирпича большое количество различных надмогильных сооружений в виде мавзолеев, саганы и холмики, образующих своеобразный некрополь. Среди них особенно выделяется своей темнокрасной громадой мавзолей Алаша-хан. Он ориентирован главным фасадом на запад-юго-запад — на Мекку. Как нам известно, Мекка являлась особо чтимым мусульманским религиозным центром; ориентировка на нее вызвана требованиями ислама. Среди небольших, хаотически группирующихся надгробных сооружений Алаша-хан кажется цельным, строгим и величественным монументом. Такому впечатлению способствует и его расположение на самой высокой точке территории кладбища — на площадке, свободной от захоронений (рис. 17, 18).

Для того, чтобы создать такой монументальный памятник, зодчие должны были обладать незаурядными познаниями и мастерством в области архитектурно-строительного искусства, уметь критически осваивать наследие архитектуры. Удачное применение хороших пропорций и архитектурных форм является большим достижением народных мастеров.

Среди других мавзолеев Алаша-хан выделяется силой своего эмоционального воздействия на зрителя, что достигается не только изысканностью декоративного убранства, но также простотой и монументальностью примененных архитектурных форм. Его объемы решены хорошими техническими приемами в четких, геометрически правильных формах, без измельчения основных масс. Архитектурные детали масштабны, соответствуют объему сооружения. По объемно-композиционному решению мавзолей относится к типу однокамерных портално-купольных сооружений. Основой его служит куб, завершенный сферическим куполом и возвышающимся впереди порталом-пештаком, ставшим ведущей формой в архитектуре среднеазиатских и казахских монументальных сооружений ранних периодов.

Композиционным центром портала служит стрельчатая арка,

являющаяся основным мотивом мусульманской архитектуры. Вокруг этой арки акцентировано архитектурно-декоративное оформление главного фасада. При этом следует подчеркнуть, что входы сделаны в виде глубоких ниш, — прием, широко распространенный в строительстве памятников культовой архитектуры казахского народа в X — XVI вв. Архивольт арки был выведен клинчатой кладкой и поддерживался с двух сторон двумя трехчетвертными шестигранными колонками, установленными на обресе кирпичного цоколя. Последний, оформленный в виде панели, имеет высоту 1,30 — 1,50 м. Колонки выполнены из кирпича вместе с общей кладкой пилонов и офактурены снаружи ганчевым (алебастровым) раствором, по сырой поверхности которого были нанесены горизонтальные швы, делающие фуст колонки на ряд невысоких призмочек с нанесенным на них рельефом в виде «бантиков». Базы колонок оформлены своеобразно — редко встречающимся приемом — «яблочками», составленными из четырех полушаров так, что два средних образуют шар («яблочко»), который зажат двумя крайними, повернутыми в разные стороны и служащими одновременно опорами для «яблочка» и колонки (рис. 19).

Подобное устройство баз колонок мы встретили только на мавзолее Жузден, являющимся копией мавзолея Алаша-хан. Правда, в пределах Казахстана некоторой аналогией могут служить базы каменных колонн, найденных в разрушенных мавзолеех Старого Сайрама, и базы резных деревянных колонок из туркестанского мавзолея XIV в., исследованные М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой¹. Передняя плоскость пештака, равная ширине главного фасада, обработана вертикальными и горизонтальными членениями в виде поясков, обходящих порталную арку буквой «П». Пояски выведены в кирпичной кладке бороздками глубиной в 12—15 см и шириной по 42—43 см (широко распространенный прием на многих памятниках Казахстана и Средней Азии). В среднюю из них были вставлены в свое время изразцовые плитки, образцы которых, к сожалению, не сохранились, однако от них остались следы в виде налепов ганчевого раствора. Разрушение пештака до отметки + 3,70² (т. е. до высоты примерно 4,75 — 5,00 м от земли) и расхищение облицовочных плиток произошло, по народному преданию, во время джугарского нашествия на Казахстан в XVIII в.

Для архитектурного оформления гладких наружных поверхностей боковых и задней стен мавзолея применена выше обреза цоколя орнаментальная кладка из кирпича в виде ромбов, треугольников, диагональных поясков и «елки», слегка напоминающих кереге юрты.

Такая кладка велась обычно «насухо», без применения раствора в вертикальных швах, с подбором кирпича по более светлому тону, чтобы оттенить фигурную часть кладки от основной, имеющей темнокрасный цвет. Рисунок стен производит впечатление ковра с большими узорами.

¹ М. Е. М а с с о н. Старый Сайрам. Ташкент, 1928.

Г. А. П у г а ч е н к о в а. О резных деревянных колонках XIV—XV вв. в г. Туркестане. «Известия Академии наук Казахской ССР», серия архитектурная, 1949, вып. 1, № 62.

² Условная линия на отметке ± 0,00 проведена на высоте 1,05 м от черной отметки земли на главном фасаде, от которой взяты все отсчеты при дальнейшем производстве обмерных работ.

Эта кладка несколько не ослабляла прочности и устойчивости стен, т. к. последние имели значительную толщину и запас прочности. Кладка боковых поверхностей пештака в «елку» усиливает впечатление устремленности ввысь. Народные мастера прекрасно использовали здесь возможность кирпича в декоративном оформлении фасадов. Они малыми средствами достигли больших результатов (рис. 20).

Под карнизом основного объема сооружения (параллелепипеда) имеется фриз, высотой 58 — 60 см, облицованный когда-то керамическими плитами (до наших дней сохранилось только несколько). Рельефный рисунок этих плит представляет собою восьмиконечную звезду и отдельные угольники по краям, выведенные резцом по сырой поверхности до обжига (рис. 21).

Качество плит и поливы было невысокое, так как от действия атмосферных явлений они поддались разрушению. Сверху и снизу фриз зажат одним рядом поливного кирпича темносинего цвета, уложенного в «ложок». Видимо, подобный же фриз имелся и на его пештачной части, о чем мы можем судить только по однотипному мавзолею Жузденъ, возведенному в XIX в. в подражание своему прототипу — Алаша-хану.

Сдержанное оформление фасадов декором, по сравнению со среднеазиатскими мавзолеями, несколько не обедняет идейно-художественного образа сооружения, а, наоборот, усиливает его выразительность и монументальность.

Внутри мавзолея можно попасть через дверной проем прямоугольного сечения размером 1,28 X 1,90 м, устроенный в щипцовой стене порталной ниши, который сейчас сильно разрушен.

В архитектурном решении интерьера отсутствует какой бы то ни было декор. Логично продуманная конструкция выполнена хорошо, она находится в единстве с архитектурной формой. Стройные стрельчатые арки внутренних ниш и перекидные арки по углам, начинающиеся с пола, по своим пропорциям напоминают арки лучшего ургенчского памятника — мавзолея Тюрабек-Ханым. Удачные формы и пропорции хорошо запоминаются. В утренние часы, когда через верхнее круглое отверстие в мавзолей врывается большой сноп солнечных лучей и пересекается с лучами, пробивающимися через боковые отверстия подкупольного барабана, создаётся богатая игра светотеней с дымчатой завесой, через которую внутренний объем здания кажется еще более обширным, чем на самом деле, а сфероподобный купол — воздушно-легким. Этому способствует и значительная внутренняя высота камеры, достигающая до 10 м (рис. 22, 23).

Никаких следов штукатурки внутри мавзолея не обнаружено.

Все обогащение интерьера состоит в удачном применении архитектурных деталей в кирпиче: архивольты арок выполнены клинчатой кладкой, конструктивные сталактитовые паруса сочетаются с горизонтальной с «напуском» и зигзагообразной кирпичной кладкой, своеобразная форма кладки импостов в углах восьмигранника — с тщательно выложенной внутренней поверхностью купола и т. д.

При компоновке плана мавзолея в основу был положен прямоугольник со сторонами 9,73 X 11,91 м по наружной конфигурации и квадрат по внутреннему абрису — 6,31 X 6,33 м. Фланкирующие порталную нишу пилоны имеют в плане размеры 3,20 X 2,08 м. Внутренняя конфигурация

плана осложнена устройством четырех, довольно глубоких, в среднем по 1,75 X 0,75 м, ниш на его главных осях и четырьмя переходными арками такой же ширины, как ниши, по углам камеры. Этот прием, широко распространенный при строительстве культовых сооружений, позволил трансформировать квадратный план камеры в восьмигранный и затем при помощи небольших конструктивных сталактитов в углах восьмиугольника перейти на круглый подкупольный барабан, на котором покоится купол диаметром в 5,81 м.

На высоте 3,65 м от пола план камеры по внутреннему абрису суживается на полметра, что позволяет при вертикальности стен устроить в толще неширокую галерею-ход размером 0,50 X 1,60 м, которая служит как бы вторым этажом и ходом сообщений между этажами и верхними площадками, находящимися вокруг подкупольного барабана и на пештаке. Галерея-ход, обходящая камеру мавзолея со всех сторон, кроме передней, имеет уширения в углах здания в виде каморок, назначение которых не известно. По рассказам местных жителей, они раньше служили для хранения фамильных ритуальных принадлежностей (рис. 24, 25).

Для освещения галереи-хода с каждой стороны мавзолея, кроме передней, устроены небольшие проемы (18 X 35 см), через которые скудно пробивается свет. В тимпанах внутренних арок, против каморок, имеются такие же проемы размерами 25 X 60 см, назначение их непонятно, т. к. через них свет не попадает в камеру, и они, как полагают некоторые исследователи, предназначены были для ритуальных целей.

Для попадания на галерею в левом углу от входа, в массиве левого пилона мавзолея, устроена крутая лестница-лаз с очень высокими ступенями, достигающими до 45 см в высоту. Примерно такая же лестница со стороны правого пилона вела из галереи на площадку, находящуюся вокруг подкупольного барабана, с которой можно было попасть и на самый верх пештака. О наличии такой лестницы говорят оставшиеся следы на щипцовой стене порталной ниши.

Площадка вокруг подкупольного барабана была ограждена с наружной стороны сплошным кирпичным парапетом высотой в 60 см, который сейчас разрушен. В военное время она могла служить хорошим наблюдательным пунктом, т. к. была самой высокой точкой в окружающей местности.

Купол покоится на шестнадцатигранном барабане со скошенными кверху гранями. Он имеет наверху круглое отверстие диаметром 96 см, наподобие тюндик юрты, для выхода якобы «души покойника» в ночное время. Практически это отверстие оправдывается тем, что оно пропускает дневной свет в помещение. Кроме этого, свет падает внутрь и через четыре проема, устроенные в плоскости осевых граней подкупольного барабана, размеры которых составляют 50 X 69 см. Для увеличения площади проникновения света подоконники проемов сделаны в виде ниспадающих уступов (каскадов) (рис. 26, 27, 28).

В конструктивном отношении этот памятник является типичным примером строительства сводчатых и купольных сооружений. В выполнении всех конструкций чувствуется рука опытного мастера, т. к. нигде нет излишней перегруженности и непродуманных приемов, как на других, более поздних сооружениях, возведенных в подражание ему.

Под зданием по всему периметру стен имеется неглубокий фундамент, сложенный из кирпича и кирпичного щебня на глиняном растворе, более или менее предохранявший сооружение от больших неравномерных осадок. Грунты здесь — хрящеватые суглинки, мало поддающиеся осадке и размыву атмосферных осадков, которые, кстати сказать, сравнительно редко здесь бывают.

Несущими конструкциями сооружения являются стены, арки, своды и куполы, выполненные из красного жженого кирпича. Его качество настолько высокое, что, несмотря на многовековой срок пребывания под действием различных атмосферных осадков, он хорошо сохранился. При разломе этот кирпич издает звон стекла и крошится острыми режущими кусками, что указывает также на его высокое качество¹. Кирпич изготовлялся недалеко от места строительства, на берегу реки Кара-Кенгир. Размер его составляет от 28 X 28 X 5,5 см до 32 X 32 X 6,5 см. Такая разномерность, повидимому, была вызвана тем, что изготовлением кирпича занимались различные мастера, которым не предъявлялись требования стандартного изготовления. Прочность употребляемого кирпича позволила хорошо выполнять многие конструкции, без применения дерева; так купол к своды (балхи)² в перекрытиях каморок сложены без опалубки, методом радиальной и клинчатой кладки. Применение дерева было крайне ограничено. Только в редких случаях оно употреблялось как подсобный материал, например в перемышках дверных и световых проемов, для устройства подмостей и как арматура для ответственных частей здания.

Для раствора рядовой кладки применялся суглинок с примесью песка и хряща, добываемых на берегу реки Кара-Кенгир, а для сводов, арок и купола — ганчевый раствор. При этом на куполе, на его наружной поверхности, в расходящихся швах при клинчатой (радиальной) кладке для заполнения швов применялся дополнительно простой раствор из суглинка.

Куполы (гумбезы) и своды (балхи) были широко распространены в практике строительства культовых сооружений на территории Средней Азии и Казахстана. Одинарная оболочка купола Алаша-хана выше гране-

ного барабана постепенно становится тоньше с 90 до 31 см (до одного кирпича) благодаря уступам на его наружной поверхности,

Радиально-клинчатая кладка в оболочке купола делает его наружную поверхность «взъерошенной», на которой в шахматном порядке торчат наполовину концы кирпичей. Это, повидимому, являлось приспособлением для подъема на верх купола. Подобное приспособление встречается на многих памятниках Центрального Казахстана позднейших времен. Нечто похожее мы видим на куполе мавзолея Исмаила Самани в Бухаре, где кирпичи выступают в виде небольших треугольников.

Перекрытия над галереей-ходом сделаны горизонтальные, частично из дерева — из кусков жердей и кирпича, в виде напускного одного ряда над другим, как у ложного свода.

Как было указано выше, часть дерева закладывалась в конструкции кирпичной кладки в качестве арматуры, чтобы предупредить появление трещин. Такой пример мы видим в разрушенной части простенков дверного проема, откуда торчат большие куски дерева (карагача) в массиве кирпичной кладки. Куски дерева не были ошкурены и, безусловно, не антисептированы; несмотря на это, они не сгнили, но потемнели (посинели), как бы «состарились». Этот прием, видимо, был перенят с саманных и глиняных сооружений, где употребление дерева более оправдано, чем здесь. Для возведения высоких стен требовались какие-нибудь подмости. С этой целью в кладку стен закладывались куски дерева в виде консолей, что подтверждается концами срезанных «за подлицо» деревянных балок — «пальцев» — на главном фасаде, служивших опорами для лесов.

Не совсем понятной кажется закладка двух пар взаимно пересекающихся жердевых перекладин под отверстием купола, на расстоянии 50 — 60 см от «замка». Некоторые исследователи предполагают, что они могли служить опорами при возведении оболочки купола, но это неверно, т. к. для этого перекладины слишком тонки, 6 — 7 см в сечении. Кроме того, они слишком близко расположены к вершине купола, где явно нет в них никакой надобности. Другие считают, что жердевые перекладины предназначены для подвески шкур и различных ритуальных принадлежностей при погребальных обрядах. Такое предположение, пожалуй, более соответствует действительности. Не вполне понятно применение больших, довольно прочных кусков саксаула, заложенных в углах восьмигранника камеры на высоте 3,50 м от пола, в виде консолей, торчащих из стен внутри помещения на 60 — 65 см. Они тоже предназначались для ритуальных целей, но в период строительства могли служить и хорошими опорами для лесов.

Пол мавзолея выложен на грунте из одного ряда кирпича «плашмя». На нем был устроен саркофаг (сагана), который теперь развалился и превратился в груды мусора и щебня¹. По традиции сагана ориентирована на юго-восток, поэтому она стоит поперек главной оси здания.

Описав вкратце это сооружение, мы невольно останавливаемся на за-

¹ Вопросами качества кирпича автору настоящей работы пришлось заниматься в 1946 — 47 гг., когда по поручению Управления по делам архитектуры при Совете Министров Казахской ССР он производил ремонт некоторых мавзолеев, находящихся в долине реки Кара-Кенгир. Все попытки Джезказганского кирпичного завода изготовить кирпичи подобных образцов, как на Алаша-хане, не увенчались успехом, и секрет изготовления их остался неразгаданным. Относительно изготовления этих кирпичей среди местного населения бытует такая легенда. Алаша-хан приказал замесить глину на кумысе, а кирпичи обжечь курдючным салом, для чего якобы было пригнано к месту изготовления пять тысяч кобылиц и три тысячи баранов. Какую долю правды имеет эта легенда, — неизвестно, но есть серьезное основание предполагать, что в глину добавлялись казеиновые вещества в виде кислого молока — айрана, придававшие ей особую прочность. Один из таких кирпичей был исследован в лаборатории Института огнеупоров и стройматериалов Академии наук Казахской ССР, где установили, что в массе кирпича содержатся органические вещества до 4 — 5%.

² Метод кладки сводов (балхи) состоит в том, что одновременно с четырех углов квадратного помещения (или прямоугольного, близкого к квадрату) ведется кладка кирпича на ребро по диагонали помещения с таким расчетом, чтобы швы стыка с противоположными кладками сошлись на осях и в замке купола, где остающееся четырехугольное отверстие заклинивается кирпичом, положенным «плашмя».

¹ В 1946 г. здесь производил раскопки член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулан, который обнаружил под саганой кирпичный гроб с остатками покойника. Кроме этой могилы, в северо-западном углу камеры было найдено еще одно захоронение с останками двух покойников. Оба захоронения, повидимому, древнего происхождения; на это указывают истлевшие останки.

мыслах автора. У каждого может возникнуть вопрос: чем мог руководствоваться автор при выборе такой объемно-пространственной композиции?

Мы считаем, что народный мастер-строитель остановился на типе портално-купольного сооружения не случайно и не из прихоти заказчика, а из желания отдать должное традиции, глубоко вкоренившейся в практику строительства культовых сооружений. Купольно-центрические и портално-купольные сооружения в Казахстане и Средней Азии имеют многовековую давность.

Тип портала-пештака мавзолея Алаша-хан, как и купола, был отличен от других мавзолеев, известных нам в Средней Азии и Казахстане, за исключением мавзолея Жузденъ. Он не слишком грандиозен, как у маверанихских памятников (самаркандские и бухарские медресе), но и не экраничен, как киргизские или отчасти хорезмийские. Он был в меру объемён и выразителен при своих простых формах и хорошо гармонировал с образом монументального сооружения.

Относительно идеи возникновения порталов существуют два мнения, которые отстаиваются Б. Н. Засыпкиным и Л. Н. Ворониным. Первый считал, что портал мог возникнуть на основе простого выделения передней стены здания, которая впоследствии постепенно развилась в мощный портал-пештак, а второй выводит его развитие из крепостных ворот — кешке. По той и другой версии верно то, что первоначально зодчие хотели подчеркнуть, конечно, особую значимость переднего фасада здания. Но впоследствии развитие его до такого большого объема, доминирующего над всем зданием как по размерам, так и по формам, вызвано было скорее религиозными соображениями, нежели архитектурно-строительными требованиями.

Надгробные сооружения, являющиеся культовыми, — «домами будущей жизни», оформлялись тоже пышно и монументально и зачастую доводились до внушительных размеров. Хорошо развитый портал-пештак действительно величественен и монументален. Наглядным примером этого может служить ансамбль на площади Регистан в г. Самарканде или портал мавзолея-мечети Ходжа-Ахмеда-Ясеви в г. Туркестане.

В разное время, с изменением социально-экономических условий общества, портал, важный элемент композиции культовых зданий, претерпевал также серьезные изменения. Этой участи не избежали и памятники Центрального Казахстана. Их архитектурные формы постепенно изменялись за многовековую историю своего существования и зачастую не в лучшую сторону.

Прямых прототипов мавзолея Алаша-хан мы не знаем не только в Центральном Казахстане, но и на всей территории Средней Азии. Если некоторые памятники предшествующих эпох и имеют общие с ним композиционные приемы, то все же они разнятся от него своими стилистическими особенностями и строительными приемами.

Такие сооружения караханидского периода, как известные нам памятники Южного Казахстана — Бабаджа-хатун, Айша-биби, а из памятников Средней Азии — мавзолей Султана Санджара, Исмаила Самани или комплекс узгентских памятников и многие другие, воздвигались при других социально-экономических и политических условиях, на базе иных

художественных требований и вкусов. Поэтому вполне понятна разница между ними и памятниками Центрального Казахстана. Отдаленность расположения рассматриваемых нами памятников от культурных городских и оседлых центров Средней Азии могла явиться причиной слабого проникновения сюда традиций среднеазиатского строительного искусства. Поэтому характерные мотивы декоративного оформления этих сооружений отличаются большим своеобразием и самобытностью. Сдержанность применения резной керамики и других элементов декоративной отделки на мавзолее Алаша-хан, безусловно, отвечала установившимся местным строительным традициям. Здесь преобладает фактура кирпича, а не пышная декоративная облицовка с измеленной резьбой растительного или геометрического орнамента, как на культовых сооружениях Мавераннахра.

Итак, характерными особенностями мавзолея Алаша-хан являются;

1. Монументальность.
2. Простота и ясность композиции.
3. Центрическое решение основного объема.
4. Наличие мощного развитого пештака, примыкающего к основному объему сооружения.
5. Единство формы и содержания, отсутствие перегрузки декором.
6. Связь монумента с пространством и господство его над окружающей средой.
7. Связь генезиса архитектуры мавзолея с традицией казахского народного зодчества.
8. Установление нового типа и стиля казахских намогильных сооружений, послужившего прототипом для строительства многих мавзолеев последующих времен.
9. Смелое решение принципов новой конструкции в кирпиче беслесных сооружений.

О времени возникновения этого замечательного памятника казахского народа никаких письменных и историографических указаний не имеется, но его датировка для истории очень важна. За последнее время некоторые ученые Казахстана пытаются отнести его к домонгольскому периоду¹, а другие — к XV — XVI вв., примерно ко времени образования казахского ханства, и тем самым ассоциируют название памятника с именем казахского хана Хак-Назара². С этим мы не согласны. Во-первых, мавзолей по своему композиционному приему отвечает каноническим требованиям ислама. Он ориентирован в сторону Мекки, религиозного центра мусульман, как все мавзолеи Центрального Казахстана. Следовательно, мавзолей сооружен, вероятнее всего, после проникновения сюда ислама, который усиленно насаждался среди правящей феодальной верхушки со второй половины XIII и в начале XIV вв. Об этом говорит Б. Н. Засыпкин — один из знатоков истории среднеазиатской архитектуры: «Заметный подъем в строительстве начала XIV века связан с тем, что монгольские ханы начали усваивать городскую жизнь и культуру. Приняв религию ислама, мон-

¹ Член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулан считает возможным отнести его к домонгольскому периоду — по стилистическим признакам.

² К. И. С а т п а е в. Доисторические памятники в Джезказганском районе. Народное хозяйство Казахстана, № 1. Алма-Ата, 194).

голы строят себе дворцы, усыпальницы, поощряют строительство культовых зданий¹. Во-вторых, Алаша-хан мог быть воздвигнут скорее в мирное время, чем в первые годы нашествия монголов.

Таким образом, мы считаем, что благоприятным временем для возведения этого сооружения является период после нашествия монголов, примерно вторая половина XIII века, т. к. к этому времени область окрепла политически, представители феодальной верхушки приняли ислам. Экономически область была восстановлена, как об этом повествует Плано-Карпини (посланец папы Инокентия IV к монголам), проезжавший через Центральный Казахстан в 1246 г. «Кыпчаки очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире...»². Здесь Плано-Карпини указывает на кипчаков, коренных жителей области, до монгольского нашествия, которые и после завоевания, как видно, остались также основными аборигенами области. Поэтому прежние строительные традиции и приемы могли сохраниться и в новых условиях, ибо завоеватели еще не научились строить. Мы считаем, что строительство мавзолеев осуществлялось на основе преемственности строительных традиций кипчаков. Тип, стиль и керамика мавзолея Алаша-хан характерны для периода после нашествия монголов, следовательно, указываемые хронологические данные о возведении мавзолея Алаша-хан соответствуют действительности.

Основой экономического расцвета среднеазиатской деспотии того времени являлось рабство, чего не было в Центральном Казахстане. Не было здесь и городских центров и распространенной оседлости, так благотворно способствовавших расцвету культуры и искусства. Поэтому влияние соседних культурных центров на эти районы могло сказаться только в известных пределах, отвечавших местным условиям и требованиям. В связи с этим развитие местной культуры шло по-иному — самобытным путем. Мы считаем, что мавзолей Алаша-хан создан народными мастерами во второй половине XIII века — время господства чингисидов, относительно спокойствия и экономического благосостояния области.

На долговечность здания указывает также и теперешнее состояние строительного материала, примененного на его возведение. От действия атмосферных осадков кирпичи, особенно на северной и северо-восточной стороне мавзолея, покрылись толстым слоем жесткого серо-бурого лишая.

Ценность этого памятника для изучения истории развития национальной архитектуры казахского народа совершенно бесспорна, так как он в архитектурном наследии занимает одно из видных мест, наравне с уже изученными и хорошо известными памятниками Южного Казахстана. Его влияние на решение композиционных схем культовых сооружений последующего периода очень велико. Поэтому необходимо дальнейшее, более глубокое изучение памятника. Надо также позаботиться о том, чтобы Ала-

ша-хан был полностью реставрирован и принят на государственную охрану¹ (рис. 29).

Кроме архитектурно-художественной ценности, мавзолей может служить хорошим примером практического осуществления беслесных конструкций для кирпичных сооружений в колхозном и совхозном строительстве в беслесных районах Казахстана.

Мавзолей Джоши-хан

Значительным памятником Центрального Казахстана является мавзолей Джоши-хан. Он находится на левом берегу реки Кара-Кенгир, в 12 км от колхоза «Жигерлы» Улу-Тауского района Карагандинской области, недалеко от мавзолея Домбаул. Памятник расположен на высоком холмистом берегу реки и хорошо виден издали, поэтому он служит прекрасным ориентиром для путников, следующих по этой полупустынной местности. По его размерам, монументальным формам и местоположению можно предполагать, что он предназначен именно для покойника из знатного рода (рис. 30, 31).

Сейчас возле мавзолея находится только одно сооружение — каменное четырехугольное, служащее местом семейного захоронения. Раньше здесь было несколько мавзолеев, о чем говорят их остатки, раскопанные в 1946 г. экспедицией Академии наук Казахской ССР.

По своей объемно-пространственной композиции он относится к портално-купольным сооружениям. Главный фасад, решенный в виде массивного пещтака со вписанной стрельчатой аркой над глубокой нишей, ориентирован на юго-запад.

Арка здесь, по своим пропорциям и формам, не так стройна, как на мавзолеех Аяк-Хамыр или Алаша-хан; в ней нет легкости и устремленности ввысь. Наоборот, она кажется несколько грузной и придавленной верхней частью пещтака. Не устраняют этого недостатка и вертикальные членения на пояски, сделанные на передней плоскости пещтака в виде ниш-бороздок, обрамляющих арку буквой «П». Последние в свое время были заполнены поливными плитками бирюзового цвета, которые, к сожалению, до наших дней не сохранились цельными, но мелкие куски их в достаточном количестве мы находим около мавзолея. Плитки были квадратными, размером 45X45 см. Они сажались в нишах на алебастровый (ганчевый) раствор. По рассказам местных жителей, последние куски этих плиток вывалились сравнительно недавно. Большое количество кусков от разбитых плиток мы обнаружили на площадке вокруг подкупольного ба-

¹ Предупредительно-восстановительный ремонт на мавзолее Алаша-хан производился в 1947 г. по указанию Управления по делам архитектуры при Совете Министров Казахской ССР под руководством автора настоящей работы. Ремонту подверглись все разрушенные места кирпичного цоколя, входной проем, пилоны входной арки, трещины на боковых стенах, фриз, перекрытия над ходом-галереей второго этажа и частично выветрившиеся швы купола. Для ремонта мавзолея были употреблены специально старые кирпичи со старых разрушившихся мавзолеев, имевших размеры, примерно равные кирпичам, употребленным на мавзолее. В глиняный раствор для крепости добавлялся в небольшом количестве цемент, который не вызывал заметного изменения цвета раствора новой кладки против старой.

¹ Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 70.

² Иоанн де Плано-Карпини. История монголов (перевод Малеина). 1906 — 1908 гг., стр. 7.

рабана, куда, вероятно, они закидывались чьей-то заботливой рукой. По найденным остаткам работники Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР установили, что эти плитки имели надписи и орнаменты, как на майоликовых плитах, но нам этого не удалось обнаружить.

Судя по общей композиции Джоши-хана, можно сказать, что строители не сумели развить архитектурные формы до желаемых результатов, сделать их предельно ясными и выразительными. Поэтому мавзолей выглядит таким грузным и ограниченным. Общая высота сохранившейся части пештака равняется 7,90, а купола — 7,37 м.

Верх пештака, в плане в виде буквы «П», был завершен небольшим карнизом из кирпича, сделанным постепенным напуском верхних рядов кладки над нижележащими. Под карнизом имеется фриз высотой около 70 см, оформленный поливными плитками. К сожалению, и здесь не оказалось цельных плиток. Они, видимо, имели размеры 50х60 см.

Наружные поверхности задней и боковых стен никаких архитектурно-декоративных украшений не имеют. Отсутствует на них и парапет, поэтому карниз над этой частью был оформлен просто, в виде небольшого напуска рядов кирпичной кладки.

Сзади пештака параллелепипед завершался куполом с двумя оболочками, из которых наружная — конусообразная, облицованная ранее поливными плитками бирюзового цвета, играла декоративную роль. Наружный купол опирался на высокий семнадцатигранный, звездовидной формы, барабан, на котором хорошо подчеркивалась светотень (рис. 32).

Таких примеров оформления барабана в виде семнадцатиконечной звезды в Центральном Казахстане (в бассейне рек Кара-Кенгир и Сары-Су) мы больше не встречали. Подобный барабан имеется лишь на одном из древнейших памятников Южного Казахстана — мавзолее Бабаджа-Хатун.

В глубине порталной ниши, в щипцовой стене, расположен входной проем, через который можно попасть в мавзолей. Раньше его размеры были 1,60х0,87 м, но теперь проем сильно разрушился.

Интерьер мавзолея Джоши-хан решен довольно просто и строго. Стены совершенно гладкие, не имеют никаких архитектурно-декоративных украшений, за исключением угловых арок в ярусе парусов, оштукатурены глино-саманным раствором и побелены известью. По качеству произведенных работ и материалу можно с уверенностью сказать, что штукатурка более позднего происхождения, чем само здание (рис. 33, 34, 35).

В практике строительства мавзолеев Центрального Казахстана редко встречаются штукатурные работы внутри памятников. Обычно стены и куполы оставляются в фактуре кирпича. Только на памятниках XIX и начала XX вв. иногда встречаются подобные штукатурные работы.

Для освещения камеры наверху, у основания купола (на отметке + 3,28), на поперечной оси, сделаны два небольшие световые проема размерами 35х55 см; позднее они были частично заложены, поэтому внутри сейчас полумрак.

В плане это сооружение имеет размеры: по наружной конфигурации

— 7,25 X 9,52 м, внутренней — 5,09 X 5,20 м, при этом под пилоны отводится 2,24 X 2,19 м.

Для возведения купольного перекрытия над помещением камеры применен традиционный метод перехода с квадратного плана на восьмигранный путем устройства в углах перекидных арок с частично нависающими пятнами на высоте 2,07 м. Все четыре угла на этой высоте имеют небольшие западины в виде ниш, примененные для возведения арок. Тимпаны арок выше замка образуют вместе со стенами восьмигранник. На высоте 3,65 м в углах восьмигранника уложены небольшие деревянные импосты вместо конструктивных сталактитов, которые позволяют восьмигранник преобразовать в круглый подкупольный барабан.

Купол был выведен сферическим, диаметром 5,10 м, в замке оставлено отверстие в виде тунды, которое впоследствии заложили кирпичами «насухо». Отверстие сделано, видимо, по традиции, т. к. никакого практического значения оно не имело. Над этим конструктивным куполом был второй — декоративный, через который свет не мог попасть внутрь сооружения.

Портальная ниша перекрыта полукуполом, опирающимся в углах на три яруса конструктивных сталактитов. Подобным же образом — небольшими полукуполками — перекрыты пазухи сзади угловых арок, в ярусе парусов. Высота порталной арки до замка равна 4,50 м, высота камеры до основания купола — 4,28 м, а общая ее высота до замка — шельги купола — 6,88 м (т. е. до отметки + 5,88).

Для возведения этого мавзолея употреблялся красный жженный кирпич размером 26х26х5 см, который клался в стены и массивы пилонов на глиняном, а в ответственных конструкциях — в арках, сводах и куполе — на ганчевом (алебастровом) растворе. Кирпич прекрасного качества и не имеет почти никаких изъянов и отступлений от заданных размеров. Он хорошо сохранился — не подвергался растрескиванию или оплыву. Некоторые разрушения, имеющиеся в здании в наружных углах, в перемычке входа, на наружном куполе и обрезах карнизов, произошли только из-за слабости раствора.

В конструктивном отношении это сооружение разрешено путем применения традиционных правил возведения арок, сводов и купола, а последние были в архитектуре довольно четко разработаны ко времени возникновения этого памятника. Они применены обдуманно, не противоречат архитектурным задачам.

По всему периметру стен заложен неглубокий фундамент, сделанный из кирпича и кирпичного щебня, который ввиду своей недостаточности, неравномерно осел и повлек за собой разрушение углов здания. Обычно кирпичную кладку производили с перевязкой швов, легко выполнимой при одинаковых размерах кирпича, а арки, полукуполы и куполы клали методом клинчатой или радиально-клинчатой кладки, что позволяло проводить работы в основном без применения опалубки.

В мавзолее пол был кирпичным, выполненным путем укладки кирпича «плашмя» в один ряд. Сейчас он разрушен. Варварские раскопки кладочискателей нанесли большой вред зданию, т. к. они способствовали неравномерной осадке боковых стен.

В мавзолее нет никаких лестниц, ведущих на площадку вокруг наружного купола и к пештаку.

В 1946 г. экспедиция Академии наук Казахской ССР производила в этом мавзолее раскопки. В результате были обнаружены остатки деревянного гроба со скелетом человека, у которого не оказалось части верхней челюсти и некоторых костей одной руки.

Постройку этого надмогильного сооружения народное предание связывает с именем старшего сына Чингиз-хана — Джучи. По легенде Джучи-хан был обделен Чингиз-ханом при выделении ему удела (улуса). Непокорный отцу, он часто предпринимал шаги, не согласованные с желанием Чингиз-хана. Стремясь отделаться от такого непокорного сына, Чингиз-хан приказал своим приближенным убить его. Это приказание было выполнено. Подвластным же племенам сообщили, что во время большой охоты на куланов Джучи-хана растерзал рассвирепевший вожак этого стада и от него осталось только два пальца, которые были найдены и похоронены со всеми почестями. Над могилой по приказанию Чингиз-хана воздвигли мавзолей. Другая же версия этой легенды приводится А. Н. Сидельниковым и Т. П. Белановской в «России. Полном географическом описании нашего отечества»: «У Алача-хана (отождествленного с Чингиз-ханом) любимый сын юноша был затоптан на охоте дикими куланами. Огорченный хан обрек это стадо, обещая большую награду тому, кто исполнит его волю — истребит их...»¹.

Эти легенды, повидимому, позднейшего происхождения и поэтому едва ли имеют под собой историческую основу.

По вопросу уделов сыновей Чингиз-хана, его деспотичности В. В. Бартольд пишет следующее: «Образование монгольской империи не было связано, как вторжение германцев в римские области, с переселением народов. Подавляющее большинство монгольского народа и после образования империи осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингиз-хан и где его преемники построили для себя столицу на Орхоне. Империя считалась собственностью всего ханского рода, и Чингиз-хан, как глава рода, распоряжался ею, как хозяин, выделил при жизни, за счет завоеванных земель, своих старших сыновей и оставил в наследство младшему свой основной «юрт», т. е. коренные монгольские земли. Вместе с тем, младший сын получил 101 000 монгольского регулярного войска из общего числа 129 000. При выделенных сыновьях были оставлены только небольшие отряды: из них к Туркестану имеют отношение оба старших сына — Джучи и Джагатай (собственно Чигатай), из которых каждый получил по 4000. Степень отдаленности уделов была пропорциональна возрасту царевича: оттого удел старшего сына Джучи по мере расширения монгольских завоеваний передвигался все дальше на запад, где в состав его должны были входить, все земли, «до которых доходили копыта монгольских коней». Ставка (орда) Джучи находилась на р. Иртыше хотя, по некоторым известиям, он провел последние годы своей жизни дальше к западу, в стране кипчаков (половцев), последнее подтверждается тем, что

могилу показывали в бассейне Сары-Су, на границе между нынешними областями Акмолинской и Тургайской¹.

О нахождении могилы Джучи-хана в бассейне реки Кара-Кенгир указывается и в путевом описании местности от г. Атбасара до г. Сузак (мимо гор Улу-Тау, урочища Кара-Джар, низовья р. Чу и далее), приведенном в «России. Полном географическом описании нашего отечества». «Недалеко от этого памятника, Алача-хана,— две могилы: хана Амбулакта, сделанная из сырцового кирпича в виде купола шестисаженой высоты, а еще далее — могила Джуса-хана (Джучи-хана — Г. Г.), похожая на могилу Алача-хана (Алаша-хана. ~ Г. Г.), отсюда правым берегом р. Кара-Кенгир дорога направляется к югу до могилы Арстанбая (15 верст). К 3—Ю—3 отсюда находится Никольский медный рудник (Джезказган. — Г. Г.)».

Приведенные указания и народное предание подтверждают, что описываемый нами мавзолей связан с историческим лицом и имеет основание быть приписанным именно Джучи-хану, т. к. его удел находился в пределах Центрального Казахстана — от реки Иртыша до реки Сыр-Дарьи. Кипчакские степи (Дешт-и-Кыпчак) — бассейны рр. Кара-Кенгир и Сары-Су — издревле были наилучшими местами для скотоводства, поэтому и ставка Джучи-хана находилась в этих местах, где его, по всей вероятности, и похоронили после смерти.

При рассмотрении типа и стиливых особенностей этого сооружения можно сказать следующее:

1. Памятник относится к типу однокамерных мавзолеев с центрической композицией основного объема.
2. Особенностью стиля является мощный, грузный пештак с глубокой нишей.
3. Поливные плитки бирюзового цвета в поясе и фризе портала.
4. Подкупольный барабан в виде семнадцатиконечной звезды.
5. Второй наружный декоративный конусообразный купол, облицованный поливными плитками также бирюзового цвета.
6. Небольшие угловые арки в ярусе парусов.
7. Штукатурка внутри камеры.
8. Отсутствие снаружи парапета над параллелепипедом основного объема.
9. Отсутствие площадки на пештаке и устройство его в плане в виде буквы «П».
10. Простота, ясность форм и ограниченное применение архитектурных деталей.

Возникает вопрос, имеет ли мавзолей прототипы или нет? Под чьим влиянием развивались его формы?

Мавзолеи с гранеными барабанами встречаются в Южном Казахстане (Кара-хан и Бабаджа-хатун); они относятся к IX—XI вв., т. е. к караханидскому периоду. Как известно, этот период в истории Южного Казахстана отличается широко развернутым строительством. После захвата монголами территории всего нынешнего Казахстана связь между областями, как указывалось выше, совершенно не прекращалась, поэтому

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII, СПб, 1903, стр. 356.

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 86,

вполне возможно влияние архитектурных произведений Южного Казахстана на строительное искусство в этих местах. В подтверждение своих предположений мы можем указать на употребление красного жженого кирпича тех же размеров, что и на Бабаджа-хатуне, и общие черты композиционного решения, а именно: применение двойного купола, граненого звездообразного подкупольного барабана, поясков-ниш на главном фасаде, внутри перекидных арочек в углах, в ярусе парусов и т. п. Но применение поливных плит заставляет нас это сооружение отнести к более позднему времени, чем период создания южно-казахстанских мавзолеев, поэтому мы его относим к концу XIII в., т. е. ко времени Джучи-хана.

Учитывая ценность этого сооружения, как исторического памятника архитектуры казахского народа, Управление по делам архитектуры при Совете Министров Казахской ССР в 1946 г. приняло его на государственный учет и решило произвести предупредительно-восстановительный ремонт¹ (рис. 36).

Мавзолей Болган-ана

Недалеко от урочища Караджар, километрах в 10 от устья реки Кара-Кенгир, за левым ее протоком, находится старое полуразвалившееся сооружение, которое называют мавзолеем Болган-ана. Око расположено на высоком холмистом берегу реки, на ее верхней террасе, и хорошо видно на значительном расстоянии.

Неподалеку проходит северо-западная граница Голодной степи Бетпак-Далы с ее характерным пейзажем, где только поймы реки и ее притоков имеют узкие зеленые полосы из тальника, камыша и трав.

Протоки реки не имеют непрерывной водной поверхности; они образуют отдельные плесы и заводья, окруженные высокими камышами, в которых водится немало водоплавающей дичи. Жизнь здесь возможна только вдоль реки и ее протоков.

Сейчас недалеко от мавзолея Болган-ана находится небольшая зимовка одного из близлежащих колхозов, но в прежнее время здесь была более оживленная жизнь, о чем можно судить по руинам оставшихся сооружений. Так, на западной обрывистой стороне возвышенности, на левом берегу протока, где расположен мавзолей Болган-ана, на средней террасе, имеются остатки каких-то больших каменных сооружений. Предполагать, что они были напольными печами для обжига кирпича, никак нельзя, так как по размерам эти руины занимают значительную территорию. Не могут быть они развалинами какого-нибудь мавзолея, потому что, во-первых, мавзолей не поставили прямо у крутого обрыва, во-вторых, он не имел бы мощных фундаментов и подвальной части, остатки которых

¹ Ремонт производился под руководством автора этой работы. Для ремонта предполагали применить кирпичи старых образцов — 26X26X5 см, хорошо обожженные. Джезказганский кирпичный завод, выполнявший заказ, несмотря на неоднократные попытки, не сумел произвести обжиг удовлетворительного качества. Поэтому решено было применить обычный стандартный кирпич. Всю кладку в местах ремонта вели «ложком», что некоторым образом скрадывало разницу между размерами нового и старого кирпича. Раствор применялся глино-цементный, по цвету похожий на раствор старой кладки.

довольно отчетливо вырисовываются даже теперь. Поэтому мы склонны думать, что здесь было сооружение другого назначения, более монументального характера. Это, вероятнее всего, развалины какого-то укрепленного замка владетельного феодала (хана или султана). Вокруг такого замка могли быть расположены жилища многочисленной челяди, а неподалеку — фамильный мавзолей.

Среди местных жителей сохранилась легенда о том, что в далекие времена Болган-ана была владетельницей этих мест. Будучи слишком деспотичной и строптивой, она вынуждена была опасаться покушений на свою жизнь со стороны подвластных ей племен. По ее указанию и построили этот замок-укрепление.

Мавзолей Болган-ана по типу архитектурного сооружения относится к портално-купольным зданиям, а по композиционным приемам напоминает мавзолей Аяк-Хамыр, находящийся в 120 — 130 км от него. Своим главным фасадом он по установившейся традиции ориентирован на юго-запад (рис. 37).

Здесь также спереди высятся мощный портал с вписанной в него стрельчатой аркой, пяты которой находятся на высоте 3,22 м от земли. В настоящее время верх арки разрушен, но по её остаткам можно судить, что арка была выложена клинчатой кладкой в один кирпич, имела стройную пропорцию и служила основным акцентирующим элементом архитектурного оформления сооружения.

Плоскость стены главного фасада расчленена на ряд вертикальных полосок при помощи нишек по 45 см шириной и 12 — 13 см глубиной, обрамляющих порталную арку прямоугольной рамкой в виде буквы «П».

Нишки-бороздки, как и на мавзолее Аяк-Хамыр, были предназначены для плиток, которых, к сожалению, туда не вставили (никаких следов — налепов раствора, — говорящих об этом, нет). На высоте 2,42 м, на два ряда кирпичей выше пят арки, на наружных углах пештака, оставлены небольшие площадки-уступы для установки круглых трехчетвертных колонок. Эти колонки выкладывались из специальных лекальных шлифованных кирпичей, диаметр которых равнялся 35 — 37 см. Кладка была выведена очень тщательно, с тонкими, ровными швами. Общую высоту этих колонок, как и всего пештака, трудно представить, так как они сейчас значительно разрушены.

Высота сохранившейся части сооружения равна: на пештачной части — 3,70 м, а на параллелепипеде основного объема — 2,90 м. Наружные поверхности всех стен, кроме передней, гладкие, без каких бы то ни было архитектурно-декоративных оформлений, что соответствовало установившейся тогда традиции в строительстве мавзолеев на территории нынешнего Центрального Казахстана.

В щипцовой стене порталной ниши, которая здесь не особенно глубокая, всего на 1,20 м, оставлен входной проем размером 1,30x2,20 м. Он перекрыт стрельчатой аркой-сводом в один кирпич. Это первое сооружение, единственное среди старых мавзолеев с таким оформлением входного проема. Обычно проемы делали с прямоугольными перемычками. По своей форме арка близко подходит к килевидной, мало встречающейся в памятниках архитектуры казахского народа (рис. 38, 39).

Мавзолей в плане имеет прямоугольную форму с размерами сто-

рон по наружной конфигурации 9,31x10,90, а по внутренней - 6;29X X6,27 м, при этом пилоны равны только 3,38 X 1,20 и 3,28 X 1 /20 м (рис. 40).

При помощи угловых арок в ярусе парусов, выведенных на выступающих пятах, квадрат трансформирован в восьмигранник, необходимый для устройства подкупольного барабана, на котором покоился купол диаметром 6,27 м. Сзади арок паруса заполнены ячеистой трехъярусной кладкой — конструктивными сталактитами и напускными рядами кирпичной кладки, переходящими в полукупол (рис. 41).

В настоящее время верх угловых арок, барабан и весь купол разрушены, поэтому судить об их точных размерах не представляется возможным. Все сооружение выполнено из красного жженого кирпича размером 32X 32x6 см. Кладка стен произведена на глиняном растворе, а арки — на ганче. Стены мавзолея толщиной 1,50 — 1,90 м сохранились сравнительно в удовлетворительном состоянии, но в нижних частях имеют большие разрушения. Эти разрушения произошли от действия атмосферных осадков и механических повреждений, полученных во время обрушений карнизов и купола. Фундамент под здание заложен неглубоко; он состоит из кирпича, залитого глиняным раствором. Пол был, как обычно, застлан одним рядом кирпичей «плашмя».

Мысленно восстанавливая архитектурные и конструктивные формы этого мавзолея, учитывая при этом его крепостцеобразные стены, мы можем представить, что в свое время он был мощным, монументальным и цельным архитектурным сооружением, созданным в период подъема народного зодчества. Простой план, строгие и выразительные архитектурные формы, технически грамотно выполненные работы по кирпичной кладке и штукатурке говорят о довольно высокой культуре строительного искусства того времени. Народные мастера сумели, придерживаясь строительных традиций, творчески использовать архитектурное наследие и создать это монументальное сооружение.

Письменных источников или археологических данных, говорящих о времени возникновения мавзолея Болган-ана, мы в своем распоряжении не имеем. Имеющиеся о нем отдельные ссылки и указания путешественников не устанавливают истории его возникновения. Так, например, капитан Н. Рычков в своих записках пишет: «... Кингири хотя текут из разных мест, но потом, сообщившись все вместе, впадают одним устьем в реку Сары-Су. При устье сих соединений рек находятся славные развалины, именуемые Джань-Ана, что значит Толстая мать. Там поныне видимо великое множество каменных развалин и других остатков древних зданий. Сказывают, что тут была столица Чингиз-хановских потомков, коих владение распространилось во всех пределах сея страны»¹.

И. А. Кастанье, ссылаясь на Рычкова и А. Левшина, пишет: «Джупан-Ана, признак немалого города, на реке Кенгир (южная часть Акмолинской обл.), впадающей в Сарасу, от устья оной верст с восемь. Тут поныне видимо мечетей до пяти и одни палаты, кои немало опустились в землю. Киргизцы объявляют, что тут бывало жилище некоторого ногайского хана»².

«А. Левшин в своем «Описании Киргиз-кайсацких орд и степей 1832 г.» говорит о развалинах палат и мечети, называемых Джан-Ана. вероятно, то же, что и Джапан-Ана. Автор говорит, что тут будто бы расположен был дворец одного из потомков чингисовых»¹.

Как видим, эти ссылки мало указывают на время возникновения мавзолея Болган-ана. Нам же крайне желательно установить хронологические границы памятника. Это мы можем сделать только путем сравнения и сопоставления Болган-аны с другими сооружениями подобного же назначения, у которых хотя бы примерно определены даты возведения. По типу, стилевым признакам и характеру применения строительной техники его возникновение можно отнести к началу XV века. В этом нас убеждают следующие соображения: во-первых, этот тип мавзолея почти аналогичен мавзолею Аяк-Хамыр и выполнен только в более упрощенных формах; во-вторых, отказ от применения декоративных резных или поливных плиток для заполнения борозд на главном фасаде сооружения — явление, обычное для памятников более поздних времен, чем XIII—XIV вв.; в-третьих, применение штукатурки в порталной нише также характерно для памятников позднейшего времени; в-четвертых, материал сооружения — кирпич — покрыт менее толстым слоем серо-бурого жесткого лиша, чем на памятниках Аяк-Хамыр или Алаша-хан.

Среди населения существует предание, которое хотя и в малой степени, но все же может нас ориентировать на примерный период возникновения этого сооружения. Оно гласит, что ханша Болган-ана жила около пяти веков тому назад до калмыков (ойротов), примерно в начале XV в. В этот период, как известно, в Центральном Казахстане началось постепенное складывание казахского ханства. И, возможно, что отдельные представители его правящей феодальной верхушки, экономически достаточно сильные, были в состоянии возвести такое сооружение на могиле своего родственника. Различные вариации устного предания с течением времени могли измениться, но основа его, в той или другой степени, должна была остаться. Рассуждая таким образом, нетрудно придти к выводу, что временем сооружения мавзолея Болган-ана может быть начало XV в.

Относительную сохранность мавзолея по сравнению с другими сооружениями, руины которых находятся поблизости, можно объяснить тем, что прежде окружающее население относилось к нему с уважением, оберегало его от разрушений и, возможно даже производило небольшие предупредительные ремонты. Это сооружение, безусловно, и сейчас имеет свою историко-архитектурную ценность. Проведение археологических раскопок на руинах многих сооружений, группирующихся вокруг Болган-аны, позволило бы обнаружить более интересные материалы, могущие лучше раскрыть значение этого памятника в истории развития национальной архитектуры казахского народа.

В соседстве с мавзолеем Болган-ана стоит другой, небольшой мавзолей, более позднего происхождения, но также сильно разрушенный. Основной причиной его разрушения явились плохое качество строительных работ и несоблюдение технических правил. Облицовка наружных и внут-

¹ Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкие степи, 1771 г. Спб, 1772, стр. 75.

² Н. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Ч. I. Оренбург, 1762, стр. 514.

¹ И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 19.

ренных поверхностей стен из жженого красного кирпича произведена без перевязки с массой стены, сделанной из сырца и пахсы, поэтому последние разрушаются раздельно, отслаиваясь друг от друга. Этот мавзолей был двухкамерным и двухкупольным сооружением. Подобные памятники сравнительно редко встречаются на территории Казахстана. Отдельного обмера и исследования его мы не производили.

Мавзолей Тулек

Километрах в 10 от г. Новый Джезказган, около реки Кара-Кенгир, находится мавзолей Тулек. Он расположен у подножья большой сопки и ориентирован на юго-запад.

По композиции это — портално-купольное сооружение с очень слабо развитым порталом-пештаком. Вместо традиционной мощной стрельчатой арки с глубокой нишей по середине выведена небольшая и неглубокая нишка размерами 0,40х2,00 м в плане и 2,83 м высотой. Она оформлена слабенькой полуциркулярной аркой, архивольт которой сделан в полкирпича. В глубине, в ее задней стене, устроен вход в мавзолей в виде арочно-го проема размером 0,72х1,56 м (рис. 42, 43, 44).

Передняя стенка, как и боковые, оформлена просто. На ней нет сложных архитектурных элементов. Гладь стен слегка оживлена, кроме нитки и входного проема, небольшим фризом из декоративных плиток и двумя узенькими поясками, протянутыми вдоль него — сверху и снизу в виде зигзагообразной кирпичной кладки.

Верхний поясок сделан в два раза шире нижнего, что зрительно немного облегчает сверхлежащую кладку. Ширина фриза — 23 см, поэтому и плитки сделаны квадратными, размеры их сторон — 23х22 см. Плитки — резные, керамические. Рисунок на них выведен в виде сложного растительного орнамента с неглубоким рельефом. Этот фриз протянут не только по главному фасаду, но и по боковым, где отсутствуют нижние пояски зигзагообразной кладки (рис. 45).

Через входной проем мы попадаем внутрь мавзолея — в камеру. Здесь тоже очень скромно применены архитектурные элементы и детали. С первого же взгляда интерьер напоминает по оформлению мавзолей Алаша-хан в миниатюре: почти тех же профилей арки, выведенные над нишами в стенах и в углах, те же конструктивные кирпичные сталактиты в два яруса в углах восьмигранника для перехода на круглый подкупольный барабан, тот же метод клинчато-радиальной кладки на сферовидном куполе и т. д. Подражание мавзолею Алаша-хаи заметно не только в отдельных архитектурных приемах и деталях, но и в композиции плана, внутренний абрис которого равен 4,95х4,97 м. По наружным измерениям он представляет собой прямоугольник (7,00х7,45 м), близкий к квадрату. Некоторое увеличение размера продольной стороны произошло за счет утолщения передней стенки, в которой устроена входная ниша.

По объему этот мавзолей — небольшое однокамерное сооружение, увенчанное сферическим куполом. Высота сохранившейся части пештака равна 4,98 м, которая, вероятно, и первоначально была немногим вы-

ше этой отметки, так как на ней произошли сравнительно небольшие разрушения. В основном пострадали карнизы на пештачной части и параллелепипеде основного объема камеры. Так же довольно сильно пострадал купол, у которого обрушился весь верх.

Памятник сложен из темнокрасного жженого кирпича, имеющего в основном одинаковые размеры — 26х26х5,5 см, но встречаются и другие размеры-половинки. Кирпичная кладка произведена удовлетворительно, на глиняном растворе без тщательной перевязки швов между рядами.

В конструктивном отношении все сооружение решено в кирпиче, нигде нет применения дерева. В отличие от рассмотренных выше памятников здесь на фундамент применен не кирпич с кирпичным щебнем, а плитняк (мергель) на глиняном растворе и сделан небольшой цоколь из камня и кирпича, что предотвратило преждевременное разрушение здания.

Внутри камеры на грунте был сделан кирпичный пол в один ряд «плашмя» и возведены две саганы над могилами похороненных здесь. Саганы сейчас разрушены, и кирпичи разобраны на другие цели.

По рассказам некоторых местных жителей, это сооружение было возведено примерно около 150—175 лет тому назад, т. е. во второй половине XVIII в. Это кажется вполне оправданным, если судить по типу, стилевым признакам и состоянию сооружения на сегодняшний день. Во-первых, тип портално-купольных сооружений с заниженными пештаками еще сохранялся в XVIII в.; во-вторых, стилевые приемы в кладке арок, конструктивных сталактитов (ячеистая кладка), купола, в устройстве пояса фриза на фасадах, практиковавшиеся в строительстве мавзолеев XIII — XIV вв., еще по традиции копировались и в XVIII в., но не вполне удачно и часто в искаженном виде; в-третьих, в выделке кирпича сохранились старые образцы и размеры; в-четвертых, керамические плитки имеют хорошие, четкие рельефные рисунки растительного орнамента, также применявшиеся в других сооружениях XVI — XVIII вв.; в-пятых, исторически этот период, т. е. вторая половина XVIII в., мог содействовать возникновению таких сооружений в этих районах потому, что тогда здесь были сосредоточены казахские племена Среднего жуза (Орта-жуз), теснимые джунгарами. Более сильные экономически представители феодально-байской верхушки могли соорудить этот мавзолей на могиле своего почитаемого сородича.

В настоящее время это сооружение находится в удовлетворительном состоянии, несмотря на имеющиеся разрушения в купольной и пештачной частях, карнизов и пола внутри мавзолея. Из почитания к мавзолею вокруг него произведены и теперь производятся захоронения, которые оформляются небольшими мавзолеем или надмогильными сооружениями в виде саганы или холмиков.

Мавзолей Тулек интересует нас как памятник своей эпохи. Его изучение помогает раскрывать историю и пути развития казахской национальной архитектуры, основанной на народном зодчестве. Несомненно, что он имеет и определенную историко-архитектурную ценность.

Для получения более полного представления о мавзолее Алаша-хан нам необходимо подробно рассмотреть и мавзолей Жузденъ. Он также расположен на правом берегу реки Кара-Кенгир, в 25 км от своего прототипа — мавзолея Алаша-хан, у самой дороги. Такое близкое расположение мавзолея у дороги, видимо, продиктовано желанием строителей привлечь внимание путников, следующих по этим местам (рис. 46, 47, 48).

Это намогильное сооружение построено бием из рода найманов, но имени Жузденъ (Дзен), имя которого ему и присвоено. Род найманов был давно расселен по долинам рек Кара-Кенгир и Сары-Су. Мавзолей Жузденъ, как повествует народное предание, построен для возведения рода найманов по настоянию батыра Ерденья — брата Жузденя.

Мавзолей Жузденъ, по рассказам жителей колхоза им. Калинина (среди которых имеются и потомки Жузденя), был построен еще при жизни самого Жузденя, хотевшего уподобить его образу мавзолея Алаша-хан. Его план ничем не отличается от плана своего прототипа, за исключением размеров отдельных деталей. Здесь также в основу положен квадрат со сторонами, равными по внутреннему абрису 5,38 X 5,43 м, а по наружному, представляющему прямоугольник со сторонами—8,38X 10,35 м. Удлинение размеров продольных сторон произведено за счет размеров мощных пилонов, имеющих в плане 1,82 X 2,94 м и 1,69 X 2,98 м (рис. 49, 50, 51).

Сходство этого памятника с мавзолеем Алаша-хан наблюдается не только в компоновке плана и общего архитектурного оформления, но почти и во всех деталях и конструкциях. Фактически он является копией первого; правда, копия оказалась неудачной по выполнению. Это объясняется упадком строительного искусства в Казахстане в первой половине XIX в.

Тип памятника Жузденъ не новый, он столетиями вкоренялся в строительство мавзолеев в степях Казахстана. В основу его положен куб, увенчанный полусферическим куполом на невысоком десятигранном призматическом барабане. Впереди высится грузный портал-пештак высотой 9,75 м. Его пропорции настолько грузны, отдельные архитектурные формы настолько непластичны, что с любых точек наблюдения он производит тяжелое, давящее впечатление.

Для архитектурно-декоративного оформления фасадов и интерьера применены традиционные средства, веками практиковавшиеся здесь, — арки, пилоны, конструктивные сталактиты, резные орнаментированные плиты и т. д. Ниша портала, перекрытая полуциркульным сводом, с фасада оформлена аркой, архивольт которой опирается на шестигранные трехчетвертные колонки. Последние установлены на уступы внутренних углов пилонов на обресе кирпичного цоколя. Высота цоколя равна 1,97 м.

Колонки вначале имели штукатурную из алебаstra фактуру, которая постепенно в большей своей части отвалилась. Базы у них оформлены так же, как и на мавзолее Алаша-хан, в виде «яблочек». Капители отсутствуют. Передняя грань портала выше обреза цоколя оформлена неглубокими вертикальными нишками в виде поясков, охватывающих порталную нишу рамкой; их размеры — 10 X 29 см, 11 X 31 см и 10 X 44 см.

В среднюю нишку вставлены резные керамические плитки квадратной формы. Геометризованный орнамент плиты сделан в виде восьмиугольников, рельефно выступающих и переплетающихся между собой. В середине помещен рисунок выпуклого цветка — «восьмилепестника» (рис. 52).

Эти плиты сейчас не имеют поливы (если она и была, то, вероятно, очень низкого качества и постепенно стерлась с плит). Можно предполагать, что местные мастера к тому времени, видимо, утратили навыки выделки хорошей поливы, поэтому ее редко применяли. Крепились плитки в пояске ниши на ганчевом растворе. От времени раствор разрушался и часть плиток вывалилась.

Верх пештака, как и куб основного объема, увенчан небольшим карнизом в виде горизонтальной кладки «напуском». Под ним идут два ряда кирпичей «зигзагом», а далее — фриз высотой в 60 см, сделанный из керамических плиток размером 50 X 60 см. Эти плитки так же, как и на мавзолее Алаша-хан, имеют резной рисунок — восьмиконечную звезду. Фриз зажат сверху и снизу двумя рядами поливного кирпича (рис. 53).

Наружные плоскости стен боковых и заднего фасадов имеют декоративное оформление в виде фигурной кирпичной кладки, выполненной ромбами и «елочками» (рис. 54, 55).

Входной дверной проем, устроенный в щипцовой стене порталной ниши, имеет прямоугольную форму размером 0,77 X 1,70 м и перекрыт горизонтальной перемычкой. Он ничем не закрывается, как и у всех мавзолеев прежних времен.

Интерьер мавзолея оформлен идентично мавзолее Алаша-хан. Здесь такие же арки, паруса, украшенные напускными рядами и зигзагообразной кладкой, конструктивные сталактиты в углах восьмигранника, такие же архитектурные ниши и т. д., поэтому и общее впечатление, казалось бы, должно было оставаться одинаковым. На самом же деле, этого нет. Причина заключается в том, что в деталях имеются значительные расхождения. Внутри царит полумрак из-за недостаточности освещения, т. к. наверху — в замке купола — не оставлено светового отверстия, а проемы подкупольного барабана малы. Поэтому слабо освещенный интерьер не производит хорошего впечатления.

На уровне второго этажа, так же как у Алаша-хана, устроена галерея-ход с каморками в углах здания. В эту галерею ведет лестничный ход, устроенный так же в массиве кладки левого пилона. Со второго этажа попадаем в третий — на площадку вокруг подкупольного барабана и в помещения, расположенные в массиве кладки. Отсюда можно проникнуть на самый верх пештака, на огражденную площадку, где, как говорят местные жители, ближайшие родственники покойного совершали намаз в поминальные дни (рис. 56).

Помещения, устроенные в массивах кладки пилонов, имеющие в плане размеры 1,76 X 1,59 м, перекрыты сводами (балхи). Для чего предназначались эти помещения, не известно, но практически они могли только облегчать массив кладки пештака.

Этот мавзолей решен в кирпиче, без применения дерева для несущих конструкций. В небольшом количестве оно было употреблено в перемычках входного проема, в световых проемах подкупольного барабана, на переходе лестницы со второго на третий этаж, и как арматура з кирпич-

ной кладке. Так, в четырех углах камеры, в массиве кирпичной кладки, были заложены сосновые бревна сечением по 22 — 25 см и длиной 5,5 — 6,0 м от фундамента до пола каморок, где видны их концы. Что этим преследовали строители — не понятно. Они, повидимому, хотели предотвратить неравномерную осадку здания и появления трещин между кубом основного объема и пештаком. Арки, своды, купол сложены в один кирпич методом клинчатой кладки. Это исключило необходимость опалубки. Она применена в небольшом количестве для направляющих кружал. Камера мавзолея перекрыта сферовидным куполом диаметром 4,85 м. Здесь строители прибегли к обычному традиционному приему, т. е. сделали вначале переход с квадратного плана на восьмиугольный, затем, на круглый — подкупольный барабан призматической формы и т. д., путем устройства перекидных арок в углах камеры и применения конструктивных сталактитов в углах восьмигранника. Такой прием устройства безлесных перекрытий больших помещений в монументальных сооружениях, пожалуй, единственно возможный способ для перехода от квадрата к куполу. Наверху, в замке купола, для света не оставлено круглого отверстия в виде тюндык юрты, как на его прототипе. Снаружи купол имеет конусообразный вид. Очень оригинальным и интересным решением кажется нам устройство выхода на площадку вокруг подкупольного барабана, а оттуда — на верхнюю площадку пештака. Для этого в его нависающей части с задней стороны, приходящейся над лесничным проходом, сделана глубокая ниша, через которую выходим на площадку вокруг купола и по винтообразную небольшую лестницу, ведущую на верх пештака. Полуциркулярный свод над нишей с одной стороны опирается на своеобразную кладку, похожую на сталактитовую, а с другой, — на кладку массива. Таким приемом зодчему удалось разрешить трудную техническую задачу при кирпичных конструкциях.

Примененный на кладку жженный кирпич красного цвета размерами 26 X 26 X 6 см и 28 X 28 X 6 см — невысокого качества, легко поддается выветриванию и выкрашиванию. Вся кладка, за исключением купола, сводов и арок, велась на глино-саманном растворе, при очень толстых, в некоторых местах, швах, достигающих до 5 — 5,5 см толщины. Это не преминуло сказаться на состоянии сооружения, т. к. оно село неравномерно и дало «выпучивание» стен в разные стороны, достигающие до 18 — 20 см против вертикалей. Особенно это заметно на портале-пештаке. Неравномерной осадке и частично преждевременному разрушению здания способствовал и непрочный фундамент, заложенный только на глубину 35 — 40 см. Он сложен из кирпича и кирпичного щебня на глиняном растворе.

Пол выложен кирпичом? На нем воздвигнуты две рядом стоящие саганы со стрельчатыми штукатурными верхами; большая поставлена главе семьи — Жуздено, а меньшая — жене. Обе саганы находятся в хорошем состоянии.

Здесь, как и на мавзолее Алаша-хан, внутри под замком купола, концами в его оболочку, заложены две пары взаимно пересекающихся жердей, а ниже, на высоте 3,50 — 3,60 м, в кладке углов восьмигранника, — консоли из толстых кусков саксаула длиной по 60 — 65 см. Для чего они сделаны, также не понятно. Видимо, для ритуальных надоб-

ностей, на что указывает и А. Х. Маргулан в своей статье «Архитектурные памятники в долине р. Кенгир»¹.

Социально-экономические условия и состояние строительного искусства в Казахстане в XIX в. сказалось на решениях объемно-пространственной композиции и в технике производства работ на этом памятнике. Здесь не чувствуется влияния русской культуры, постепенно проникавшей в казахские степи. Строитель его — местный мастер Серали Елеманов — не сумел творчески воспринять прогрессивные черты и элементы конструкции из народного зодчества. Этот памятник далек от своего прототипа (застывшие формы прошлого, нет архитектоники здания и т. д.). Управление по делам архитектуры при Совете Министров Казахской ССР учло историческую ценность мавзолея. По его указанию в 1947 г. был проведен предупредительный ремонт памятника (рис. 57).

Местное население почитает мавзолеем Жузденя. Вокруг него возникло небольшое кладбище. Среди надгробных сооружений обращают на себя внимание два небольших мавзолея, возведенные на могилах сыновей Жузденя — Кустабая и Жанула. Последние в объемно-композиционном отношении решены как купольные сооружения (гумбезы) с небольшими примитивными пештаками. На главной оси расположены небольшие арочные ниши, в глубине которых, в задней стене, устроены входы внутрь также в виде арочных проемов (рис. 58, 59).

Для архитектурного оформления фасадов применены несложные средства: фигурная кладка из кирпича и керамические штампованные с рисунками плитки 32 X 32 см для фриза. Рисунок их примитивный, грубый, в виде «зубчатки» и т-образных выкружек. Фигурная кладка «елки» применена на глади боковых стен. Интерьеры помещений оформлены просто, в кирпиче. Перекрытия их камер сделаны конусовидными куполами, возведенными традиционными приемами — при помощи перекидных арок в углах помещений (рис. 60).

Материалом для обоих памятников служил саман и жженный кирпич нового образца — вершковое измерение; последний применялся только на облицовку наружных и внутренних поверхностей стен, на арки и куполы. На вид оба сооружения производят хорошее впечатление, но в производстве работ допущены большие погрешности; облицовка сделана без перевязки с основной — саманной частью, поэтому она отслаивается и отваливается.

Оба мавзолея построены в конце 90 годов XIX и начала XX вв. На обоих памятниках отразилось влияние прогрессивных методов русского строительного искусства.

Мавзолеи Торт-Кара

Недалеко от районного центра Улу-Тау, километрах в 25 от него в сторону Атбасара, на старом караванном пути на почтовом тракте из Атбасара в Джусалы и в Кызыл-Орду, находится мавзолеем Торт-Кара.

¹ А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1947, № 11 (32), стр. 66.

Возле него нет надмогильных сооружений, за исключением одного кирпичного четырехугольного открытого ограждения, предназначенного для семейных захоронений. Его возвели, как передают среди местного населения, на могиле одного из представителей феодально-родовой верхушки местных баев в 50-х годах XIX в. Главный вход сооружения ориентирован на юго-запад (рис. 61, 62, 63).

Кругом простираются степи Дешт-и-Кипчак, славившиеся в свое время как степи «золотой равнины». Их пересекают в разных направлениях небольшие отроги соседних Улутауских гор. Между увалами текут небольшие речушки и ручейки; широкая степь, богатая летом зеленью, пригодна для скотоводства. Именно благодаря этому, степи Дешт-и-Кипчак всегда являлись местом сосредоточения наиболее влиятельных представителей тогдашнего феодально-родового общества. Здесь имели поместья в свое время потомки Джучи-хана и другие ханы и султаны, а в XVI в. при хане Хак-Назаре даже административный центр казахского ханства переместился к этим местам. Правда, на это повлияли, кроме природных условий, и политические события, развернувшиеся в этот период в Казахстане.

Мавзолей Торт-Кара сложен из жженого красного кирпича квадратного сечения (25 X 25 X 5,5 см) на глиняном растворе. Техника выполнения работ невысокая, примененный материал не отличается хорошим качеством.

На объемно-композиционном и архитектурно-декоративном решении этого здания целиком сказался предшествовавший период упадка строительного дела и прикладного искусства в Казахстане. В выполненных архитектурных деталях видно подражание неполноценным формам и искаженным пропорциям, вкоренившимся к этому времени в местную архитектуру. Строители его не сумели творчески воспринять лучшие стропильные приемы из архитектурного наследия прошлого. Слепое подражание малохудожественным формам современных сооружений или прямое их копирование не могли, конечно, дать оригинального архитектурного памятника.

Многие детали здесь выполнены примитивно. Памятник не имеет даже ясно выраженного традиционного пещтака. Вместо него над передней стеной сделан небольшой парапет высотой в 1,25 м, который должен был бы, по мысли строителей, заменить пещтак. Но он настолько немошен и невыразителен по отношению к объему здания, что совершенно теряется на нем.

На главном фасаде имеется неглубокая ниша, перекрытая стрельчатой аркой вялой формы. Ее пропорции немасштабны и невыразительны. Качество кирпичной кладки низкое. Внизу, в глубине ниши, сделан небольшой трапецевидный входной проем в виде окна размером 54 X 77 см. Проникнуть в мавзолей можно только через этот проем.

Арку обрамляет неглубокая бороздка-нишка П-образной формы, в которую вставлены резные керамические плитки размерами 23 X 23 см. Плитки имеют рельефный с растительными формами орнамент, выполненный по мотивам кошкар-муюиз. Под аркой, на щипцовой стене ниши, выведены два горизонтально расположенных рядом пояса с такими же плитками. Цвет рисунка плиток темнокрасный, а фон бледнозеленова-

тый, сделанный путем окрашивания. На общем розовато-красном фоне стены эти пояски неособенно заметны. Чтобы немного оживить монотонность стен фасадов на пещтаке и боковых поверхностях стен, под карнизом выведены зигзагообразные кладки, которые являются одним из элементов архитектурного оформления этого сооружения (рис. 64, 65).

По объемно-композиционному решению это сооружение откосится к центрическому, портално-купольным сооружениям с недоразвитым пещтаком, а в плановом отношении — к однокамерным зданиям.

По плану мавзолей Торт-Кара напоминает Алаша-хан. По наружному абрису он представляет квадрат — 7,25 X 7,25, а по внутреннему — 3,92 X 3,94 м.

В характере оформления интерьера те же традиционные приемы. Стрельчатые арки только с искаженными формами и пропорциями перекрывают ниши в стенах и углах. Конструктивные сталактиты и стрельчатые арки мало отвечают своему назначению, они более декоративны, чем конструктивны. Кладка купола произведена горизонтальными рядами, методом ложного свода, поэтому он принял вытянутую конусообразную форму. Купол покоится на барабане, оформленном снаружи в виде восьмигранной призмы со скошенными сверху гранями. На главных осях этого барабана оставлены небольшие световые проемы, через которые проникает внутрь скудный свет.

В отличие от большинства мавзолеев внутренние поверхности стен Торт-Кары оштукатурены глино-саманным раствором и побелены известью. Это некоторым образом смягчает недостатки, имеющиеся в интерьере. В нишах по штукатурке сделана многоцветная фресковая роспись, изображающая сложный казахский национальный орнамент. Роспись от времени во многих местах стерлась, выцвела и потеряла ясность рисунка (рис. 66).

Пол в мавзолее кирпичный, уложенный в один слой «плашмя», на нем имеются следы нескольких захоронений.

Неглубокий фундамент мавзолея повлек неравномерные осадки, приведшие в свою очередь к некоторому искажению форм.

Общее состояние сооружения в настоящее время удовлетворительное, за исключением небольших разрушений, имеющих на пояске из керамических плиток и наружных углах цоколя.

Мавзолей Бурабай

Мавзолей Бурабай расположен недалеко от г. Новый Джекказган, километрах в 20 от него вверх по реке Кара-Кенгир. Он стоит на кладбище (бейте) в окружении многих других сооружений небольших объемов. Возведен Бурабай во второй половине XIX в.

На этом памятнике можно проследить генезис архитектурных форм национального зодчества казахского народа и пути развития его строительного искусства. Поэтому необходимо изучение этого сооружения. В его архитектурных формах ясно читаются признаки эволюции строительных приемов во второй половине XIX в. под влиянием русской прогрессивной культуры. Правда, здесь нет той монументальности и величест-

венности форм, которые мы наблюдали на мавзолеях Алаша-хан, Аяк-Ха-мыр и на некоторых других памятниках, но зато в этом сооружении четко обнаруживаются новые формы и приемы архитектуры, отвечающие новым условиям развития экономики и культуры страны.

По объемно-композиционному решению мавзолей представляет собой купольно-центрическое сооружение (гумбез); основа его — куб (рис. 67, 68).

Передний фасад, обращенный на юго-запад, имеет небольшую надстройку — парапет, имитирующий пештак, экранная плоскость которого обработана в виде трех неглубоких ниш, завершенных полуциркульными арочками. Одна из них — средняя, большая по размерам, предназначалась для входной ниши, поэтому в ее щипцовой стене имеется дверной проем размером 0,70 X 1,10 м. Архивольты этих арочек и дверного проема оформлены в полкирпича, поэтому конструктивно они не производят впечатления мощных. Все стены, как и парапет, завершены карнизом простого профиля, состоящим из двух рядов кладки с «напуском». Под ним имеется один ряд кладки «зигзагом», немного оживляющий монотонность стен. Ниже размещен фриз, опоясывающий здание со всех сторон. Он сложен в один ряд кирпичом, поставленным на ребро, с прозорами. Ярко освещенный фриз дает глубокую светотень, создающую вид • рельефности.

Боковые и задний фасады не имеют никаких выступов и ниш; для их декоративного оформления применена горизонтальная елочная кладка в 6 рядов. Введение елочной кладки на наружных поверхностях стен — явление не редкое в строительной практике позднейших периодов. Такой прием упрощал работу строителей по оформлению фасадов, исключал необходимость применения других, более сложных архитектурных средств.

По наружному абрису план равен 5,80 X 6,15, а по внутреннему — 4,20 X 4,47 м. Разница размеров наружных сторон вызвана устройством утолщения в передней стене, доходящей до 107 см, в которой устроены ниша и галерея-ход над входным проемом. Внутри, по бокам от входа, у наружных стен расположены небольшие лестницы, ведущие на галерею. Они имеют чрезвычайно суженные размеры (рис. 69).

Что касается приемов строительной техники и конструктивных деталей, то они довольно обычны, но качество работ гораздо выше, чем на памятниках XVIII и начала XIX вв. Камера мавзолея перекрыта сфероподобным куполом, переход к которому сделан давно практиковавшимся приемом в строительстве мавзолеев. Купол слегка вытянут в конус и выведен методом клинчатой (радиальной) кладки на известково-алебастровом растворе. Непосредственно над полом в кладке южной стены, также немного утолщенной (до 88 см), устроены две ниши размерами в планке по 118 X 50 см и высотой 81 см. Они сообщались между собой через склеп, находящийся под полом. Останки умершего вносили в склеп через правую нишу. Левая же предназначалась для выхода «души». Такой доступ в склеп характерен только для этого памятника. Нечто подобное мы находим у мавзолея Кумуканова, находящегося в западной части Бетпак-Далы, около песков урочища Джеты-Конур. Но там имеется один вход, притом не в стене, а в полу (рис. 70).

Цель устройства двух лестниц, ведущих вверх — на галерею, непонятна, так как одна из них, левая, выхода на верхнюю площадку не имеет, она закрыта на уровне перекрытия галерейки. Для освещения камеры, кроме дверного проема, имеются четыре небольшие отверстия, оставленные в средней части купола на его главных осях. Традиционная небольшая площадка вокруг основания купола не имела, вероятно, практического значения.

Кладка всего здания произведена из жженого кирпича на глиняном растворе. Размеры кирпича взяты в пределах 25 X 25 X 6 см. Небольшой цоколь в 20 см и фундамент под стенами глубиной в 30 см сложены из плитняка (песчаника и мергеля) также на глиняном растворе.

Купол, эта наиболее ответственная часть, сложен из кирпича лучшего качества на известково-алебастровом растворе. Толщина его оболочки выдержана в один кирпич. На наружной поверхности оставлены в шахматном порядке выступающие кирпичи, которые могли служить ступенями лестницы, ведущей на самый верх купола.

Пол внутри мавзолея выстлан в один кирпич «плашмя», он сохранился.

Общее состояние сооружения удовлетворительное, так как этому способствовали устройство фундаментов под стенами и хорошее производство строительных работ.

Мавзолей Дюсе́лбек

В соседстве с мавзолеем Бурабай стоит мавзолей Дюсембек, который датируется 90 годами XIX в. и имеет довольно хорошую сохранность. По своим внешним формам он отличается от других подобного рода сооружений. Основа его — параллелепипед — увенчана куполом, а по углам, на передней стене, обращенной в юго-западную сторону, устроены две башенки в виде небольших кубиков, завершенных куполками (рис. 71, 72).

При компоновке главного фасада этого памятника строители отказались от устройства традиционного портала или примитива его, который веками практиковался в строительстве культовых сооружений. При первом же взгляде на него становится ясно, что его архитектурные формы в известной мере отражают приемы и традиции русского каменного зодчества, постепенно проникшего в Казахстан со второй половины XIX в. Применение необычной композиции двухчастного деления, наличие лучкообразных и полуциркульных арок наравне со стрельчатыми говорят об эклектичности архитектурных форм этого сооружения.

В плане мавзолей по наружному абрису представляет прямоугольник с размерами сторон 6,76X6,00 м, а внутри — 4,60X4,55 м, т. е. почти квадрат (рис. 73).

Удлинение боковых сторон произошло за счет утолщения передней (юго-западной) стены, доходящей до 130 см, в массиве кладки которой устроена галерея, соединяющая лесенки-лазы, ведущие вверх — к куполу.

Гладь стены переднего фасада оживлена двумя пшиками глубиной

по 18 см, перекрытия которых оформлены стрельчатыми арочками. Подобная же нишка глубиной в 9 см имеется на юго-восточной стене с полуциркульной аркой. В середине этой нишки сделан входной проем размером 0,75X1,24 м, который завершен также полуциркульной аркой. В отличие от традиционных правил вход в мавзолей сделан здесь не на главном фасаде, а на боковом, обращенном на юго-восток. Такое отступление от твердо установившихся правил объяснить довольно трудно. Но это, видимо, было вызвано необходимостью, т. к. на главном фасаде, имеющем две рядом расположенные нишки, нельзя было сделать дверной проем по оси здания. Кроме того, этот проем мог помешать устройству галерея на уровне второго этажа, поэтому проход и перенесли на боковую сторону. Возможно, это объясняется и тем, что старые строгие требования устройства входа обязательно на главном фасаде нарушались некоторыми вольными приемами, проникшими в строительную практику позднейшего периода.

Внутри, в углах мавзолея, устроены небольшие перекидные арочки на выступающих пятах, которые дают возможность переходить с квадратного плана на восьмиугольный. Далее восьмигранник при помощи ячеистой кладки в его углах переходит на круг подкупольного барабана. Углы парусов под арками оформлены также при помощи ячеистой кладки, имеющей четыре яруса сталактитов (рис. 74). Слева от входа в толще передней стены для выхода на площадку вокруг купола, как указано было выше, устроены два хода-лаза размером каждый 0,54X1,39 м. Ввиду большой ограниченности размеров пользоваться этими ходами-лазами очень трудно. Они соединены между собой галереей размером 50 X 1,30 м. Правый ход-лаз не имеет выхода на верхнюю площадку к куполу; выйти к куполу можно только через левую башенку, в полу которой есть специальное отверстие-лаз размером 0,50 X 0,55 м; отверстие примерно такого же размера имеется и в задней стенке башенки для выхода на площадку — к куполу.

Башенки по размерам небольшие — 1,92x1,63 м и высотой 1,10 м. Назначение их неизвестно. Вероятнее всего, что они поставлены только как архитектурное оформление в подражание русскому строительному искусству. Для освещения их камер на передних фасадах в кирпичной кладке оставлены небольшие отверстия размером 20x25 см.

Купол над камерой мавзолея снаружи выведен так же, как и на мавзолее Бурбай, без установки на традиционный многогранный барабан. Такие примеры в практике строительства мавзолея позднее встречаются довольно часто. Они — результат стремления к упрощенческим приемам в народном строительном искусстве.

Купол сложен довольно тщательно радиальными рядами, в виде клинчатой кладки, что обеспечило его сохранность. Но, несмотря на это, строители не сумели выдержать сферическую форму, поэтому купол получился немного конусообразным.

В направлении главных осей сооружения в куполе, по традиции, оставлены четыре небольшие отверстия, через которые попадает внутрь незначительный свет. По той же причине в кладку наружной поверхности купола вставлены в шахматном порядке концы небольших жердочек длиной по 30—40 см и толщиной 2—3 см, •

Здание возведено целиком из жженого кирпича алого цвета на глиняном растворе. Качество кирпича хорошее. Внутренние поверхности стен и купола оштукатурены глиносаманным раствором и побелены известью. Под зданием имеется неглубокий фундамент в 25 — 30 см, а над ним — цоколь такой же высоты. Сложенные из плитняка (песчаника, мергеля и других видов камней) на глиняном растворе, они надежно обеспечили сохранность сооружения.

Пол внутри здания был сделан ниже наружной отметки земли и выстлан кирпичом в один ряд «плашмя». На нем возведены две саганы, большая по размерам поставлена над могилой самого Дюсембека, а меньшая — над могилой его жены, что указывало на главенствующее положение мужа в семье.

В настоящее время этот памятник находится в удовлетворительном состоянии. При соответствующем надзоре Дюсембек может быть надолго сохранен.

Мавзолей Косубай-Кара

В пяти километрах от г. Новый Джезказган, у реки Кара-Кенгир, стоит небольшое кирпичное сооружение — мавзолей Косубай-Кара. По своим размерам он невелик. Но Косубай-Кара привлекает внимание своим оригинальным объемно-композиционным и архитектурным решением, совершенно отличным от других мавзолеев. При его возведении полностью было учтено одно из требований, предъявляемых к архитектурным сооружениям на открытой местности, а именно: хорошее обозрение его издали со всех сторон. Поэтому памятник воздвигнут на холме, недалеко от дороги (рис. 75).

По композиционному приему этот мавзолей относится к центрально-купольным сооружениям, а по плановому решению — к однокамерным крестовидным зданиям.

В плане как по внешней конфигурации, так и внутренней он представляет равноконечный крест с крыльями размером 4,11X2,64 м до 4,16X2,76 м (рис. 76, 77).

Незначительные отклонения некоторых размеров в отдельных элементах вызваны, повидимому, неточностью исполнения работ в натуре, а не заранее заданными величинами. По замыслу заказчика, мавзолей должен был представлять семейную усыпальницу. Главе семьи отводилось центральное место в мавзолее, а для этой цели форма креста была более подходящей.

В связи с крестообразностью плана все фасады мавзолея оформлены одинаково, причем концы креста ориентированы по странам света. В одном из них, в южном, в неглубокой нише, завершенной в виде стрельчатой арки, сделан входной проем, а в остальных устроены нишки, имитирующие окна. Архивольты этих арочек напоминают широкую клинчатую кладку, довольно рельефно выступающую на плоскости стен. Наружные углы торцов креста срезаны и украшены гофрированными лекальными кирпичами, создающими впечатление устремленности ввысь, в виде каннелюр (рис. 78, 79).

По наружному периметру сооружение опоясывают два фриза; нижний выполнен из фигурных, гофрированных кирпичей в два ряда, а верхний — из квадратных, желтоватого оттенка кирпичей, поставленных на ребро с прозорами, так что при освещении получают глубокие светотени, создающие впечатление триглицев. Карниз не развит, очень упрощен, уложен в один горизонтальный ряд кирпича с «напуском» над стеной, поэтому общий силуэт здания подчеркивается резко выраженными прямыми линиями верхних и боковых граней и плавными закруглениями конуса куполов. Общее впечатление от архитектуры фасадов, выполненных в оригинальных формах, хорошее. Надо отдать должное народным мастерам, возводившим это сооружение, что они здесь проявили подлинное мастерство. Силуэт этого сооружения напоминает некоторым образом русскую часовню. В этом сказалось влияние культовой архитектуры русского зодчества.

Ввиду своеобразности плана интерьер мавзолея получился довольно интересным. На пересечении граней внутренних плоскостей стен в кладке сделаны выступы толщиной 10 и шириной 85 см, служащие опорами для пологих (бочковидных) арок, перекинутых через проем крыла креста. На эти арки опираются четыре куполка, возвышающиеся над плоской кровлей. Они группируются вокруг среднего купола, более высокого, под которым имеется небольшой барабан, оформленный в виде пояса из фигурной кирпичной кладки: два ряда обычной рядовой кладки чередуются с одним рядом кладки на ребро, «зигзагом», что создает рельефность пояса. В парусах, под пояском, возведены два ряда ячеистой (сталактитовой) кладки, позволяющей перейти с квадратного плана на круглый. Подобная же кладка наблюдается во всех углах крыльев креста. Никаких других архитектурных украшений внутри мавзолея нет. Стены не оштукатурены и не окрашены. Конусообразные куполы сложены методом кладки «ложных сводов». Такая упрощенная кладка, примененная вместо радиально-клинчатой, облегчала работу, но не оправдывала конструкцию. Поэтому внутри мавзолей имеет невзрачный вид (рис. 80, 81).

Налево от входа, в толще боковой стены, находится небольшой узкий проход-лаз на крышу-кровлю; пользоваться им очень трудно. Кровля почти плоская, устроенная путем укладку кирпича «плашмя» на забученные пазухи между арками. Для стока воды сделан небольшой уклон к краям кровли. В среднем куполе оставлены четыре небольших отверстия, ориентированные по странам света. Через эти отверстия и дверной проем в мавзолей скудно пробивается свет, поэтому там всегда полумрак.

Мавзолей возведен на неглубоком фундаменте и цоколе высотой в 30 см, сложенными из камня на глиняном растворе. Стены сделаны из красного жженого кирпича также на глиняном растворе. В применении стандартного кирпича вершкового (не метрического) измерения выразилось влияние русской строительной техники. Качество кирпичной кладки вполне удовлетворительное, поэтому сооружение хорошо сохранилось до наших дней. Пол мавзолея земляной, сильно изрытый кладочниками.

Памятник возведен, по рассказам местных жителей, в 1903 г. местным баем на могиле своего отца Косубай-Кара.

Это сооружение должно найти свое место в истории развития национальной архитектуры казахского народа. Необходимо рассмотреть и изу-

пить его архитектурные и композиционные достоинства, выявить прогрессивные приемы и конструкции, которые, можно использовать в современном строительстве.

Рядом с Косубай-Кара находится мавзолей Дос-Мурза — неудачная копия памятника Жузден, или, может быть, даже Алаша-хана. Сложен он из глино-самана, поэтому его конструкции, не говоря уже об архитектуре, маломощны и малооправданны.

Мавзолей Кара-Куль

В 25 километрах от г. Новый Дзержинск, недалеко от реки Кара-Кенгир, на правом берегу, стоит мавзолей Кара-Куль. По его виду и состоянию можно определить, что он построен недавно. Действительно, мавзолей возведен в 1904—1905 гг. В архитектурных формах памятника ясно отразилось то новое, что появилось в строительном искусстве того времени. Стилиевые признаки Кара-Куля и композиционные приемы указывают на творческую переработку наследия национальной зодчества и форм русской архитектуры позднейшего времени. Здесь имеются пилястры в виде лизен, различные раскреповки, лучковые арочки и своды, ромбовидные выкладки на глади стен, сделанные путем «втапливания» их в самую кладку, и т. д., не свойственные, приемам прежней национальной архитектуры. Это говорит о том, что строительство в городах к началу XX в. имело большое влияние на местные традиции и технику производства работ и сыграло значительную роль в подъеме архитектуры. Ярким доказательством служит рассматриваемый нами объект (рис. 82, 83).

По традиции здание — однокамерное, центрическо-купольное сооружение, ориентированное на юго-запад. Строители, отдавая должное прошлому, учли обозреваемость здания со всех сторон, и поэтому все его фасады, особенно главный, решены с подчеркнутой парадностью. В этом отношении успех строителей очевиден. На мавзолее сборный карниз из обожженных керамических плиток гармонирует с рельефным изображением арок. Он легкий и ажурный. Плитки, как и часть кирпичей, употребленных в кладку ромбов, имеют разноцветные тона, сделанные, повидимому, в виде фрески по сырой поверхности до обжига; они сейчас сильно поблекли. Этот карниз опоясывает здание с трех сторон, причем на переднем фасаде — на парапете, П-образной формы в плане, он расположен гораздо выше, чем на боковых. Недостатки в креплении плиток к кирпичным стенам повлекли за собой преждевременное их выпадение и разрушение.

По композиции главный фасад имеет трехосевое членение тремя неглубокими нишами, завершенными арочками (полуциркульной формы на средней и лучкообразными на крайних). Средняя ниша по высоте и ширине больше, т. к. по ее оси, являющейся главной осью здания, устроен входной проем размером 0,87X1,98 м с лучкообразной перемычкой. Ниже карниза, на глади стен главного фасада, в кладке сделана имитация «зубчатки» крепостных стен, в нишах — ромбовидные выкладки, две раскреповки по сторонам входного проема и пояс из заполученного кирпича под сборным карнизом. На боковых фасадах те же приемы оформления, что и на главном.

В плане мавзолей представляет собой квадрат со сторонами, равными 4,88 X 4,79 м по внутреннему абрису и 6,65 X 6,97 м по наружному. Общая высота мавзолея — 7,35 м (рис. 84, 85).

Некоторая разница продольных сторон произошла из-за увеличения толщины передней стены. В приемах устройства конструкции для трансформации плана с квадрата на восьмиугольник, а затем на круг применен тот же традиционный метод, что и на других мавзолеях. В куполе, в направлении главных осей здания, оставлены четыре небольшие отверстия. Интерьер помещения производит хорошее впечатление, т. к. стрельчатые арки, перекрывающие ниши, и паруса в углах, сделаны в удачных пропорциях. Он создает впечатление большого объема и монументальности.

Справа от входа, в толще передней и боковой стены, устроена небольшая по размерам лестница-ход наверх, к площадке купола. Эту площадку вокруг подкупольного барабана с наружной стороны ограждает невысокий парапет.

Стены здания сложены из жженого красного кирпича на глиняном растворе. Штукатурка отсутствует.

Пол мавзолея, настланный кирпичами в один ряд, «плашмя», хорошо сохранился. Над могилой покойника никаких сооружений в виде саганы не возведено.

Здание имеет неглубокий фундамент из камня и кирпичного боя и над землей — кирпичный цоколь высотой в 40 см, которые способствовали сохранению здания.

Общее состояние сооружения удовлетворительное, за исключением части разрушившегося парапета с карнизом.

Мавзолей Жерапай-Майкин

В 80—90 км от с. Улу-Тау, в сторону Атбасара, около урочища Деви (Кургасына), бывших английских концессионных свинцовых разработок, находится мавзолей Жерапай-Майкин. Расположен он в верховьях реки Кара-Тургая, близко подходящих к верховьям реки Кара-Кенгир.

По размерам это небольшое здание, сложенное из темнокрасного жженого кирпича на глиняном растворе. По композиции относится к центрально-купольным сооружениям с однокамерным помещением (рис. 86, 87, 88).

Мавзолей возведен на неглубоком фундаменте, сложенном из камня-плитняка на глиняном растворе.

Основа его куб, на котором высится конусообразный купол. На переднем фасаде, ориентированном на юго-западную сторону, возведен небольшой парапет (имитация пештака) высотой 1,09 м. Высота куба от земли до обреза карниза равна 4,20 м, высота конического купола — 2,90, а общая высота мавзолея — 7,10 м. Для декоративно-архитектурного оформления фасада применены неглубокие ниши на боковых и задней стенках, полуколонки из лекальных кирпичей на четырех углах, фриз из разных орнаментированных терракотовых плиток (без поливы) и заполуваленный карниз.

Настенные ниши, слегка суживающиеся кверху, перекрыты вялыми по форме лучкообразными арочками. Орнамент фризových плиток очень прост — в виде попарно поставленных друг против друга завитков, как «кошкар-муюиз», выведенных рельефно. Первоначально до обжига их фон, повидимому, был окрашен в зеленовато-красный цвет, который впоследствии поблек, о чем можно судить по оставшимся следам. Оформление карниза совершенно своеобразное, нигде не встречающееся. Над фризом уложен один ряд кирпича «на ребро»; на него нанесен неглубокий профиль в виде гребенки (зигзага); затем идет один ряд кирпича в «ложок», и, наконец, сверху карниз завершен двумя половинками лекального кирпича, образующими по сечению полувал. В рядовой кладке парапета на переднем фасаде выведен небольшой пояс, оформленный как фриз, что слегка оживляет его плоскость.

В плане мавзолей как по наружному абрису, так и по внутреннему представляет собой квадрат со сторонами, равными 5,68X5,60 и соответственно 3,46X3,52 м. Незначительные отклонения в размерах идентичных сторон произошли по вине строителей, неточно выполнивших работы (рис. 89).

По главной оси здания, на переднем фасаде в неглубокой нише, имеется дверной проем размером 1,36X0,79 м. Он перекрыт кирпичной перемышкой в виде арки.

В отличие от принятых в древних мавзолеях прямоугольных дверных проемов, закладываемых непосредственно с земли и удобных для входа в мавзолей, проем сделан здесь над высоким порошком с дверью, закрывающейся на крючок и замок. Это говорит об утилитарном использовании сооружения.

Внутри мавзолея, на боковых стенах и в парусах, устроены традиционные неглубокие ниши, перекрытые пологими, лучкообразными арочками, способствующими переходу с квадратного плана на восьмиугольный. Арки выведены слабыми, их пропорции неудачны. Сзади арок находятся паруса, оформленные кирпичной кладкой в виде нависающих рядов, которые на 9 ряду заканчиваются шельгой арки (рис. 90).

По верхнему поясу стен сделана зигзагообразная кирпичная кладка, а на ней покоится конусообразный купол. Сложен он просто, горизонтальными напускными рядами методом кладки «ложного свода», чем и объясняется его вытянутая форма. В направлении главных осей здания имеются небольшие окошечки в виде световых проемов. Проникающий через них свет слабо освещает внутренность камеры.

Снаружи купол не имеет барабана. Он поставлен непосредственно на перекрытие. По традиции в его оболочке расположены в шахматном порядке два ряда небольших жердочек.

Для подъема на купольную площадку, в правом углу от входа, имеется небольшая лестница-лаз шириной около 38 см, ведущая наверх. Проход через него чрезвычайно затруднен.

Кирпичный пол в мавзолее, уложенный в один ряд «плашмя», не имеет сооружений в виде саганы, указывающих на место захоронения покойника.

Сейчас этот памятник находится в удовлетворительном состоянии благодаря фундаменту под зданием и хорошему качеству строительных работ. Как сообщают жители с. Улу-Тау, он построен в девяностых годах XIX в. баем Жерапаем-Майкином.

По стилистическим признакам и качеству произведенных строительных работ он так же, как мавзолей Косубай-Кара и Кара-Куль, относится к периоду подъема строительной деятельности в Казахстане. Анализ этих памятников говорит об исканиях зодчих того времени новых форм в архитектуре, опирающейся на достижения как казахского, так и русского строительного искусства.

Г Л А В А II

ХАРАКТЕР АРХИТЕКТУРЫ И МЕСТО КАРА-КЕНГИРОКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗОДЧЕСТВЕ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Районы Центрального Казахстана, в частности долины рр. Кара-Кенгир и Сары-Су, — места наибольшего сосредоточения памятников архитектуры — развивались по сравнению с соседними областями несколько обособленно. Этому, по нашему мнению, благоприятствовали природно-климатические и исторические условия, а также расположение этих мест вблизи караванных путей, проходивших в нескольких направлениях из северных областей в южные. Поэтому есть все основания утверждать, что эти районы в свое время, в раннефеодальный период, уже имели достаточно развитую материальную культуру, которая оставила след в виде памятников — надгробных сооружений.

Из истории известно, что до VIII в. н. э. здесь жили различные племенные объединения кипчаков, которые впоследствии вошли в состав казахского народа. Зарождение и развитие строительного искусства на территории Центрального Казахстана связано со строительной деятельностью кипчаков. Народное зодчество, очевидно, достигло наибольшего расцвета в период подъема экономики области и базировалось на местных строительных традициях, на многовековом опыте народных мастеров предшествующих периодов. Это подтверждается сохранившимися памятниками архитектуры — мавзолеями Домбаул, Алаша-хан, Джоши-хан, Аяк-Хамыр и другими, которые не имеют прототипов как в Центральном Казахстане, так и в соседних областях, бедных архитектурными памятниками раннего периода, кроме Юга Казахстана.

Только на основе ранее существовавшей строительной практики и преемственности традиций могли создаваться такие произведения зодчества, как эти памятники, а также и те, которые превратились в руины.

Центральный Казахстан постоянно находился в хозяйственной и культурной связи с другими областями Казахстана и Средней Азии. Поэтому сюда проникали некоторые формы архитектурного творчества Южного Казахстана, отчасти Мавераннахра и Хорезма, областей, с более развитой культурой, имевших оседло-земледельческие районы и богато развитые городские центры, где были сосредоточены замечательные

произведения среднеазиатского зодчества. Но это влияние не могло иметь доминирующего значения, т. к. Центральный Казахстан и указанные области развивались в различных социально-экономических условиях. В Центральном Казахстане архитектурные формы решались более просто и строго, чем в Южном Казахстане, Мавераннахре и Хорезме. Мы не чувствуем здесь противоречий между художественно-декоративным оформлением, архитектурой и конструкцией сооружения, какие нередко имеются на некоторых среднеазиатских памятниках. Здесь нет места перегрузке вычурным декором, характерной для упадочнического периода в архитектуре.

Эти памятники возводились по иным художественно-строительным принципам. Мавзолеи Алаша-хан, Аяк-Хамыр и некоторые другие монументальны не своими размерами и пышной декоративностью, а хорошо продуманными и выявленными пропорциями, ясностью образа и целостностью сооружения.

В данной работе не даны анализ каждого сооружения в отдельности, сравнение его с другими памятниками архитектуры, находящимися как на территории Казахстана, так и на территориях других среднеазиатских республик. Анализ сделан кратко по каждому типу.

Как было сказано во введении, мавзолеи Центрального Казахстана подразделяются на три типа: *центрические*, *портально-купольные* и *беспортальные* (или, если их можно так назвать, псевдопортальные). Четвертым типом можно было бы считать четырехугольные каменные или кирпичные ограждения, служившие местом семейного захоронения, но мы данный тип здесь не рассматриваем.

Первый тип — *центрический* — имеет более древнюю историю зарождения, относится к дофеодальному и раннефеодальному периоду, к VIII — X вв. н. э., т. е. ко времени до распространения ислама на территории центральных и северных областей нынешнего Казахстана. Этот тип представлен мавзолеем Домбаул. Его объемно-пространственное решение простое; памятник по внешнему виду напоминает жилище кочевника — юрту. Невзыскательный заказчик того времени не мог предъявить строителям особых требований к архитектурно-декоративному оформлению. Мавзолеем по объему небольшой, но мощный, рассчитанный на многовековую сохранность. Подобные сооружения более ранних периодов не сохранились на территории Казахстана и поэтому нам неизвестны. Такие несложные сооружения, как Козы-Корпеш — Баян-Слу, Денгек и др., создавались в XIII — XV вв. в подражание более ранним сооружениям. Возводимые мавзолеи этого периода носили сугубо утилитарный характер.

Второй тип сооружений — *портально-купольный* — был широко распространен позже в районах Центрального Казахстана. По существу он и явился прообразом многих последующих архитектурных сооружений, которые находятся на нынешней территории Казахстана. Лучшие образцы этого типа — мавзолеи Аяк-Хамыр, Алаша-хан, Джоши-хан, относящиеся к XII — XIV вв., являются памятниками периода расцвета строительного искусства в Центральном Казахстане. Их архитектурный облик был вызван повышенными требованиями к сооружениям типа мавзолеев, требованиями новых приемов, проникавших в строитель-

ную технику, и прогрессивных форм. Эволюция архитектурно-композиционных приемов, художественно-декоративного оформления и строительной техники шла медленно, но прогрессирующими путями. В XII — XIV вв. она достигла наибольшего развития. Этот период истории характеризуется подъемом архитектуры не только в Казахстане, но также в Мавераннахре и Хорезме. Среди различных типов мусульманских культовых сооружений портально-купольный, достигший большого расцвета, является основным.

Серьезное внимание уделялось главному фасаду памятника. Портал здесь является центральной фигурой, которой подчинены все архитектурные пропорции и формы. В отличие от самаркандских мавзолеев (Шах-и-Зинда), которые поражают вычурной, изысканной и пышной декоративностью главных фасадов и интерьеров, в памятниках Центрального Казахстана воплощены величавая простота и строгость. Их мощные порталы с глубокими нишами, прекрасно подчеркивающие монументальность, довольно резко отличаются от порталов южно-казахстанских и среднеазиатских мавзолеев.

Ни на главных фасадах, ни в самих помещениях нельзя найти различных эпиграфических надписей, красиво и замысловато вплетенных в архитектурные детали среднеазиатских мавзолеев. Это объясняется, по-видимому, не только и не столько стремлением к простоте и ясности образа, сколько отсутствием соответствующей идейной направленности, вызванной сравнительно пониженным уровнем религиозного фанатизма у казахов. Также не получило широкого распространения и применение декора из глазурованных, мозаичных и майоликовых плиток. Местные мастера, видимо, не были знакомы с их производством, а строители из других областей не принимали участия в создании архитектурных памятников (в противном случае декор получил бы большее распространение).

Купол в этих памятниках является важной архитектурной формой и основной конструкцией перекрытия. Его возведение, как и портала, было центральной задачей зодчего. В портально-купольных сооружениях купол выводили в одинарной оболочке, за исключением мавзолея Джоши-хан и некоторых других памятников Южного и Западного Казахстана. Этим они значительно отличаются от мавераннахреких и хорезмийских, где наружная оболочка купола являлась чисто архитектурно-декоративным элементом сооружения.

В некоторых случаях в устройстве граненого подкупольного барабана (мавзолей Джоши-хан) применена довольно причудливая форма — семнадцатиконечная звезда в плане. Здесь сказалось влияние приемов обработки подкупольного барабана мавзолея Бабаджа-Хатун.

Для оживления монотонности стен боковых и задних фасадов на некоторых мавзолеех (Алаша-Хан, Жуздень) применена кирпичная орнаментальная кладка в виде «елки» или диагональной сетки из поясков, с «ромбами», похожими на орнаментацию мавзолея Кара-хан и минарета в Джар-Кургане. Этот прием напоминает кереге юрты. Он не нашел здесь широкого применения потому, что в своем развитии не достиг

тех замечательных результатов, какие мы наблюдаем на мавзолее Исмаила Самани и минарете Калян («минарет смерти») в Бухаре.

Третий тип — *беспортальный*, — применяемый при купольных перекрытиях основного помещения, был распространен почти по всему Казахстану. Он является подражанием второму типу, т. е. портално-купольному, и возник в конце XVII и начале XVIII вв. По этому типу возведены сооружения позднейшего времени. В практике строительства он имеет разнообразные варианты, осуществлявшиеся вплоть до начала XX в. В этом мы видим проявление упадка строительного искусства, вызванного противоречиями в экономической, социальной и культурной жизни общества, а также сложной внешней политической обстановкой, сложившейся в тот период в Казахстане.

В дальнейшем во второй половине XIX в., в связи с присоединением Казахстана к России, происходит подъем экономики страны и оживление в области строительства. Здесь мы наблюдаем влияние передовой русской архитектуры, ее прогрессивных форм и приемов на зодчество в Казахстане (применение фундаментов, цоколя, полуциркульных арок, раскреповок, стандартного кирпича и т. д. на памятниках-мавзолеях Дюсембек, Косубай-Кара, Кара-Куль, а также Айтман, Иманбай на Устьурте и Сенека на Мангышлаке). Последние из них своими объемно-пространственными композициями очень напоминают русские церковные сооружения — часовни (рис. 91, 92, 93).

Беспортальные сооружения характеризуются в основном упрощенной трактовкой и измельченностью архитектурных форм и элементов, примененных на фасадах и в интерьерах, примитивностью декоративных оформлений.

Если на портално-купольных сооружениях XII — XIV вв. применялся высококачественный устойчивый кирпич, который способствовал их сохранности, то на последних — беспортальных — он был более низшего качества, а зачастую применялись даже сырец и пахса.

Особой группой беспортальных мавзолеев XVI — XIX вв. выступают памятники района реки Сыр-Дарья и гор Кара-Тау, которые имеют исключительно развитые (башнеобразные) конические куполы, как, например, мавзолеи Шик-Нияз, Кармакчи-Ата, Сузакские и другие (рис. 94, 95, 96, 97).

В их общих композиционных приемах сказывается некоторым образом хорезмийское влияние (мавзолеи Фахр-ад-дин-Рази, Текеша, минареты, находившиеся недалеко от описываемых памятников). Здесь могло сказаться и влияние далеких азербайджанских башнеобразных мавзолеев, как Юсиф-ибн-Кусайир и Маминэ-Хатун в Нахичевани и других мест.

Все рассмотренные нами памятники являются однокамерными сооружениями, аналогичными своим предшественникам из Южного Казахстана. Поэтому им присущи и общие черты в архитектурно-конструктивных приемах — переход с квадратного плана на восьмигранник, устройство в парусах перекидных арок, арочные, сводчатые и купольные перекрытия и т. д.

Одной из характерных черт национальной архитектуры Казахстана является применение арок во всевозможных вариантах. Эти арки имеют различные очертания: стрельчатые, полуциркульные, лучкообразные (бочковидные); первые и третьи из них отличаются от подобных арок других среднеазиатских памятников по виду и способу их построения (рис. 98).

Применение стрельчатых трехцентровых арок отмечается в период расцвета архитектурно-строительной деятельности в отдельных районах Казахстана, а полуциркульных, как более простого построения, — в позднейших сооружениях. В этот же период наблюдаются и лучкообразные арки в сооружениях с эклектическими применениями различных форм и архитектурных деталей. Более упрощенные арки применялись в неглубоких нишах в виде ложного свода. И, наконец, в самое последнее время, в конце XIX и начале XX вв., делались килевидные арки.

Резная терракота и поливные плитки не получили здесь широкого распространения, потому что этот вид искусства среди кочевого населения был мало развит, хотя он в Южном Казахстане еще при Караханидах достиг расцвета, вызванного оживленной городской жизнью.

Изучая памятники периода расцвета архитектуры, мы устанавливаем, что народные мастера пользовались при композиционном построении определенным модулем и пропорциональным членением. Как удалось нам установить, таким модулем была взята практиковавшаяся тогда мера длины — гяз (кез), равная примерно для этих мест 72—80 см, причем для каждого здания она была различной. Для мавзолея Аяк-Хамыр гяз (кез) равнялся 75 см (длина трех кирпичей) и укладывался по главному фасаду 11 раз ($44+3+4$ —пилоны и входная ниша), по боковой стороне — 13 ($11+2$, причем 2 приходится на длину пилон) и в высоту пештака — 11 раз, что указывает на вписываемость объемной композиции в куб.

Высота порталной ниши равна 6 гязам, т. е. двум квадратам по отношению к ширине. Высота боковых стен составляет 7 гязов, высота купола — 4 гяза, а общая — 11 гязов, т. е. равна высоте пештака и размерам плана основного объема. Как видим, народный мастер, обладая тонким архитектурным чутьем, прекрасно справился с пропорциональным построением отдельных элементов сооружения.

То же самое мы имеем и на мавзолее Алаша-хан. Здесь гяз равен 80 см (примерно длине трех кирпичей). Фасад мавзолея скомпонован соответственно трехчастному делению в плане, каждое из которых равняется четырем гязам, поэтому общая ширина равна 12 гязам ($4+4+4$ —боковые пилон и плюс порталная ниша), длина — 14,5 гяза ($12+2,5$ гяза, причем последняя цифра соответствует длине пилон). Высота порталной ниши составляет 8 гязов, т. е. равна двум квадратам, а самого портала — 14 гязов. Внутри план равен 8×8 гязов. Мы и тут имеем полную выдержанность в размерах, выраженных в гязах и пропорциональных соотношениях.

В мавзолее Джоши-хаи гяз составляет 72 см (примерно 1,5 локтя). Здесь ширина главного фасада достигает 10 гязов ($3+4+3$ —пилоны

и порталная ниша), длина — 13 (10 + 3, из которых 3 составляют длину пилона) и высота пештака — 11 гязов. Портальная ниша равна 6 гязам при ее ширине в 4 гяза, т. е. составляет соотношение 1 : 1,5. Внутри клан имеет измерения 7Х7 гязов. Из приведенных примеров видим, что в модулях участвуют измерения, равные гязам различной длины, а в пропорциях — соотношениям 2:3:4, наиболее распространенным в архитектурной практике классических сооружений. Но не на всех памятниках это точно соблюдается; например, на сооружениях периода упадка строительного искусства этого мы не встречаем. Здесь уже измерения зачастую случайные и непропорциональные.

Одним из основных вопросов данной работы является определение места рассмотренных нами памятников в архитектурном наследии Казахстана и Средней Азии. Выше упоминалось, что портално-купольная архитектура представляет одну из характерных черт среднеазиатского зодчества. Это с полным основанием можно сказать и о портално-купольной архитектуре Казахстана. В этом отношении кара-кенгирские памятники выделяются особо. Мы нигде больше не найдем на территории Казахстана, кроме обособленно стоящего в г. Туркестане мавзолея Ходжа-Ахмед-Ясеви, таких мощных, хорошо развитых порталов с массивными пилонами, фланкирующими глубокие ниши. Такой тип здания в своей основе подчинен идее центрического сооружения, характерного для мавзолеев Центрального Казахстана. Рассмотренные памятники отличаются от ургенчских мавзолеев — Тюрабек-Ханым, Наджм-ад-дин-Кубра и других тем, что порталы последних примыкают к основной массе здания не непосредственно, а через небольшие секции, чего мы не встречаем на изучаемых мавзолеях.

В рассмотренных типах сооружений наблюдаются три основных элемента:

- а) куб основного тела;
- б) купол;
- в) портал с декором или без него.

Генезис этих форм, в отличие от форм южно-казахстанской и среднеазиатской архитектуры, имеет много местных самобытных черт, развивавшихся на опыте местного строительного искусства. Это дает нам право рассматривать кара-кенгирские памятники обособленно от других сооружений Казахстана и Средней Азии.

Архитектура памятников Аяк-Хамыр и Алаша-хан не заслонена излишним декором. Элементы конструкции подчинены архитектуре и усиливают ее значение, многие из них являются вполне прогрессивными.

В этих местах в ранние периоды истории Казахстана нам неизвестны медресе и мечети: вместо них иногда использовались мавзолеи.

Памятники долины реки Кара-Кенгир, не в пример среднеазиатским, которые возводились рабами, военнопленными и профессиональными квалифицированными строителями-мастерами из подвластных стран, строились народными мастерами, воспитанными на местных традициях. В распоряжении этих зодчих, кроме их «умелых рук», едва ли что-либо было, если не считать далеко несложной техники.

Датировка рассмотренных памятников, как мы указывали, относится к различным эпохам. Основные из них — Аяк-Хамыр Алаша-хан, Джоши-хан, — являющиеся классическими образцами для многих последующих памятников, прототипами их, относятся к домонгольскому и монгольскому периодам, к периодам исключительного значения в истории казахского народа. Поэтому они, как и памятники караханидского периода Южного Казахстана (Бабаджа-Хатун и Айша-биби), представляют ценнейшее наследие в национальном зодчестве казахского народа и имеют неоспоримое право на широкое историко-научное изучение и творческое осмысление их советскими архитекторами и искусствоведами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение памятников архитектуры Центрального Казахстана, относящихся к различным периодам его истории, неразрывно связано с условиями социально-экономической и политической жизни народа. Без учета этой связи, вне её, нельзя объяснить причины прогресса или упадка архитектурно-строительной деятельности народа.

Систематическое изучение памятников народного зодчества прошлого началось в послевоенный период.

Изучение этих памятников доказывает существование самобытного творчества в национальном зодчестве казахского народа с отдаленных времен до наших дней. Оно возникло и развивалось в сложных исторических и социально-экономических условиях, в различных районах по-разному. Памятники созданы руками мастеров, к сожалению, безвестных, воспитанных веками на народных строительных традициях. Монументальность памятников породила вокруг них различные легенды. Мавзолеи имеют и общие черты, характеризующие их стилевую принадлежность, и черты, присущие в основном только казахскому народному зодчеству: юртообразные сооружения, высокие, монументальные пештаки на мощных пилонах, декоративные шестигранные трехчетвертные колонки и п-образные пояски из резных керамических или поливных плиток на главных фасадах, широкие фризы из таких же плиток и под ними зигзагообразные кирпичные кладки, обходящие здание со всех сторон, а также орнаментальная кирпичная кладка на боковых фасадах, одинарные куполы и граненые барабаны. Внутри помещения в парусах применена ячеистая («сталактитовая») кладка и устроены своеобразные импосты в углах восьмигранников и т. д.

Художественная ценность рассмотренных памятников архитектуры Центрального Казахстана, безусловно, не одинакова, поэтому не все они могут претендовать на глубокое изучение и сохранность. Некоторые из них, как Домбаул, Алаша-хан, Джоши-хан, Аяк-Хамыр, являющиеся прототипами многих последующих культовых сооружений, очень ценны для истории. Они должны быть сохранены, изучены и реставрированы. Изуче-

ние и широкая популяризация их облегчит советским архитекторам труд по созданию новой, национальной по форме, социалистической по содержанию архитектуры казахского народа, усвоение лучших традиций архитектурно-художественного наследия, являющегося неиссякаемым источником вдохновения для советских зодчих, отображающих в своих творениях великую эпоху социалистического строительства.

При изучении прошлого необходимо критически его воспринимать, уметь провести грань между прогрессивными и реакционными чертами и тенденциями и все лучшее творчески использовать для нужд социалистического строительства «... прошлое не безупречно, но упрекать его бессмысленно, а вот изучать — необходимо...»¹. Об этом же говорил А. А. Жданов в своем выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б): «Мы, большевики, не отказываемся от культурного наследия. Наоборот, мы критически осваиваем культурное наследство всех народов, всех эпох, для того, чтобы отобрать из него все то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке и культуре»².

Глубокое изучение уцелевших памятников монументальной архитектуры многовековой давности, являющихся в отдельных случаях неподражаемыми творениями народных мастеров, и знакомство с ними в известной мере помогают составить представление об исторических судьбах создавшего их народа, об его культуре, строительном искусстве и господствовавшей идеологии. В. И. Ленин говорил: «...каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима...»³. Выразительный язык архитектуры, запечатленный в камне, расскажет нам о минувшей эпохе, породившей его. Здесь уместно привести слова бессмертного Н. В. Гоголя: «Архитектура, тоже летопись мира, она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания...»⁴. Поэтому при изучении истории национальной архитектуры народа мы не имеем права обходить молчанием даже незначительные памятники, являющиеся исторической ценностью. «Дело чести наших архитекторов, — говорил Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС, — создать социалистический архитектурный стиль, который должен воплощать в себе все лучшее, накопленное архитектурной мыслью человечества в прошлом, и, вместе с тем, опираться на самые передовые творения советского зодчества»⁵.

Реставрация более ценных памятников должна осуществляться не только во имя их историко-художественной значимости, но и для

¹ М. Горький. Речь на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. Советский писатель, 1937, стр. 514.

² Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). Выступление товарища А. А. Жданова. М., 1948. Стр. 132—148.

³ В. И. Ленин. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. Соч., т. 27, изд. 4, стр. 105.

⁴ Н. В. Гоголь. Избранные статьи и письма. Гослитиздат, т. IV. М., 1950. Статьи из сб. «Арабески», ч. I, II, ст. «Об архитектуре нынешнего времени», стр. 57.

⁵ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М., 1956.

заимствования некоторых прогрессивных строительных приемов, оправдавших себя в архитектуре на протяжении многих веков. Такими приемами мы считаем методы безлесного строительства этих памятников, которые в современных условиях организации и строительства колхозов в безлесных, полупустынных и степных районах Казахстана могли быть успешно применены в практике их строительства (рис. 99, 100),

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Собрание сочинений, т. VIII.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг, т. XIV. М., 1948, стр. 172.
Ленин В. И. Сочинения, тт. 25, 27.
Бартольд В. В. История культурной жизни Средней Азии. Ташкент, 1927.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.
Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М. — Л., 1950.
Бернштам А. Н. Мазар Манаса. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1946.
Басенов Т. К. Архитектурные памятники района Сам. Алма-Ата, 1947.
Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. М., 1939.
Веймарн Б. В. Регистан в Самарканде. М., 1946.
Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., 1950.
Герасимов Г. Г. Архитектура Кара-Тау. «Известия Академии наук Казахской ССР», 1950, вып. 2, № 80.
Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., — Л., 1939.
Дадашев С. А. и Усеинов М. А. Архитектура Азербайджана. М., 1948.
Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948.
Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. М., 1928.
Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.
Кастанье И. А. Надгробные сооружения Киргизских степей. Оренбург, 1906.
Константинова В. В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарья. «Известия Академии наук Казахской ССР», серия архитектурная, вып. 2, № 80, 1950.
Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Памятники архитектуры народов СССР. Гумбез Манаса, 1950.
Массон М. Е. Старый Сайрам. Ташкент, 1928.
Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
Маргулан А. Х. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1947, № 11 (32).

Мендикулов М. М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана. «Известия Академии наук Казахской ССР», 1950, серия архитектурная, **вып.** 2, № 80.

Пилявский Б. И. Ургенч и Миздахкан. М., 1948.

Пугаченкова Г. и Ремпель Л. Бухара (Узбекистан). М., 1949.

Сатпаев К. И. Доисторические памятники в Джезказганском районе. «Народное хозяйство Казахстана», 1941, № 1.

Сборник статей. Архитектура республик Средней Азии. М., 1951.

Сборник статей. Архитектура республик Закавказья. М., 1951.

Умняков М. И. Архитектурные памятники Средней Азии, Ташкент, 1929.

Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

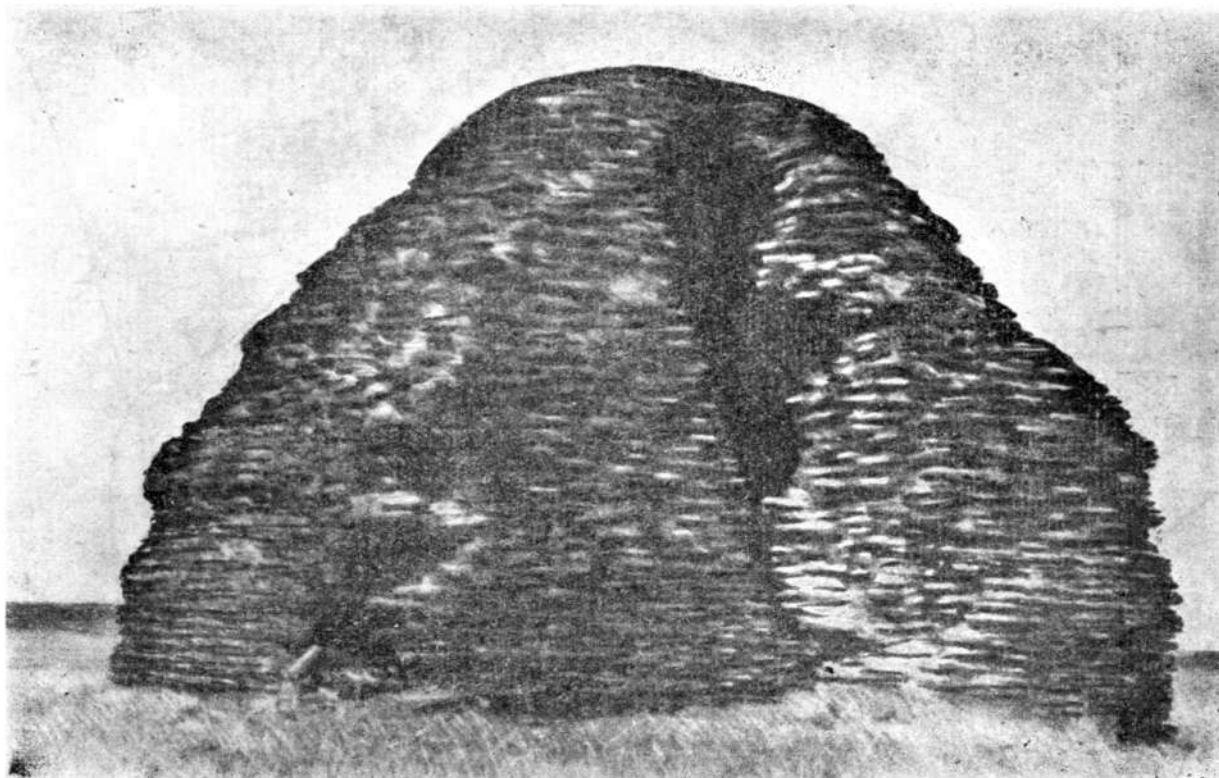

Рис. 1. Мавзолей Домбаул.

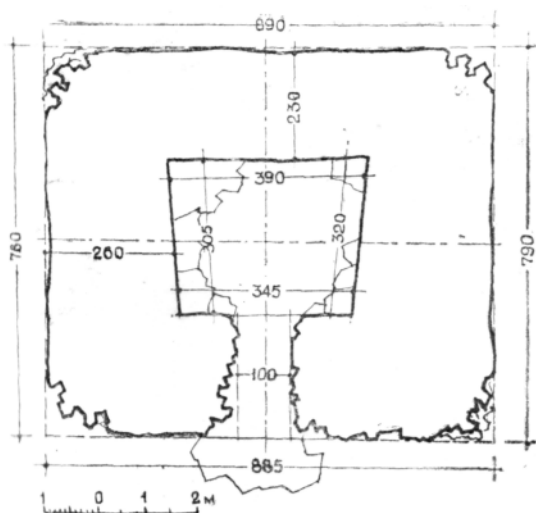

Рис. 2 .Мавзолей Домбаул. План.

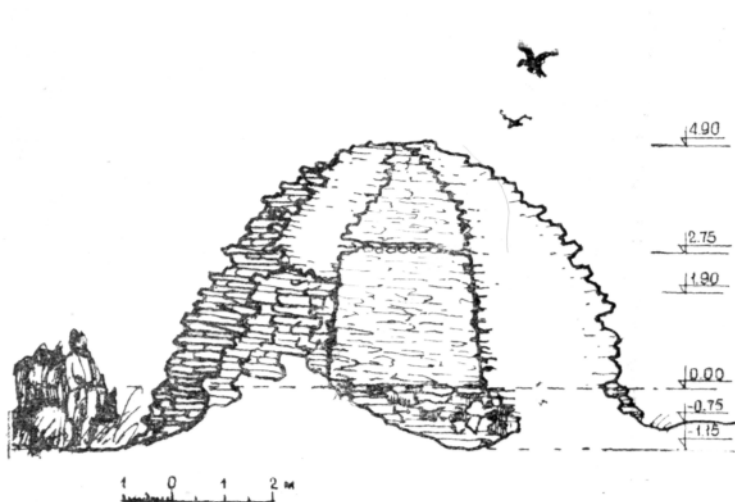

Рис. 3. Маазолей Домбаул. Разрез.

Рис. 4. Мавзолей Домбаул. Ансамбль.

Рис. с. Мавзолей Аяк-Хамыр. Общий вид.

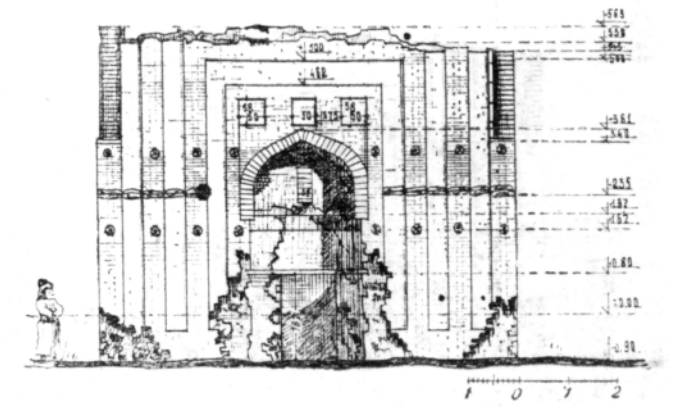

Рис. 7 .Мавзолей Аяк-Хамыр. Главный фасад.

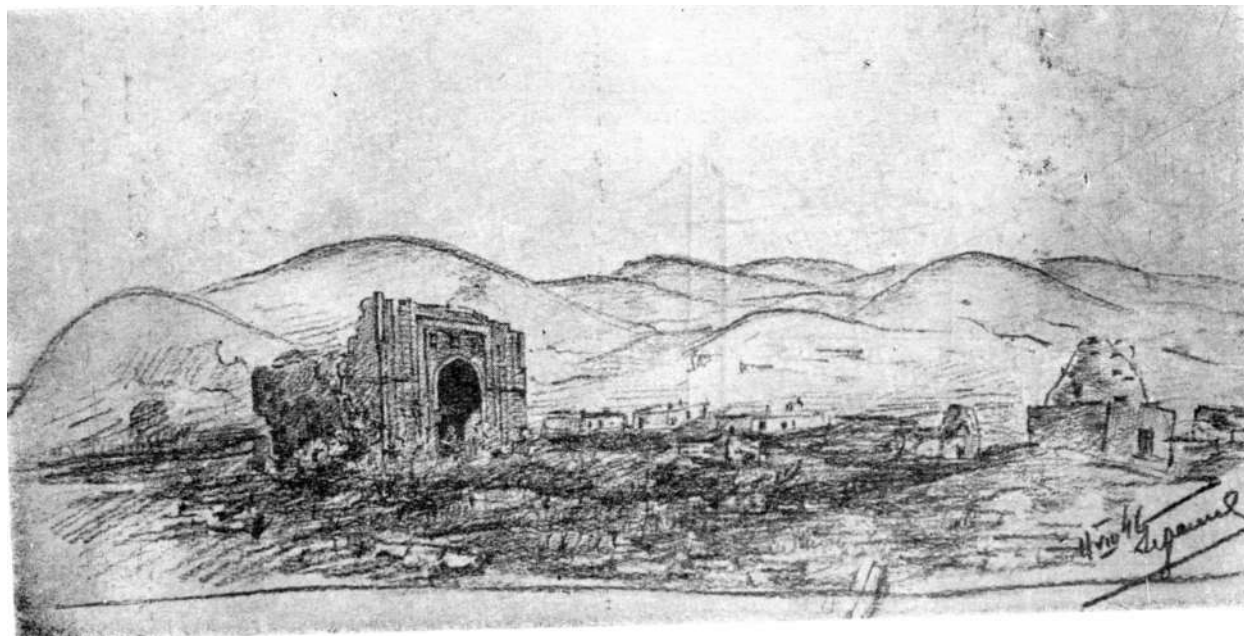

Рис. 5. Мавзолей Аяк-Хамыр. Ансамбль.

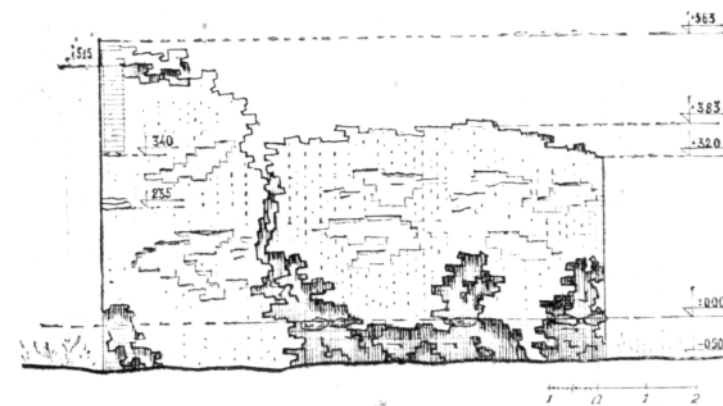

Рис. 8. Мавзолей Аяк-Хамыр. Боковой фасад,

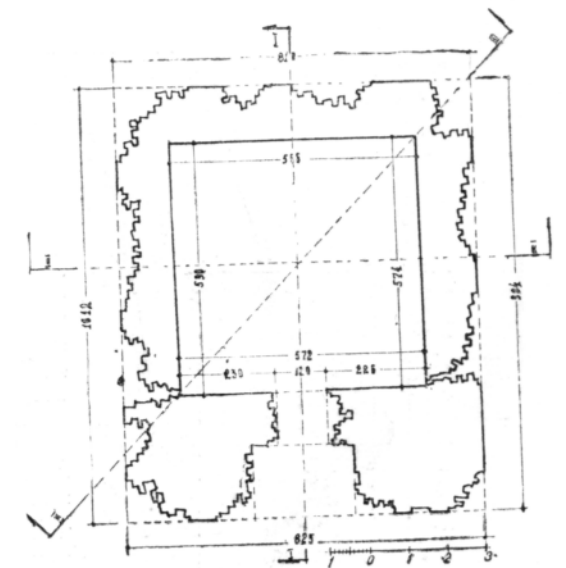

Рис. 9. Мавзолей Аяк-Хамыр. План на отметке $\sim 0,00$.

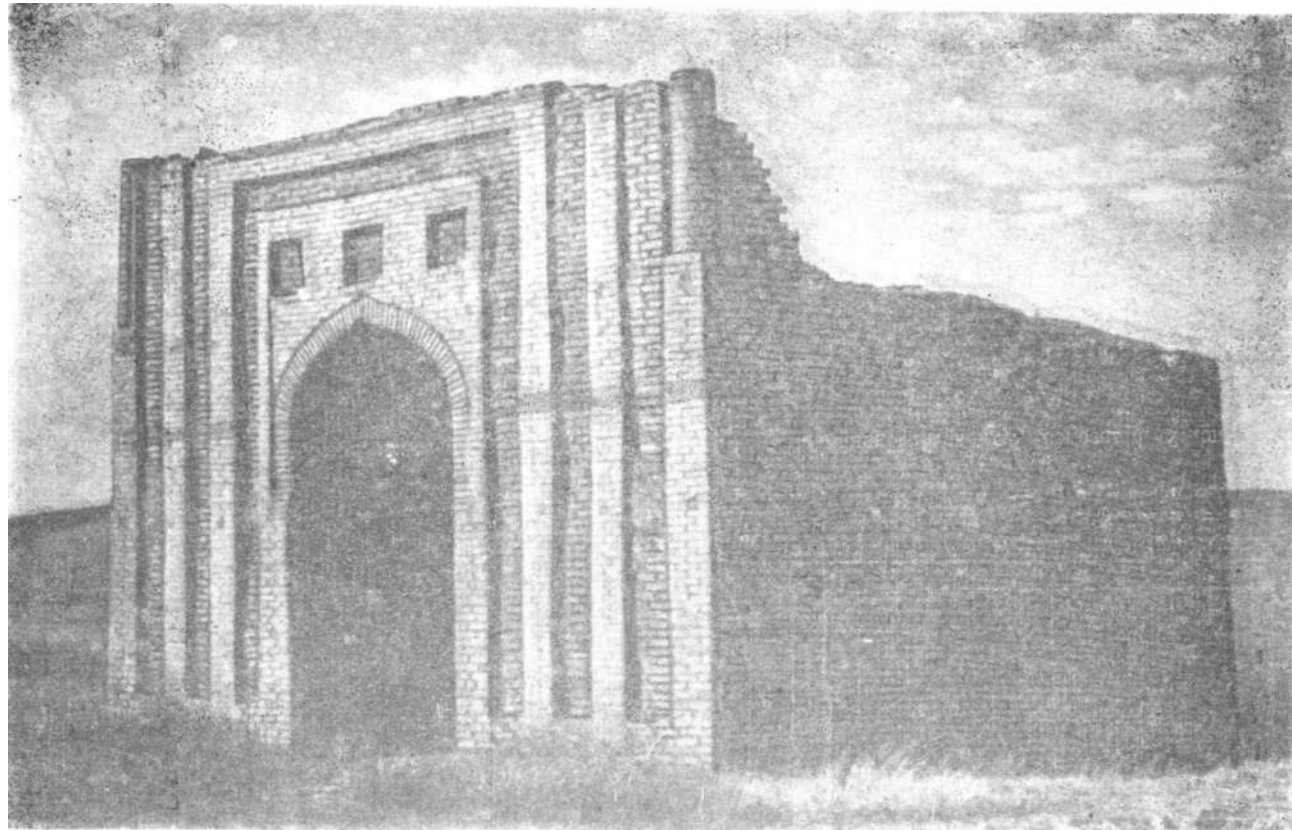

Рис. 10. Мавзолей Аяк-Хамыр после, ремонта.

Ряс. 13. Мавзолей Аяк-Хамыр. Резкая терракотовая плитка.

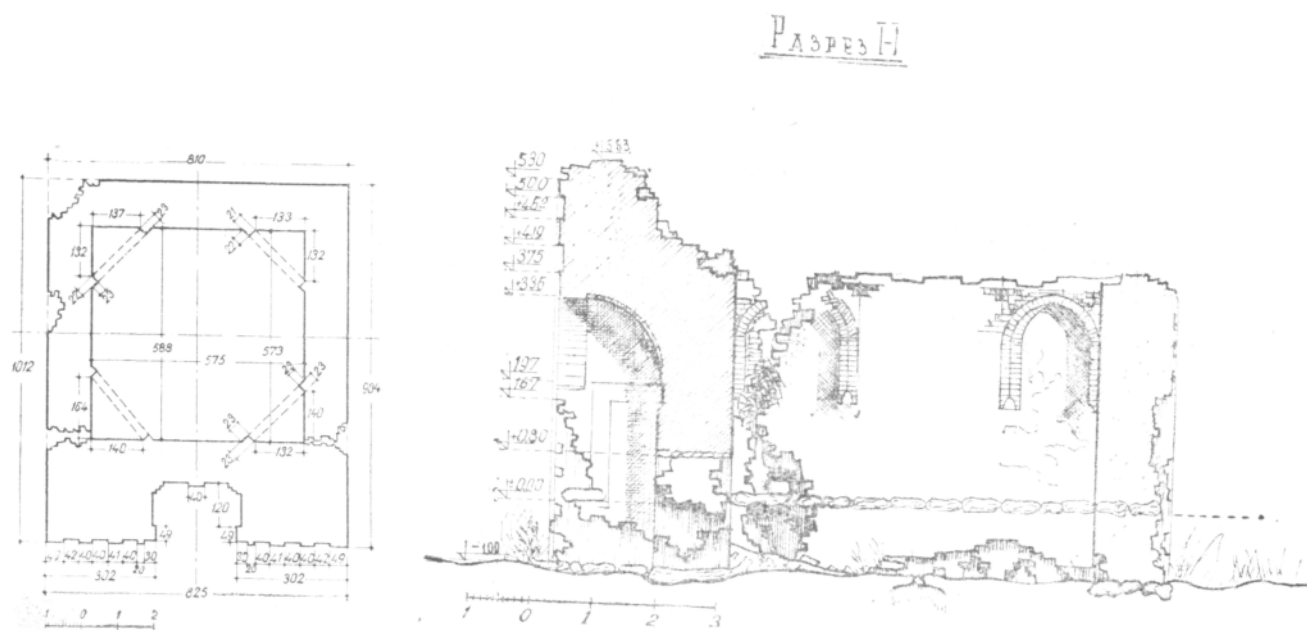

Рис. 11. Мавзолей Аяк-Хамыр.
План на отметке 4; 3,20,

Рис. 12. Мавзолей Аяк-Хамыр. Продольный разрез.

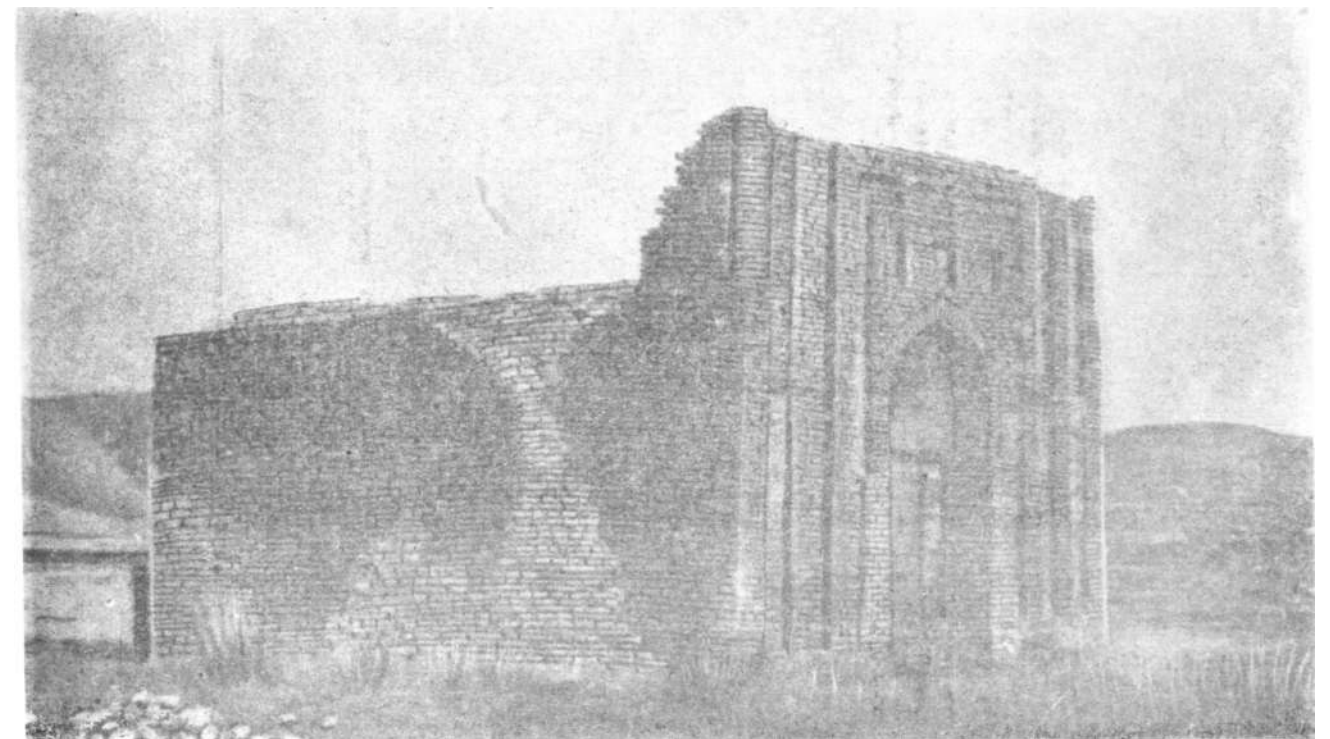

Рис. 14. Мавзолей Аяк-Хамыр после ремонта. Боковой вид.

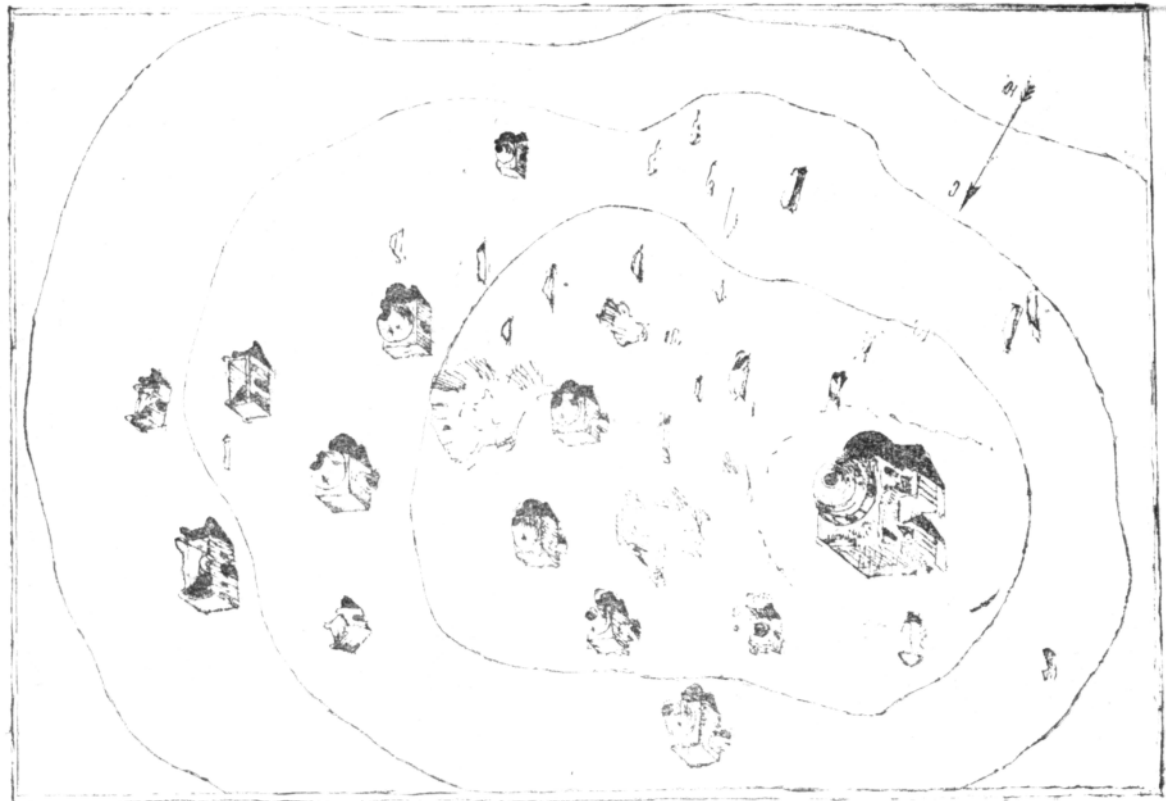

Рис. 16. Мавзолей Алаша-хан. Генплан.

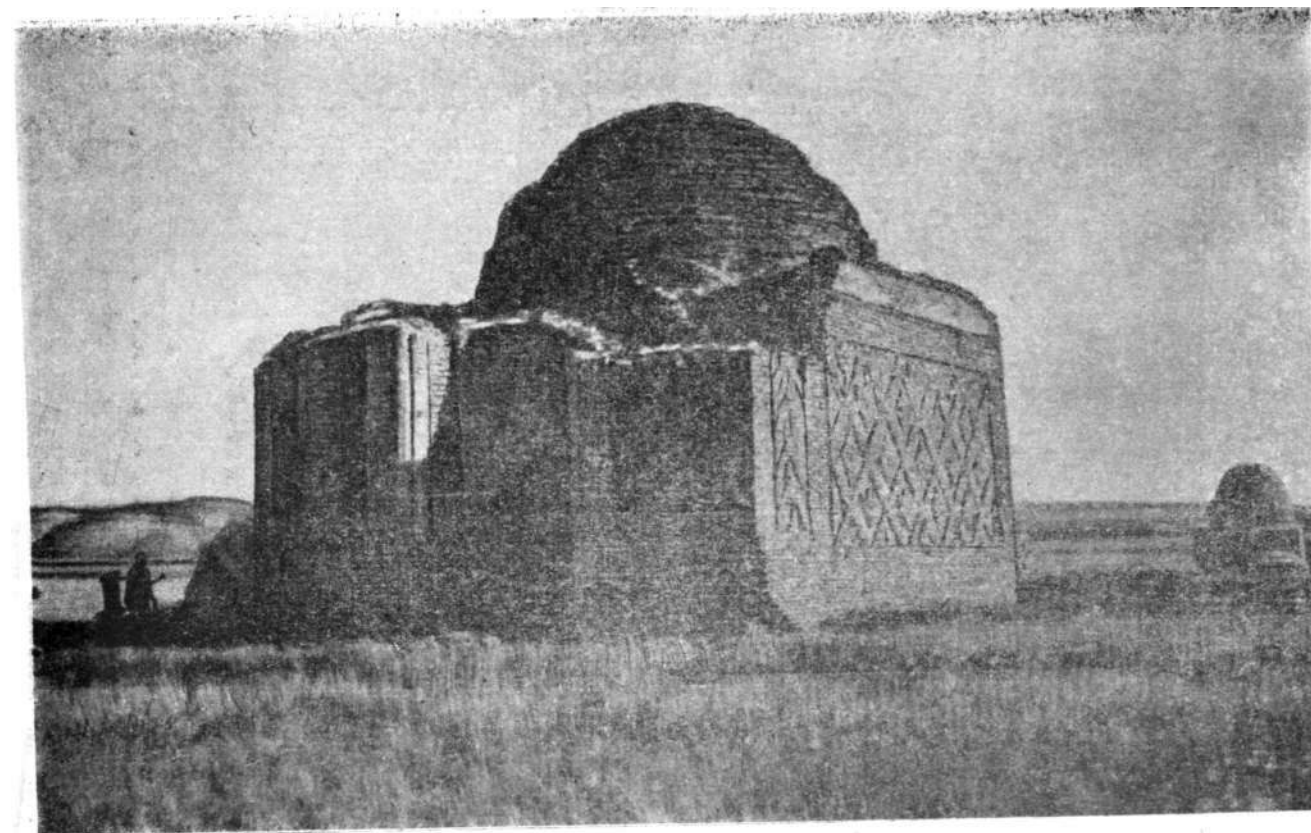

Рис. 17. Мавзолей Алаша-хан. Общий вид.

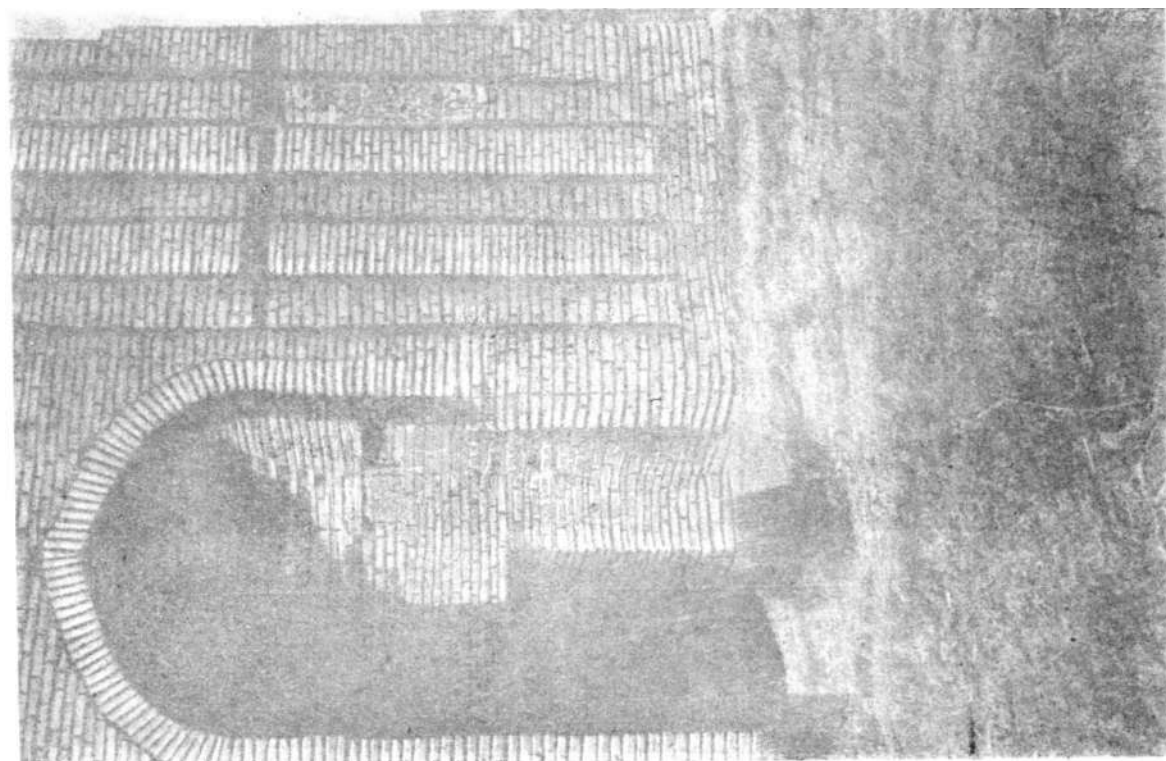

Рис. 15. Мавзолей Аик-Хамыр. Портальная арка после ремонта.

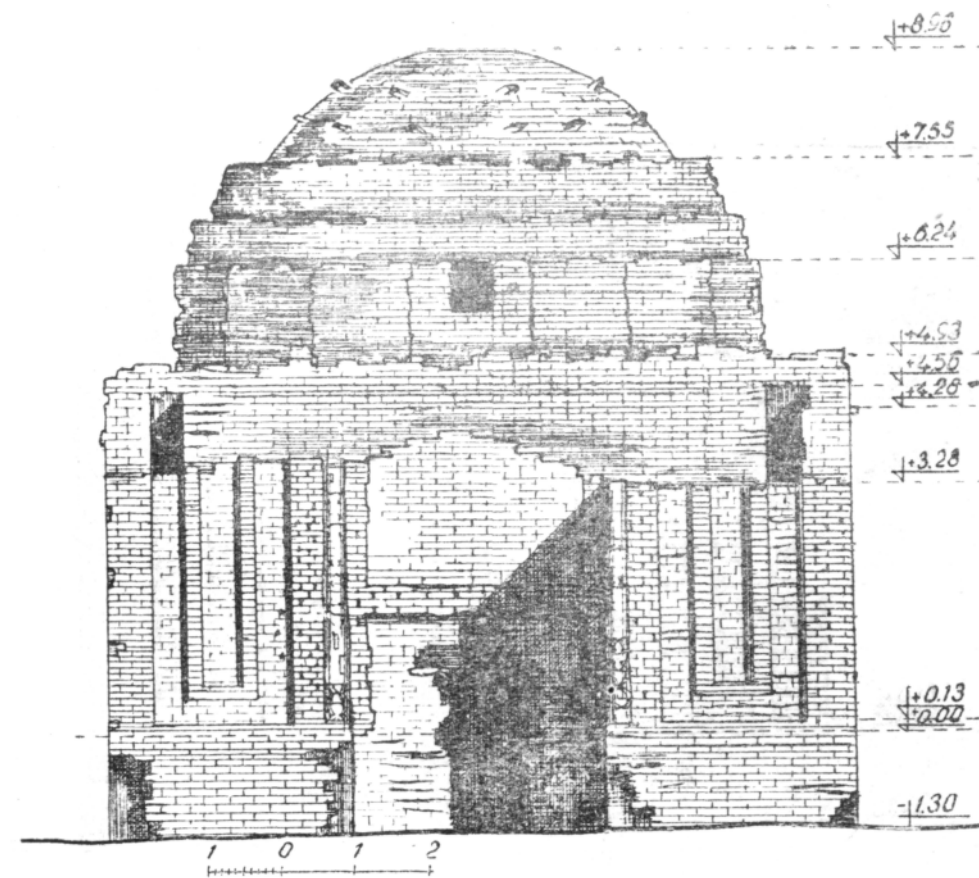

Рис. 18. Мавзолей Алаша-хан. Главный фасад.

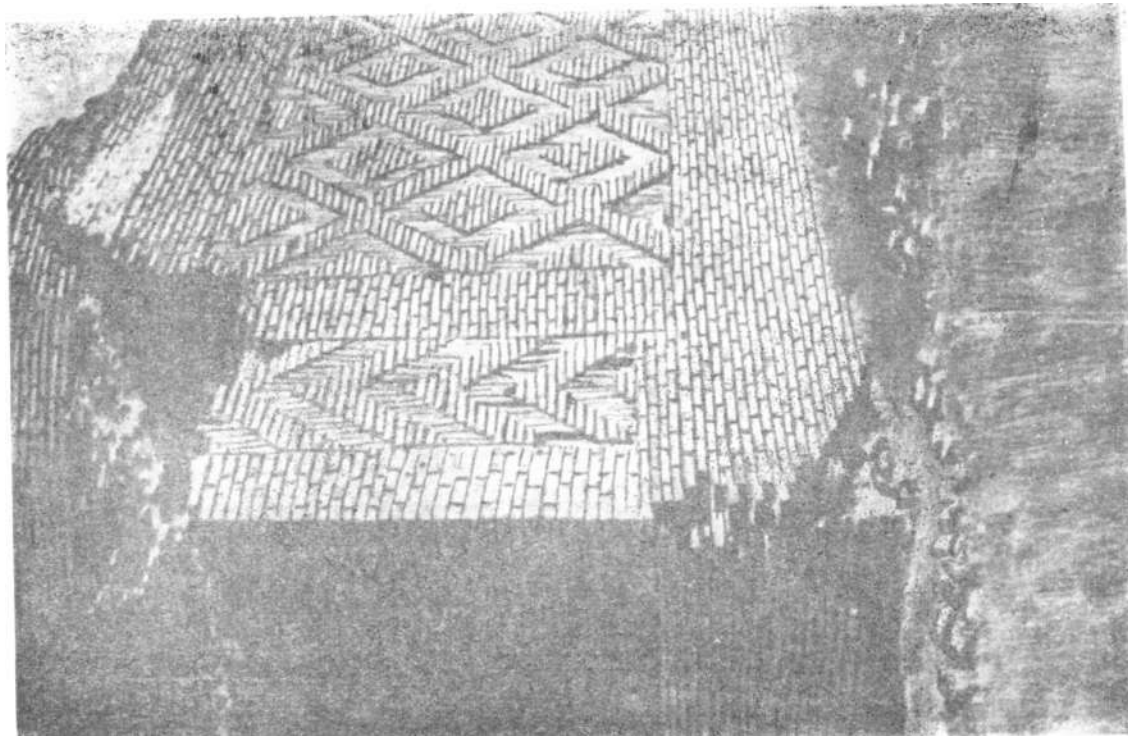

Рис. 20. Мавзолей Алаша-хан. Кирпичная орнаментальная кладка. Ромбы и елка.

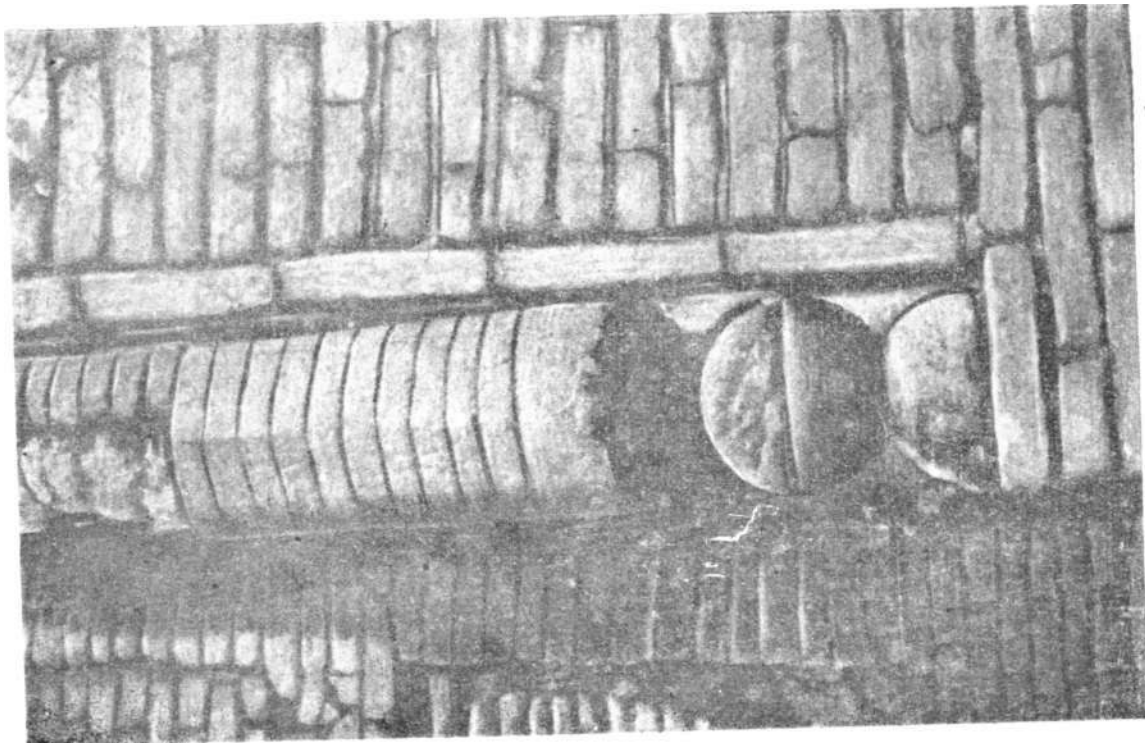

Рис. 19. Мавзолей Алаша-хан. База колонки.

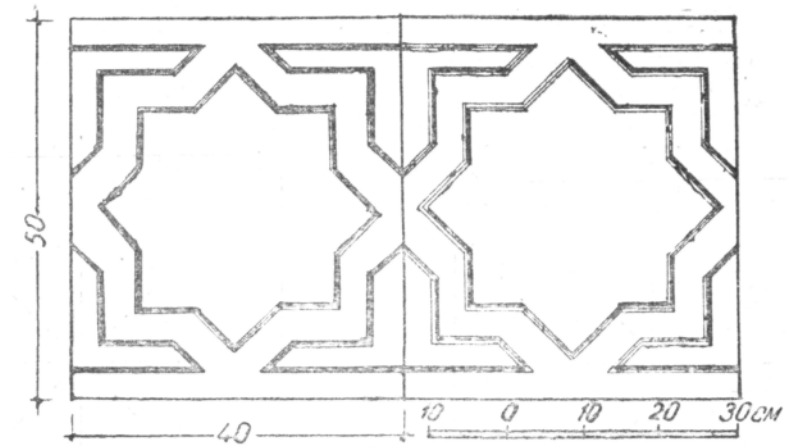

Рис. 21. Мавзолей Алаша-хан. Фризové резные плитки.

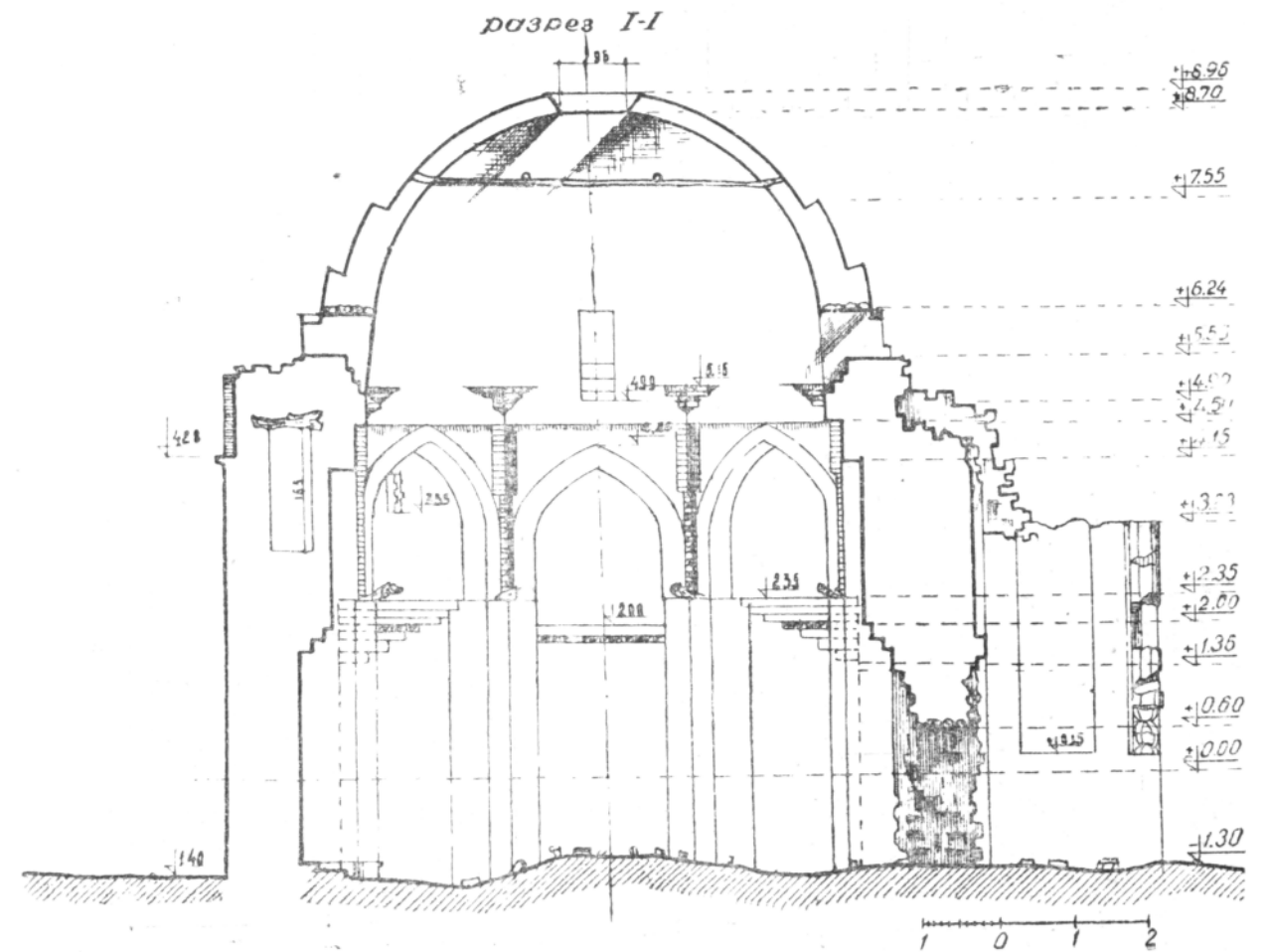

Рис. 22. Мавзолей Алаша-хан. Продольный разрез,

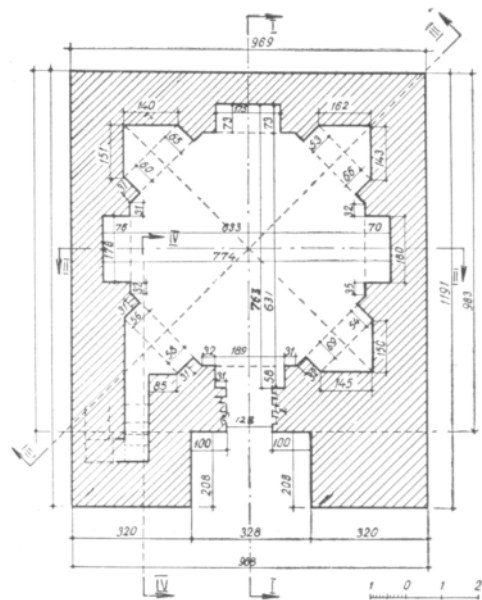

Рис. 23. Мавзолей Алаша-хан.. План на отметке $\pm 0,00$.

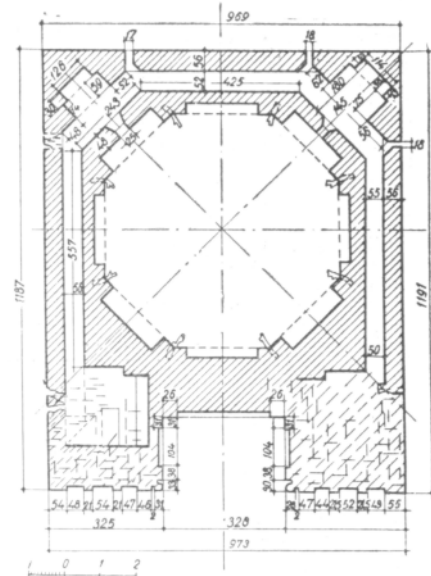

Рис. 24. Мавзолей Алаша-хан. План 2 этажа на отметке $\pm 3,50$.

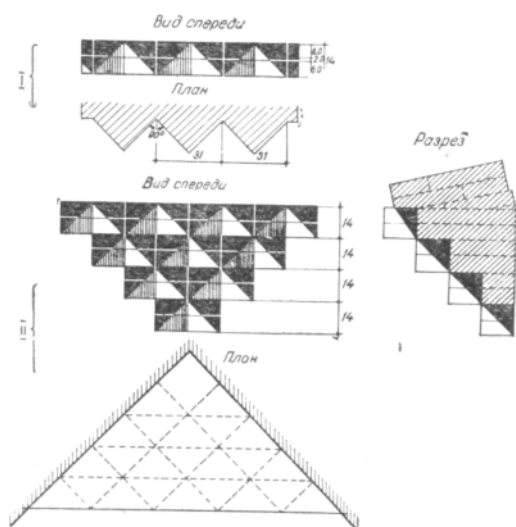

Рис. 25. Мавзолей Алаша-хан. Ячеистая кладка в тропях.

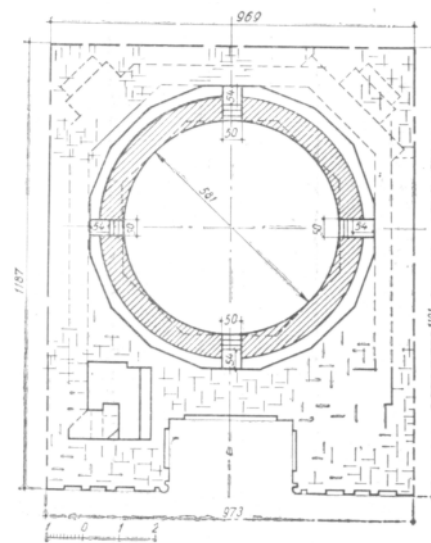

Рис. 26. Мавзолей Алаша хан. План купола.

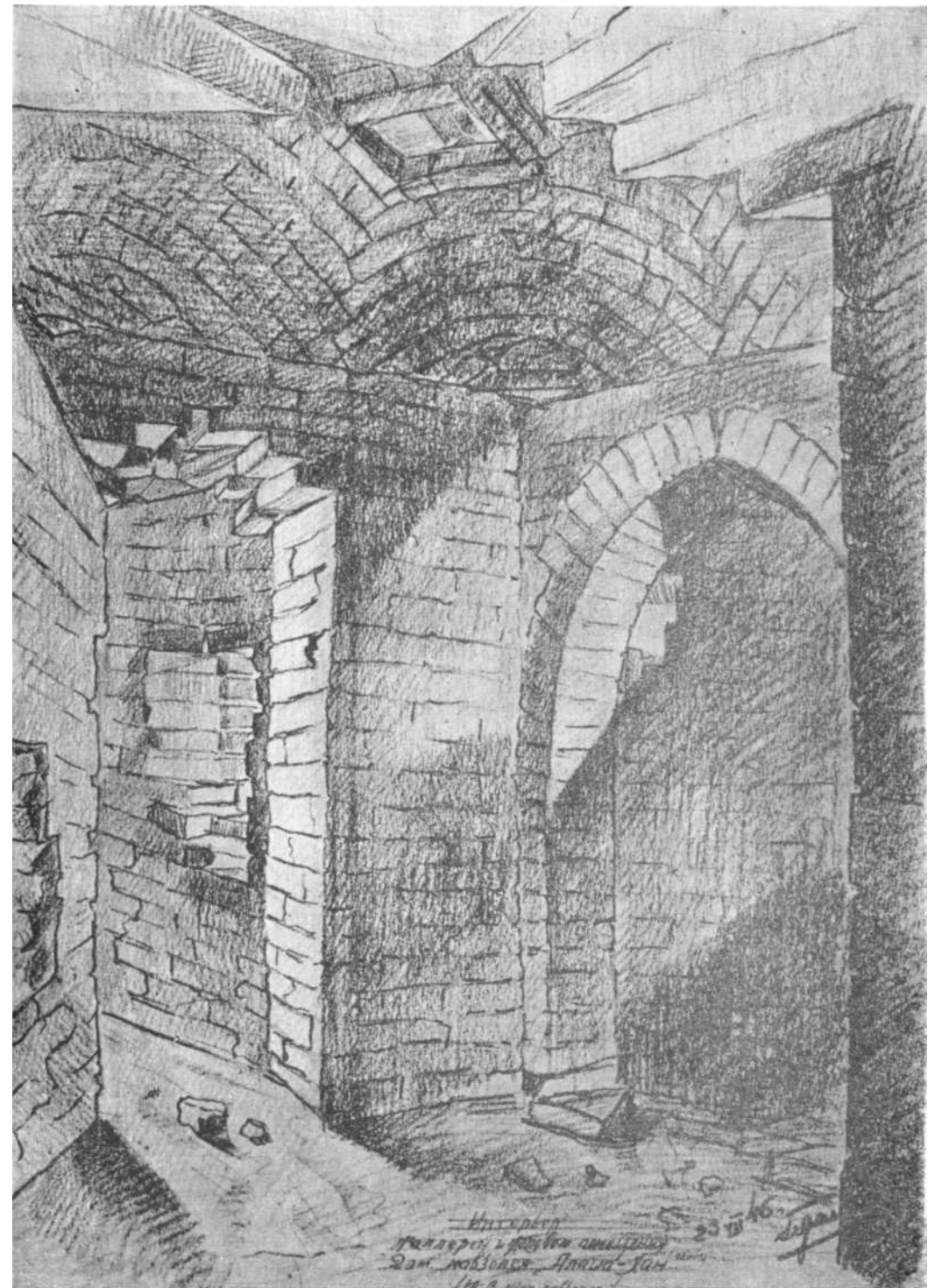

Рис. 27. Мавзолей Алаша-хан. Интерьер галереи и угловой каморы.

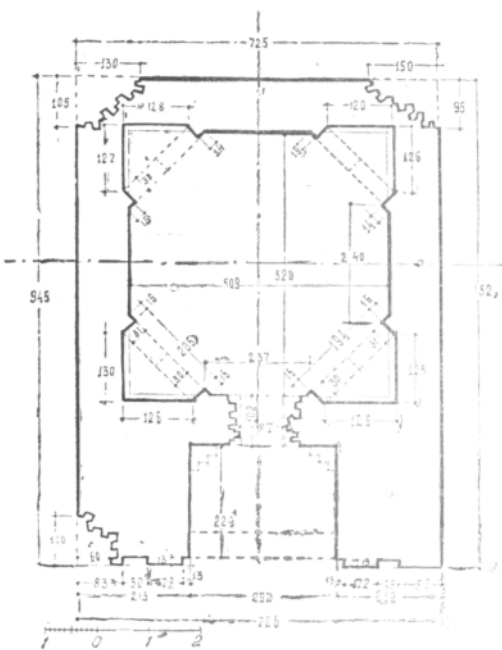

Рис. 34. Мавзолей Джоши-хан. План на отметке + 1,10.

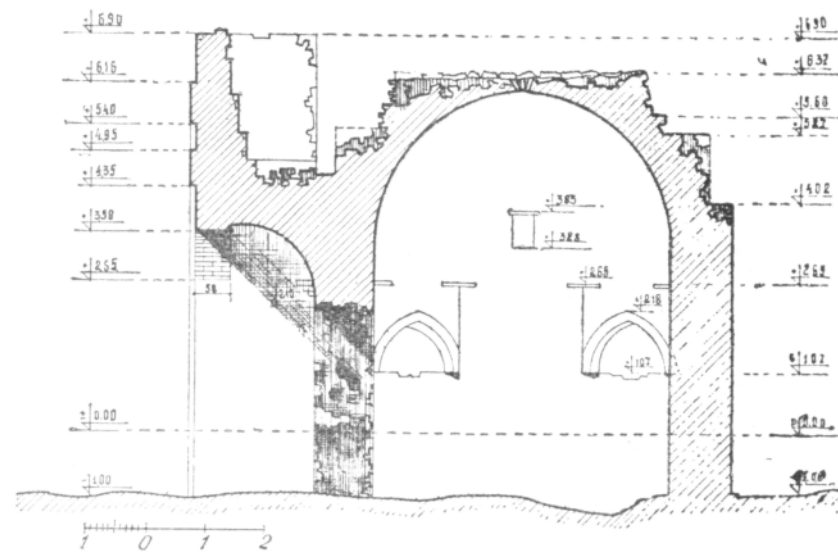

Рис. 35. Мавзолей Джоши-хан. Продольный разрез.

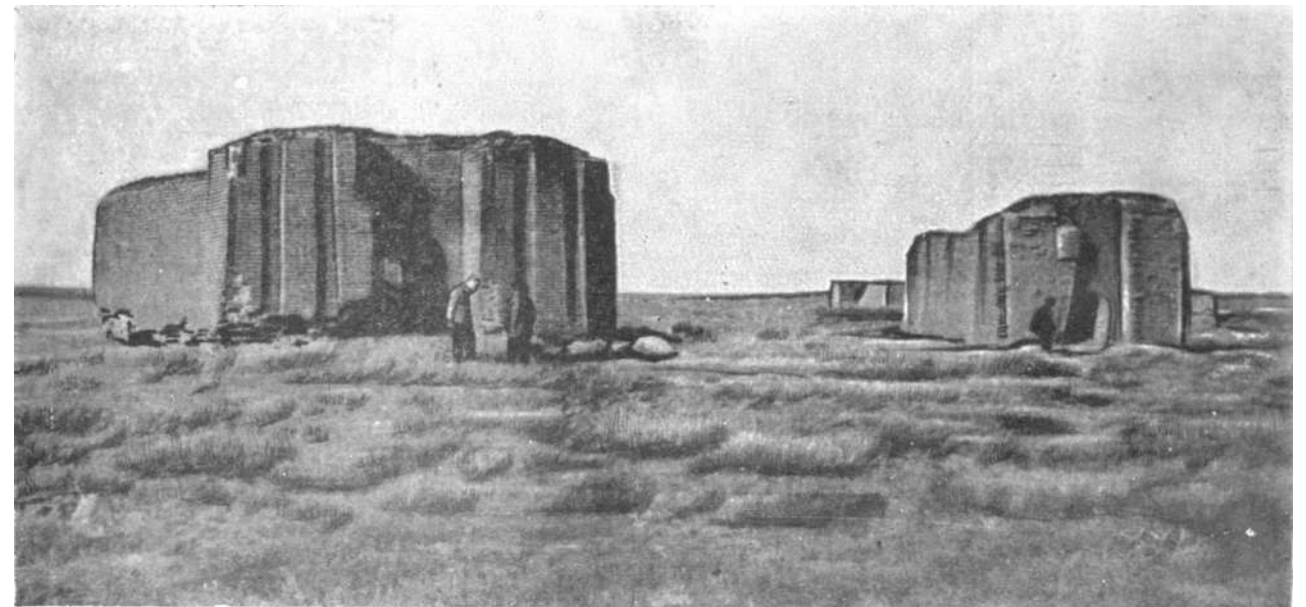

Рис. 37. Мавзолей Болган-ана

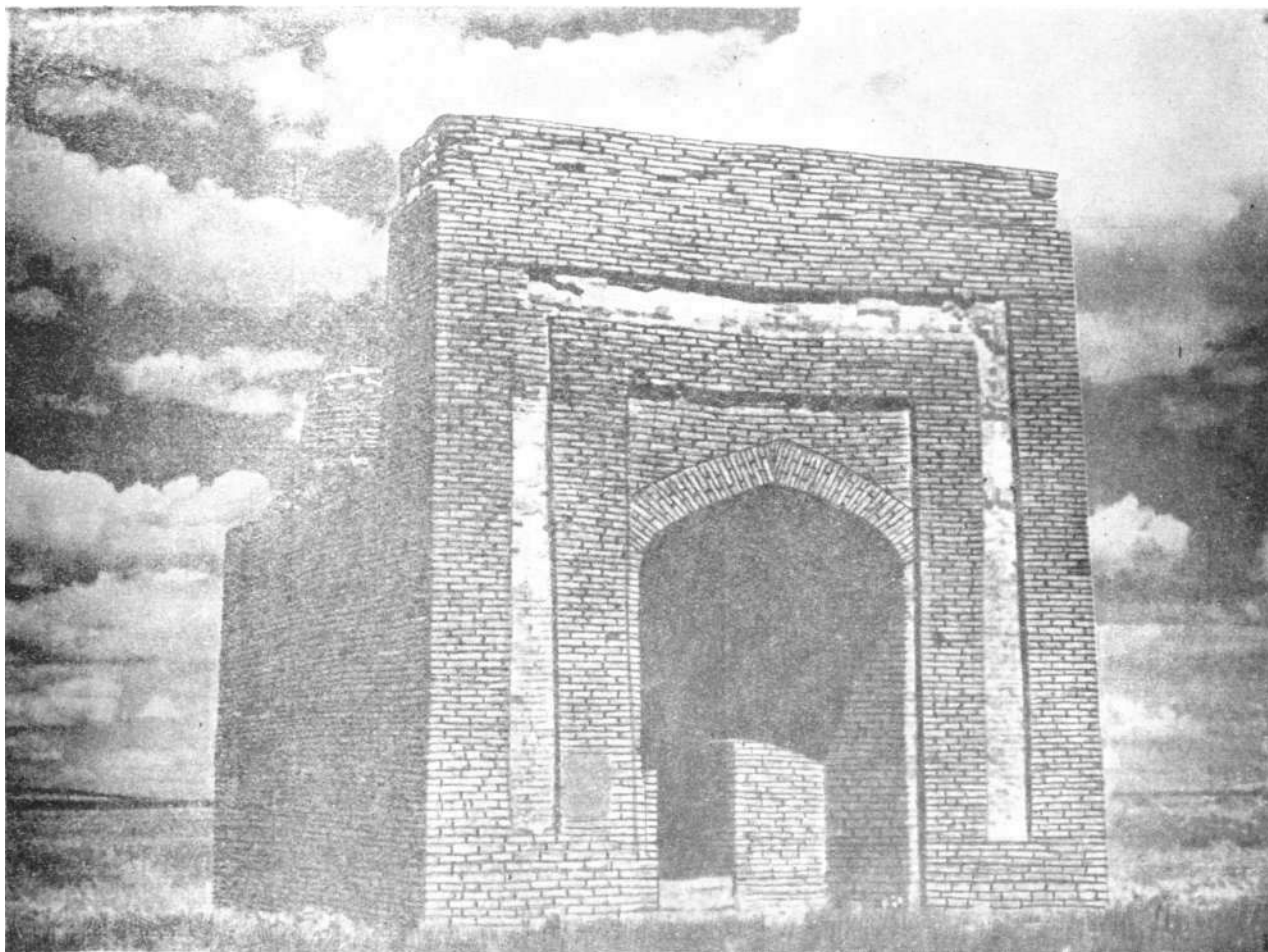

Рис. 36. Мавзолей Джоши-хан после ремонта.

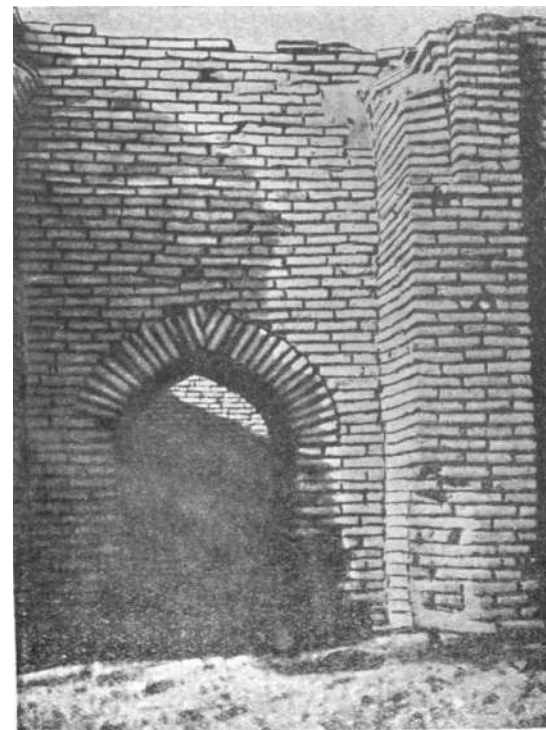

Рис. 38. Мавзолей Болган-ана. Фрагмент входного проема.

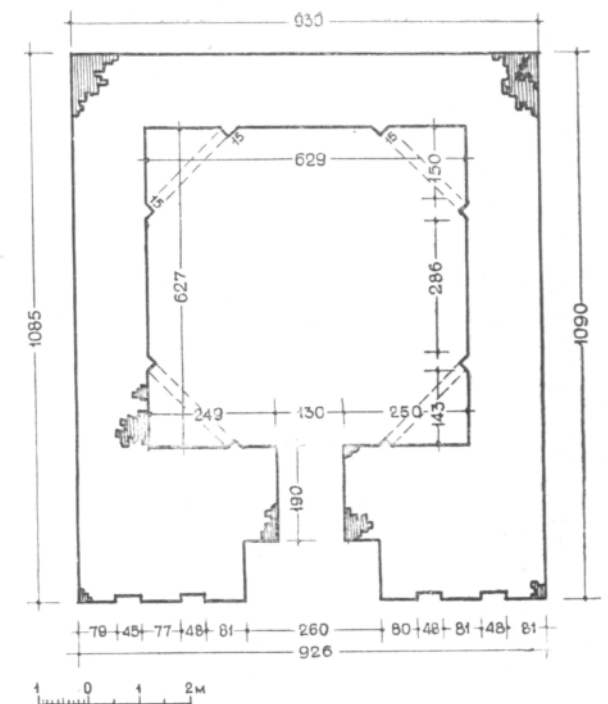

Рис. 39. Мавзолей Болган-ана. План.

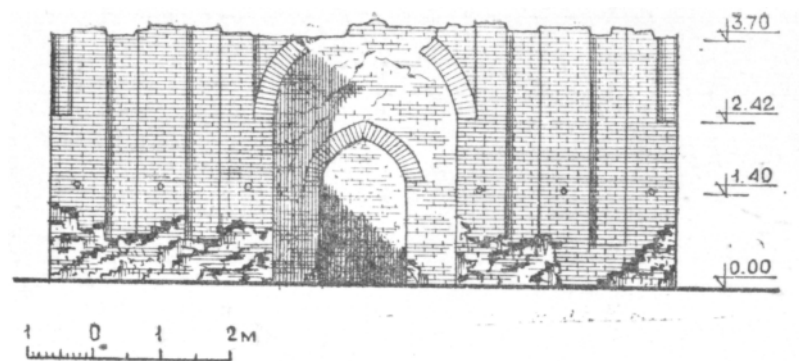

Рис. 40. Мавзолей Болган-ана. Главный фасад.

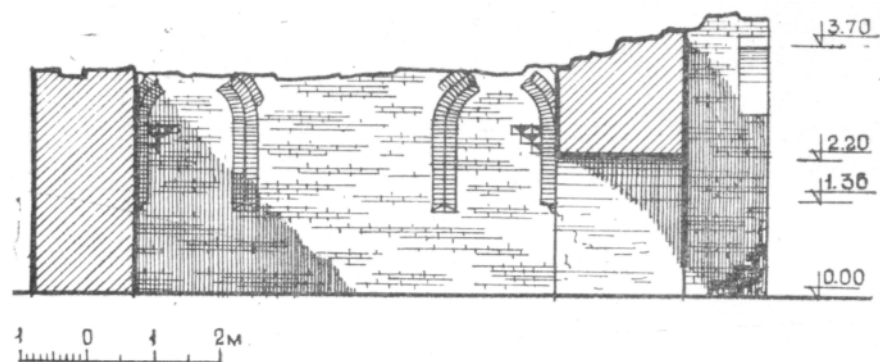

Рис. 41. Мавзолей Болган-ана. Продольный разрез.

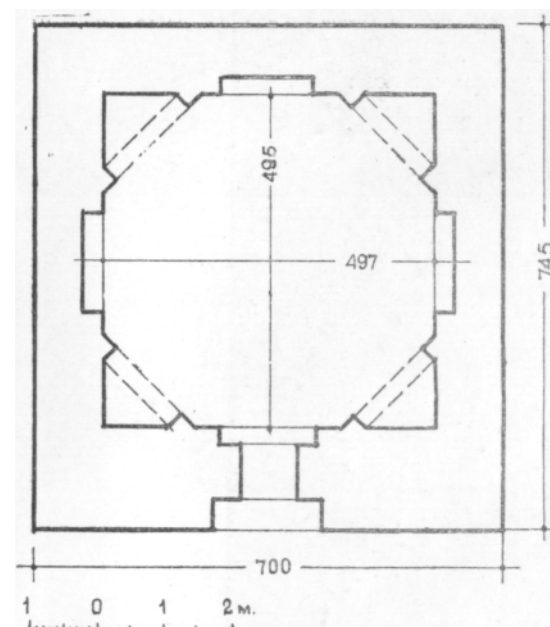

Рис. 43. Мавзолей Тулек. План.

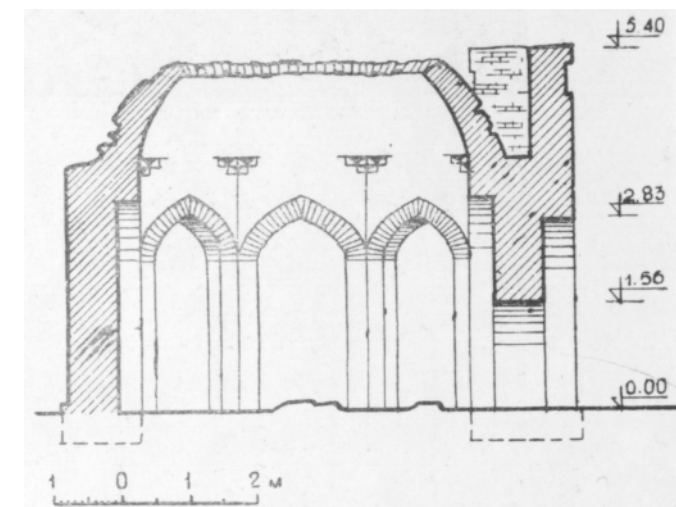

Рис. 44. Мавзолей Тулек. Разрез.

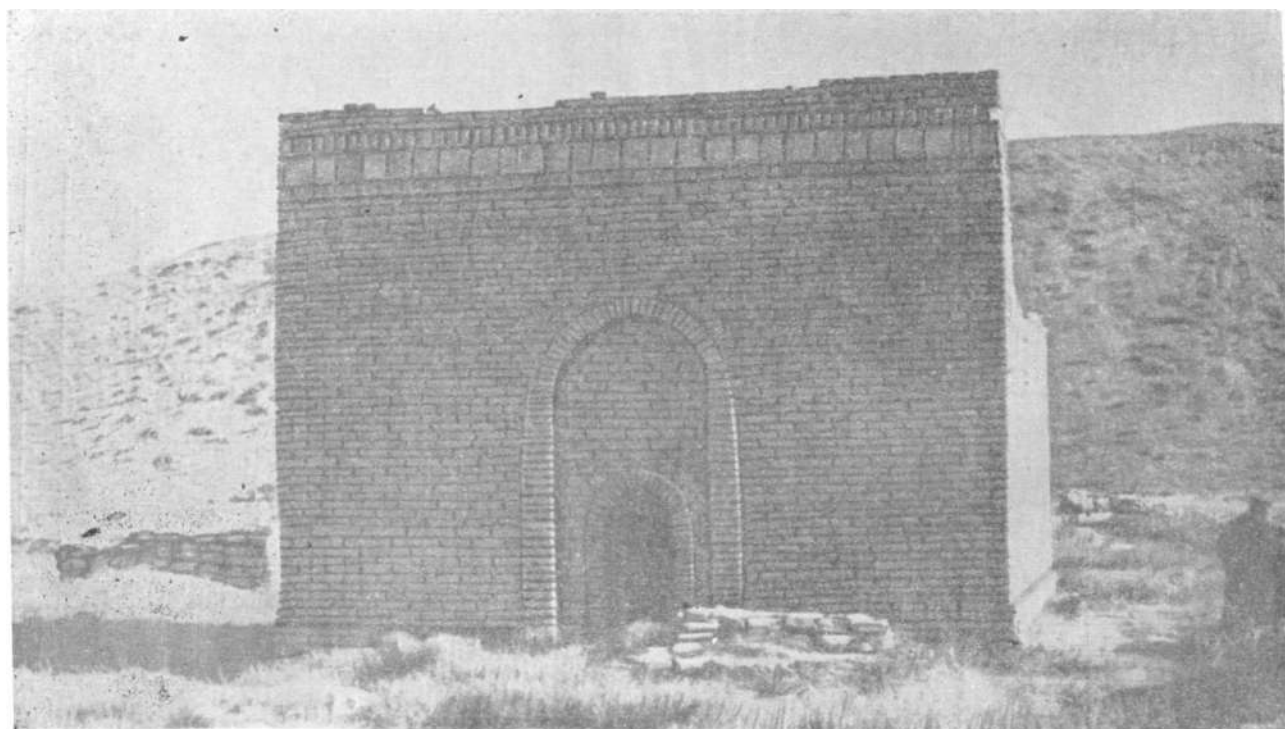

Рис. 42. Мавзолей Тулек.

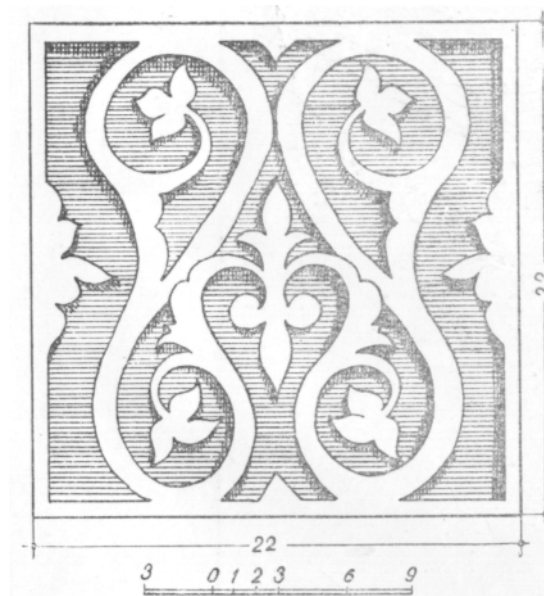

Рис. 45. Мавзолей Тулек. Терракотовая плитка с орнаментом.

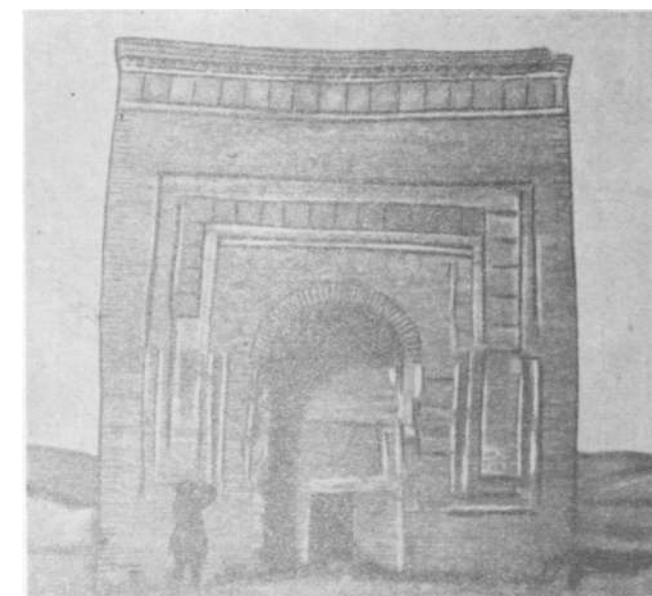

Рис. 46. Мавзолей Жуздень. Главный фасад.

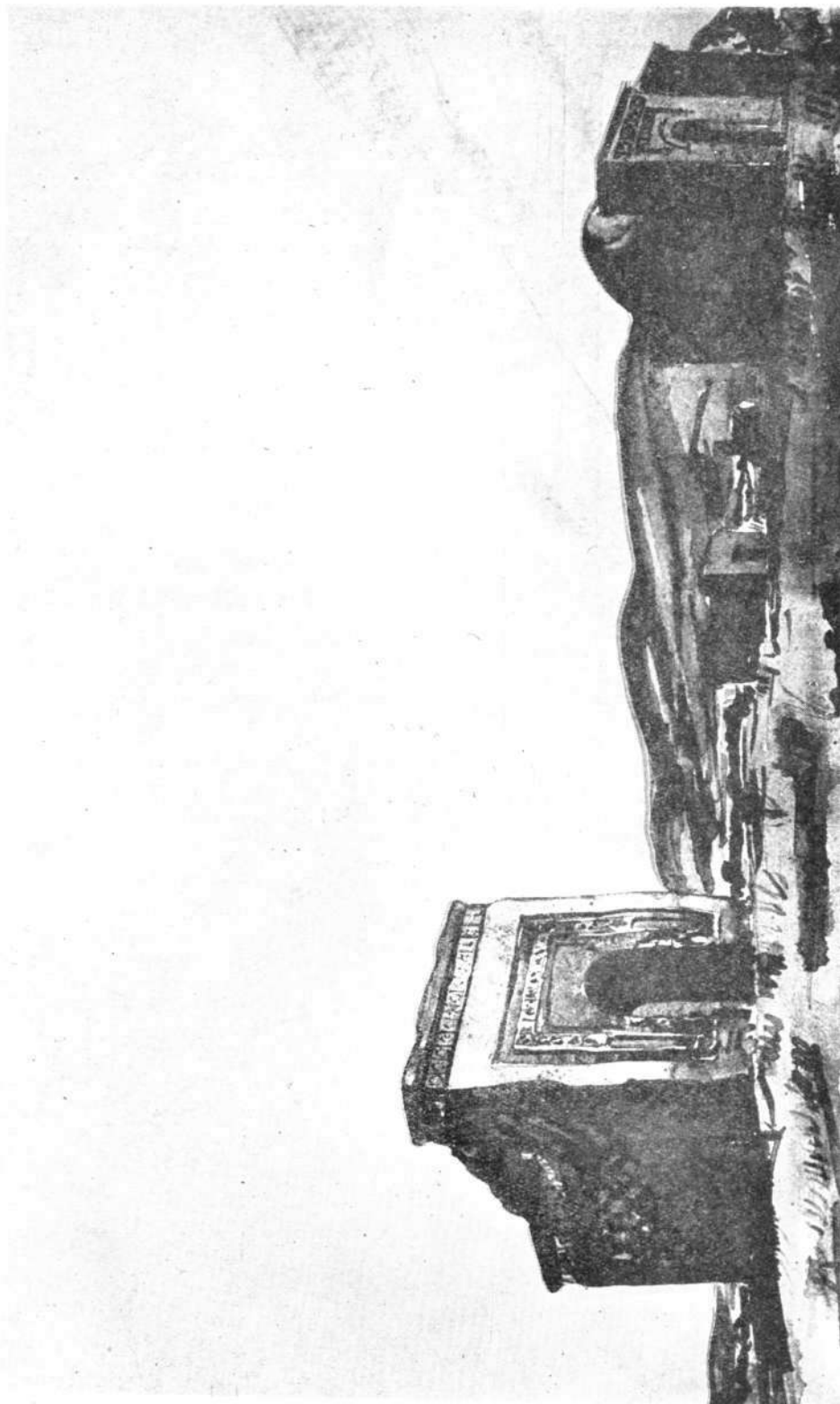

Рис. 47. Мавзолей Жузень. Ансамбль.

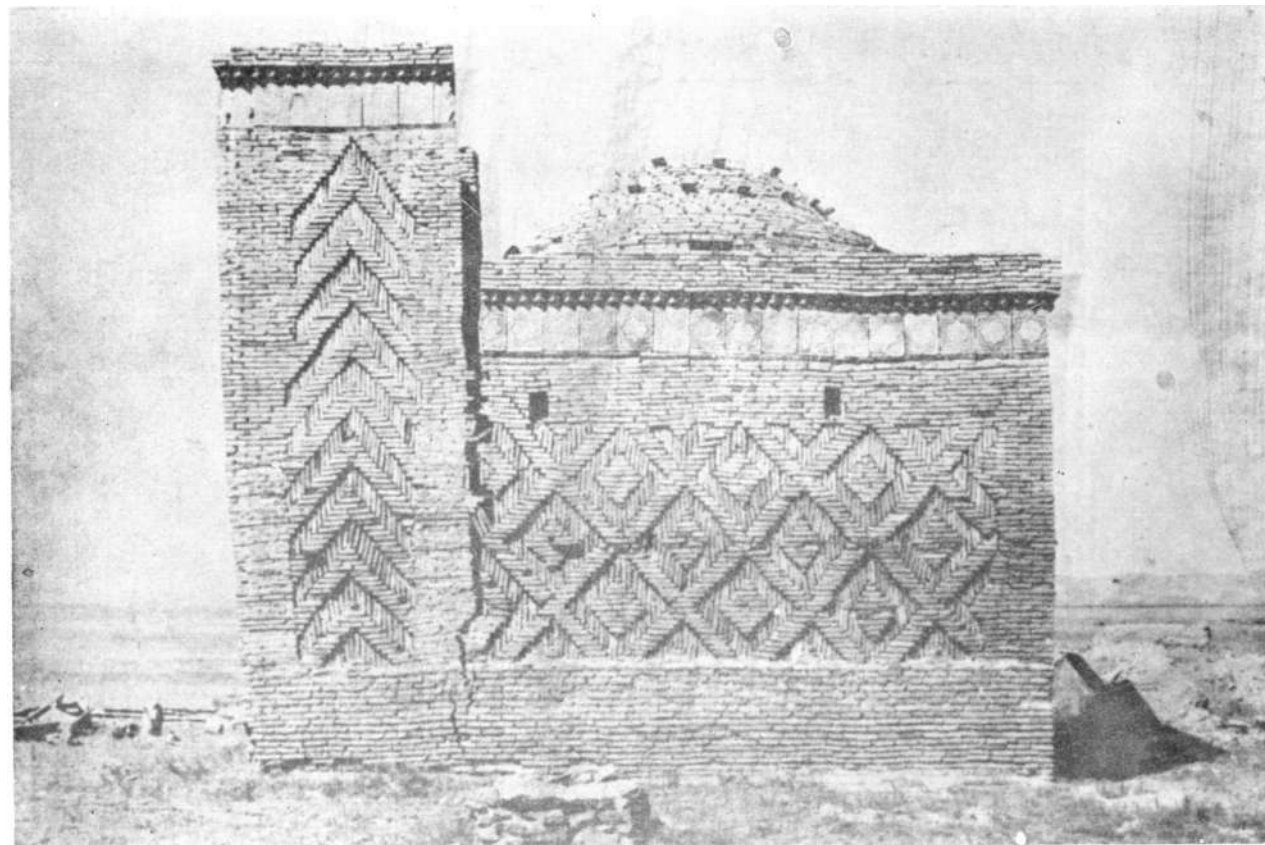

Рис. 48. Мавзолей Жузень. Боковой фасад.

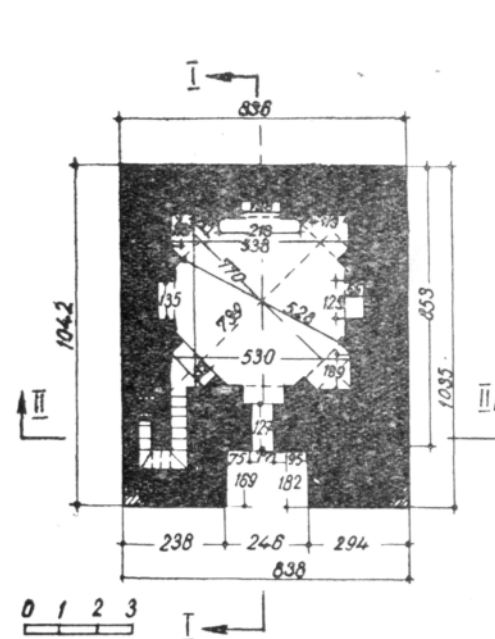

Рис. 49. Мавзолей Жузень План.

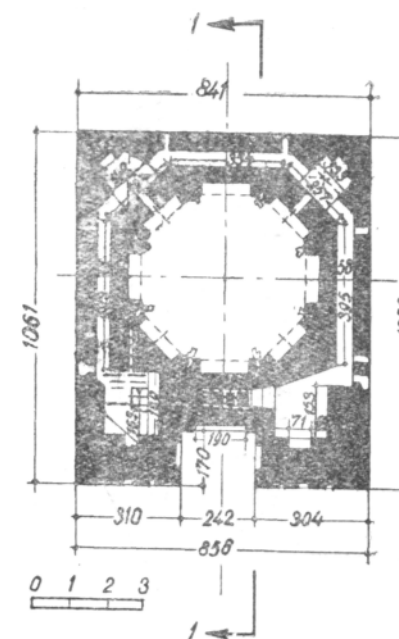

Рис. 50. Мавзолей Жузень, План второго этажа. Галерея.

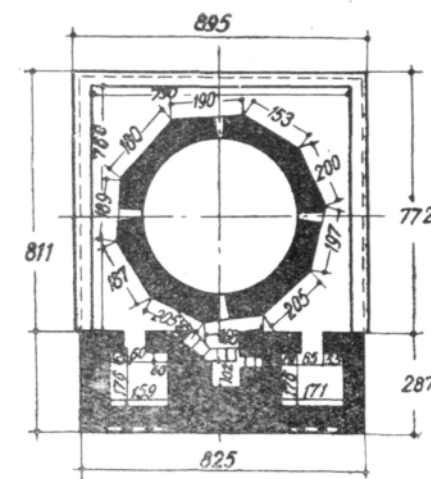

Рис. 51. Мавзолей Жузень. План подкупольного барабана.

Рис. 52. Мавзолей Жуздень. Резная терракотовая плитка.

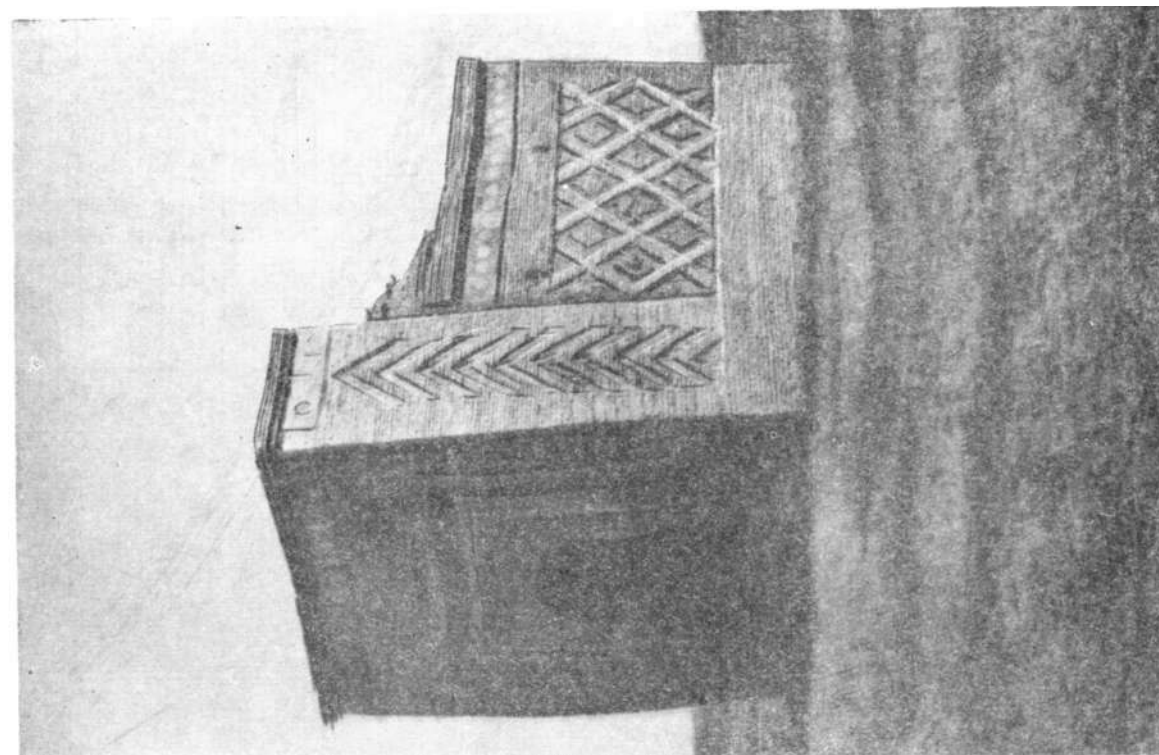

Рис. 55. Мавзолей Жуздень после частичного ремонта.

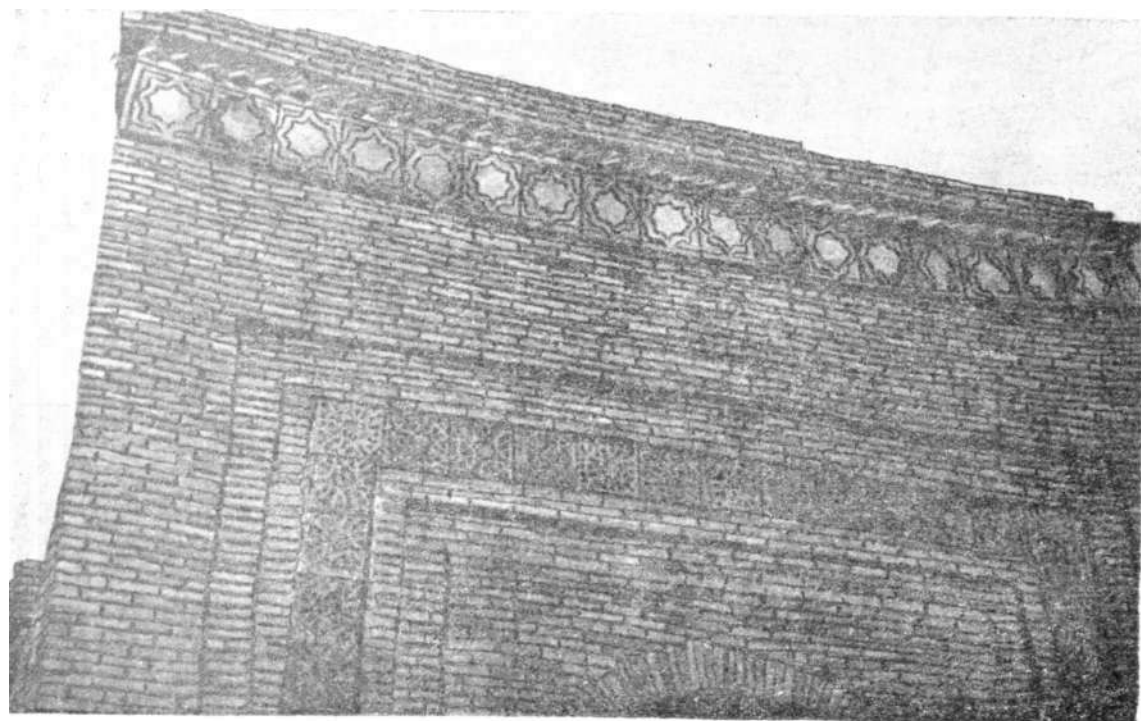

Рис. 53. Мавзолей Жуздень. Оформление пещтака.

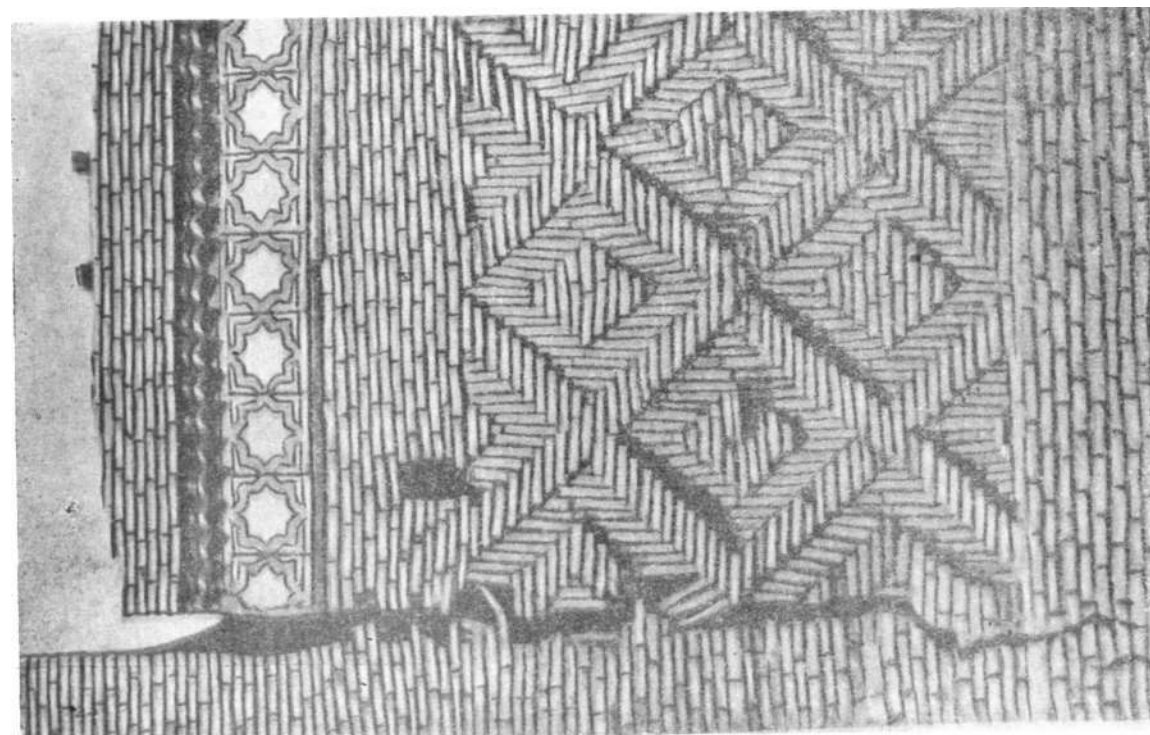

Рис. 54. Мавзолей Жуздень. Кладка ромбов.

Рис. 56. Мавзолей Жузденъ. Каморы в пилонах пештака.

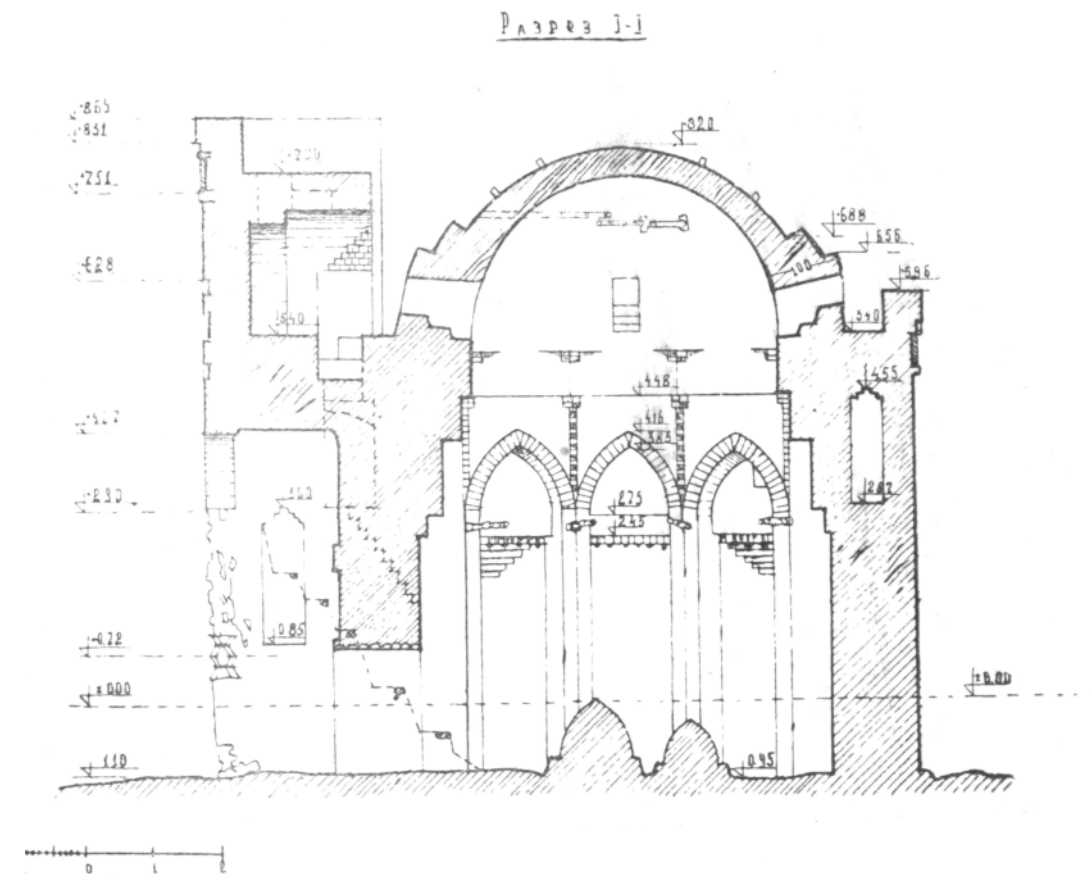

Рис. 57. Мавзолей Жузденъ. Продольный разрез.

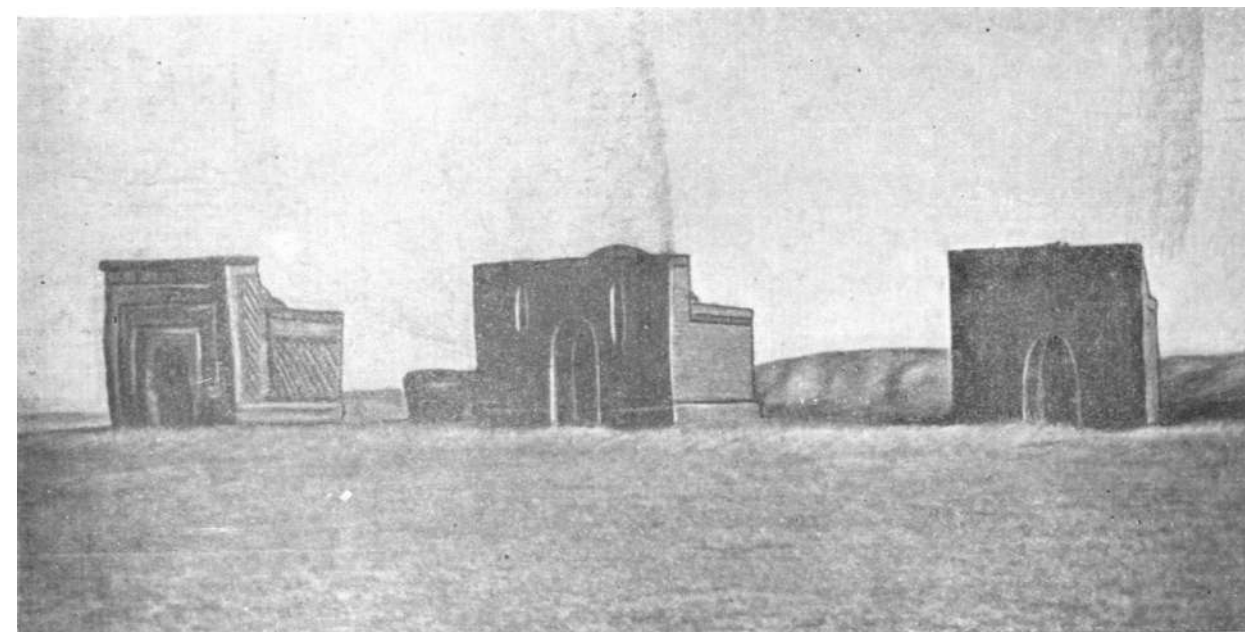

Рис. 58. Мавзолеи Кустабая и Жанула.

Рис. 59. Мавзолей Кустабая. Резные плитки с фасада.

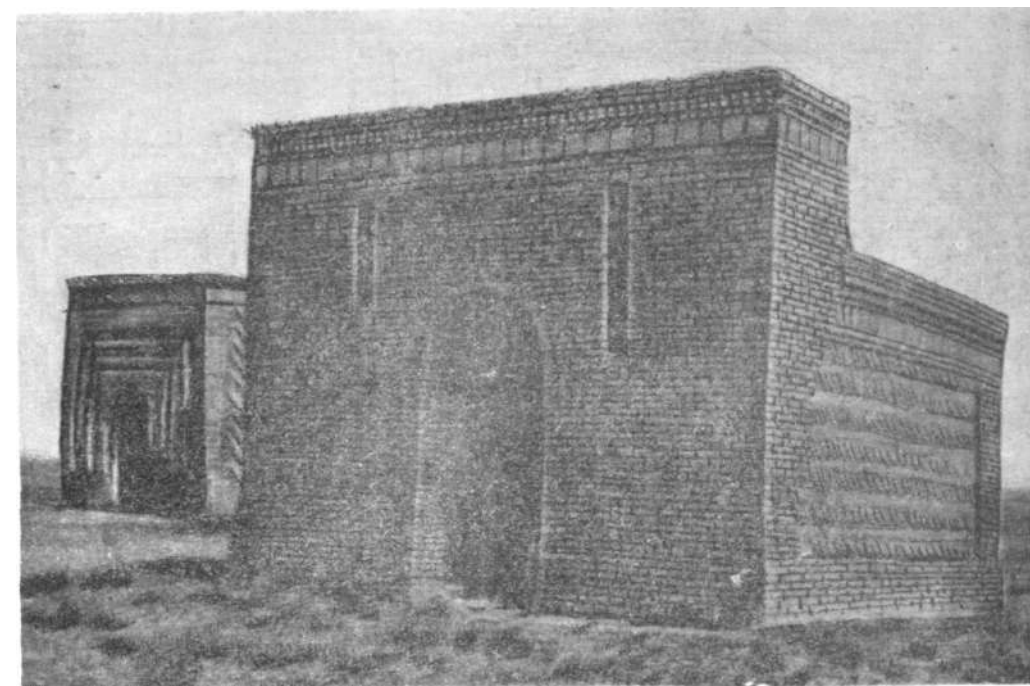

Рис. 60. Мавзолей Кустабая.

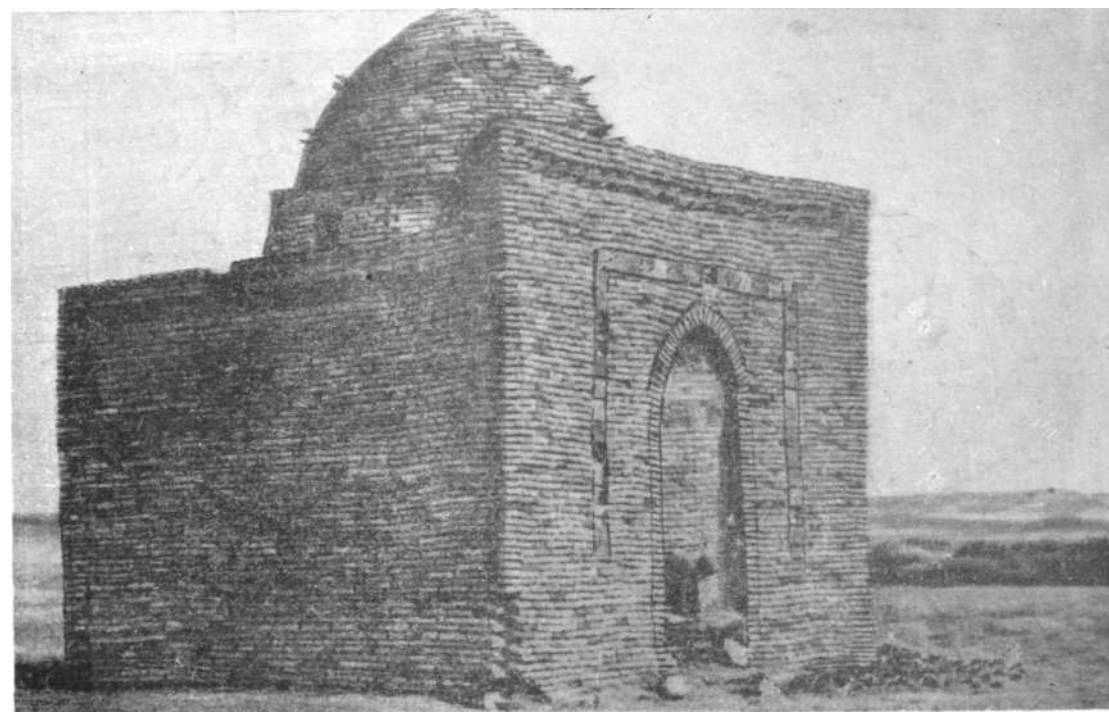

Рис. 61. Мавзолей Торт-Кара..

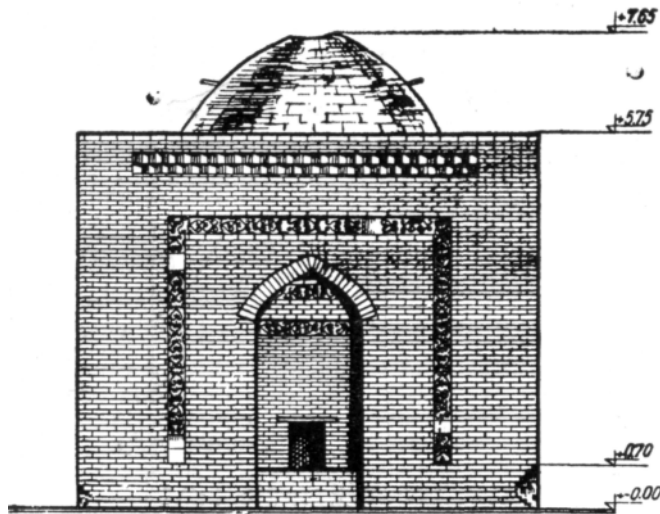

Рис. 62. Мавзолей Торг-Кара. Главный фасад.

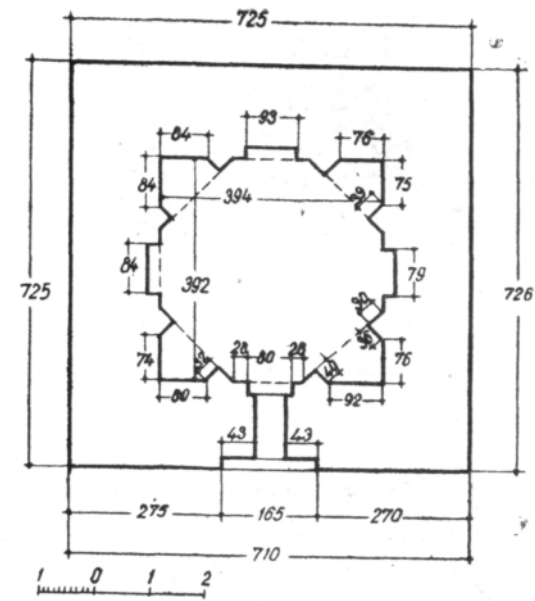

Рис. 63. Мавзолей Торг-Кара. План.

Рис. 66. Мавзолей Торг-Кара. Роспись стен.

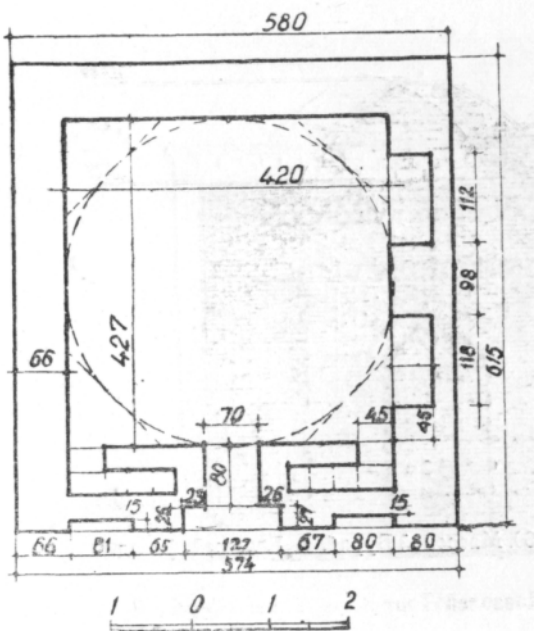

Рис. 67. Мавзолей Бурабай. План.

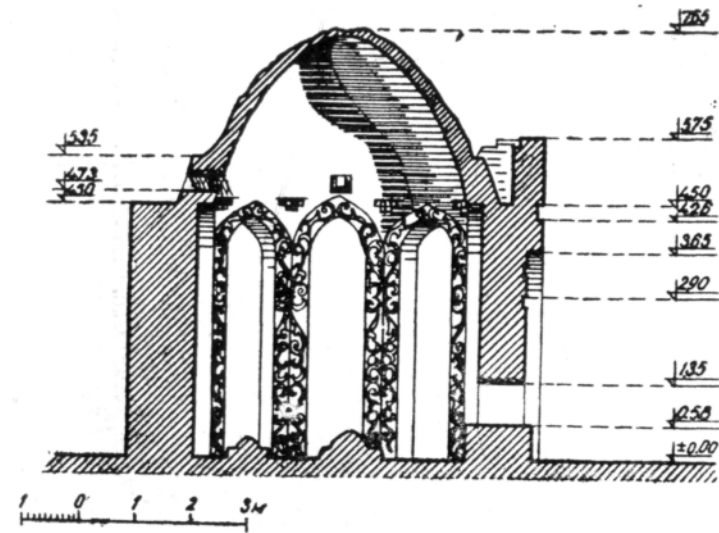

Рис. 64. Мавзолей Торг-Кара. Разрез.

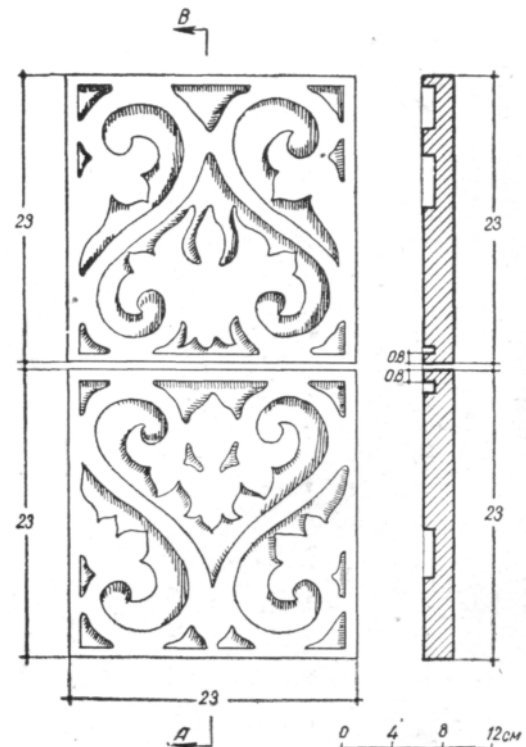

Рис. 65. Мавзолей Торг-Кара. Резные терракотовые плитки.

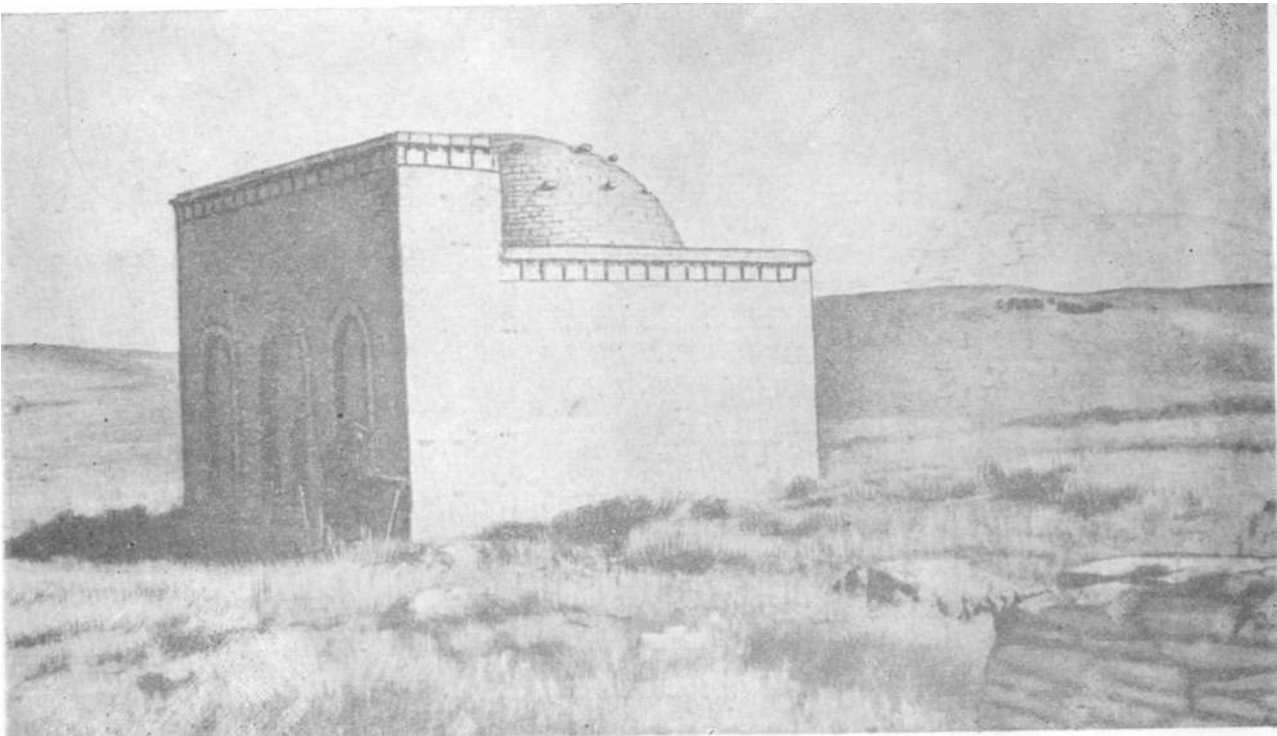

Рис. 68. Мавзолей Бурабай.

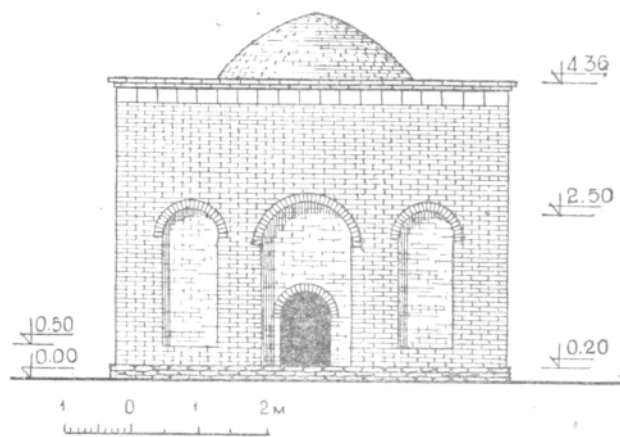

Рис. 69. Мавзолей Бурабай. Главный фасад.

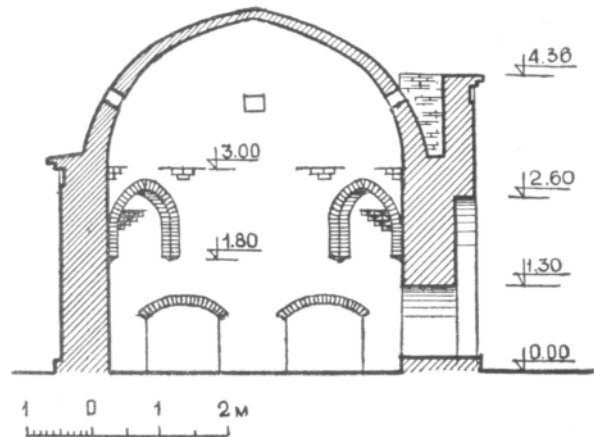

Рис. 70. Мавзолей Бурабай. Разрез.

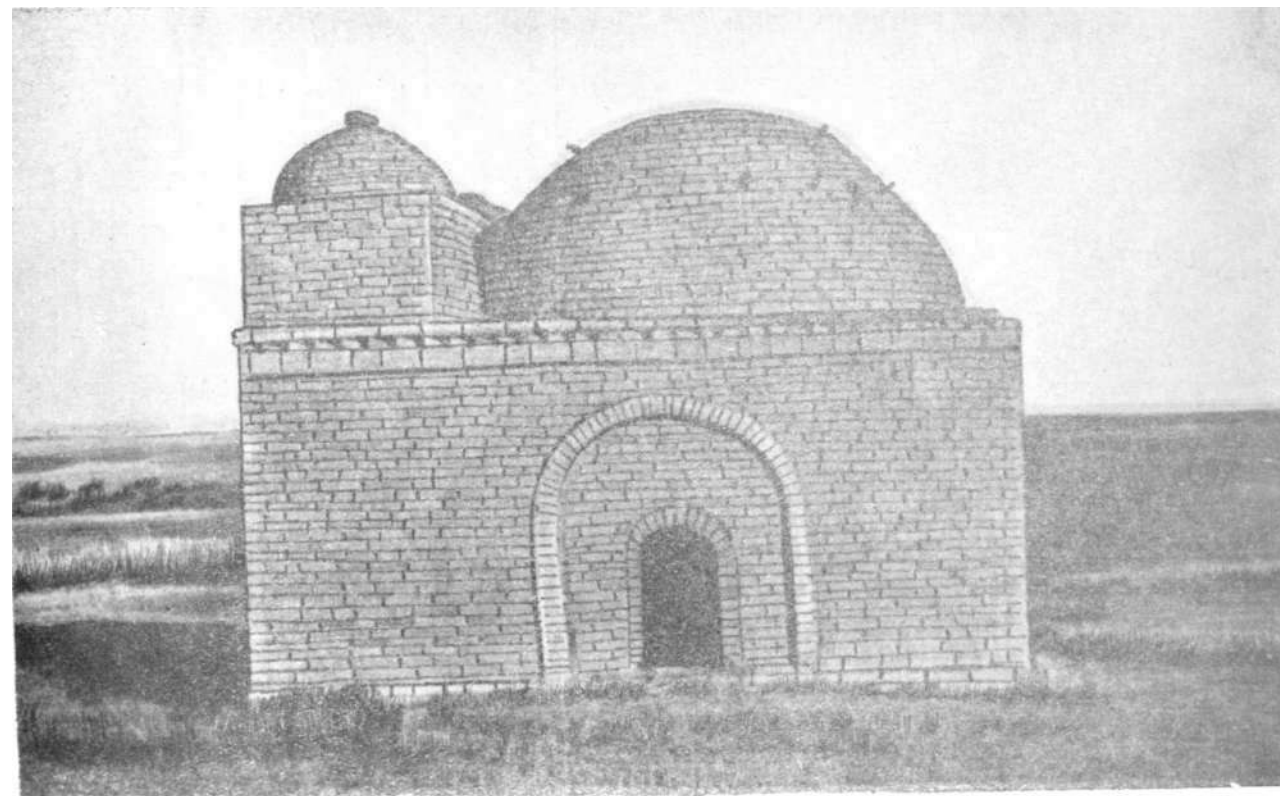

Рис. 72. Мавзолей Дюсембек. Боковой фасад.

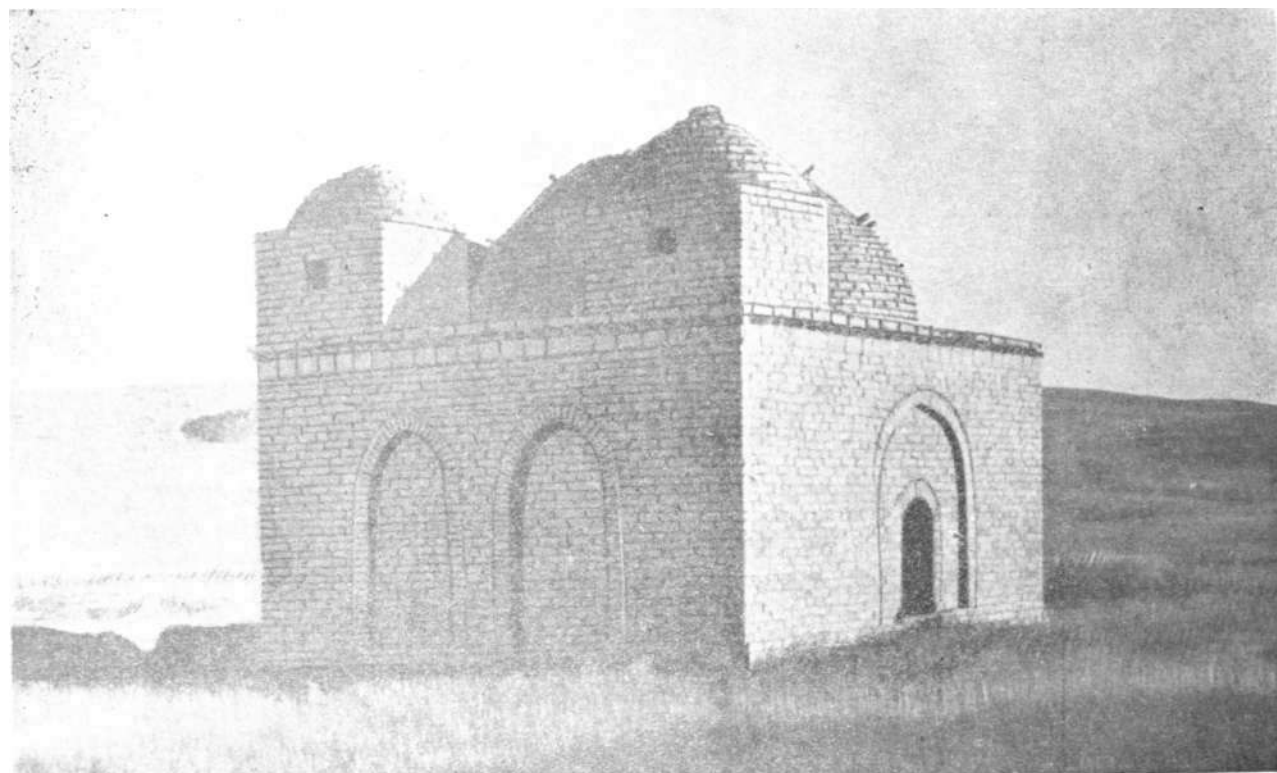

Рис. 71. Мавзолей Дюсембек.

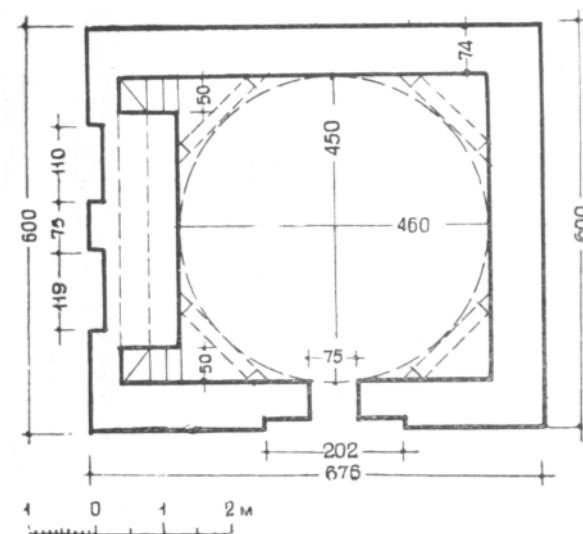

Рис. 73. Мавзолей Дюсембек. План.

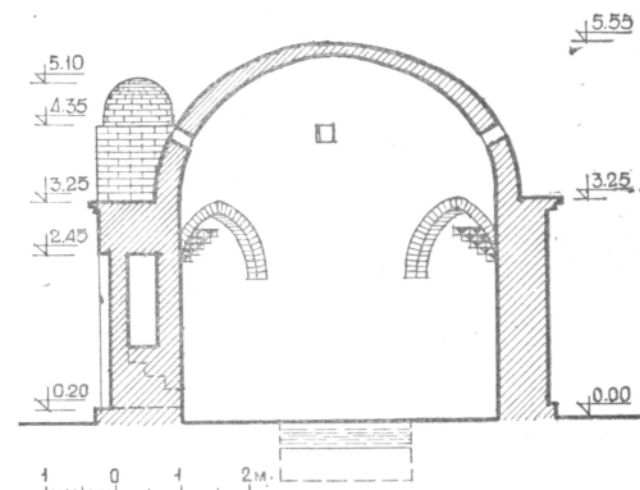

Рис. 74. Мавзолей Дюсембек. Разрез.

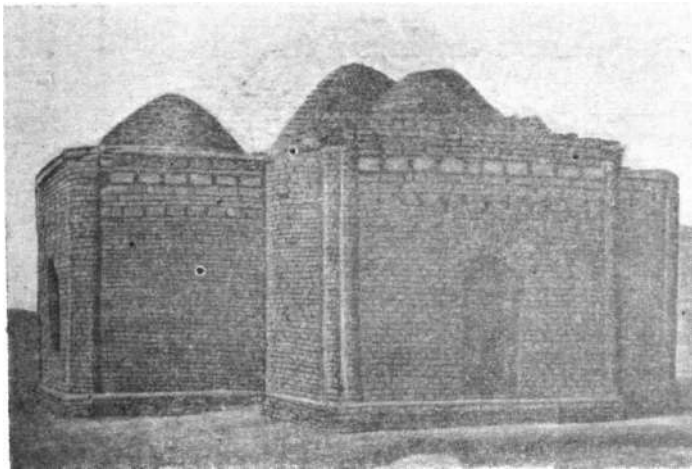

Рис. 75. Мавзолей Косубай-Кара.

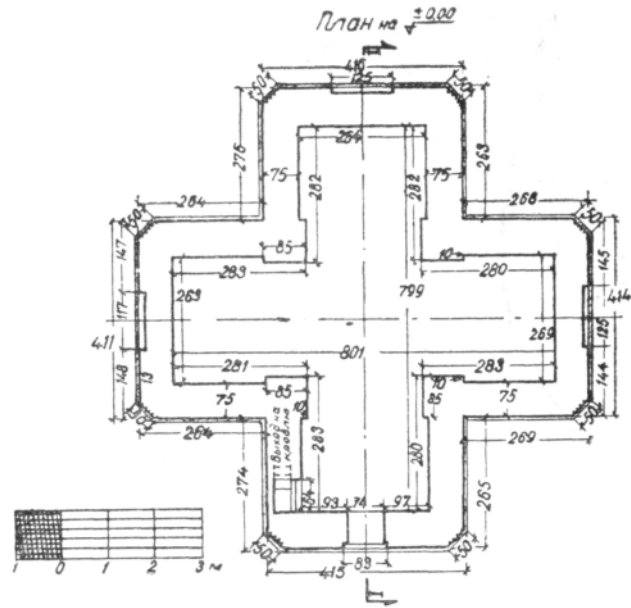

Рис. 76. Мавзолей Косубай-Кара. План.

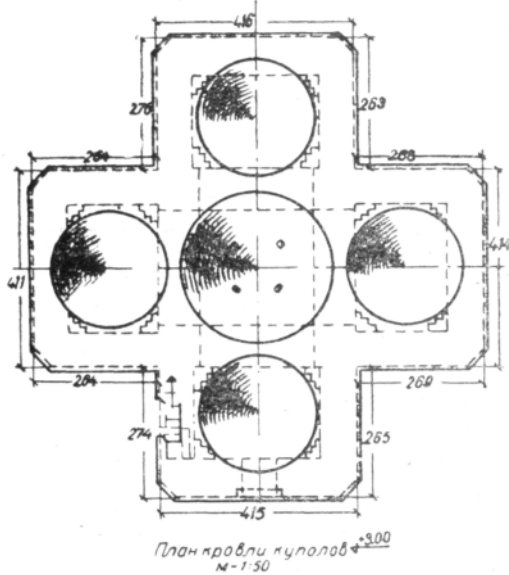

Рис. 77. Мавзолей Косубай-Кара. План кровли.

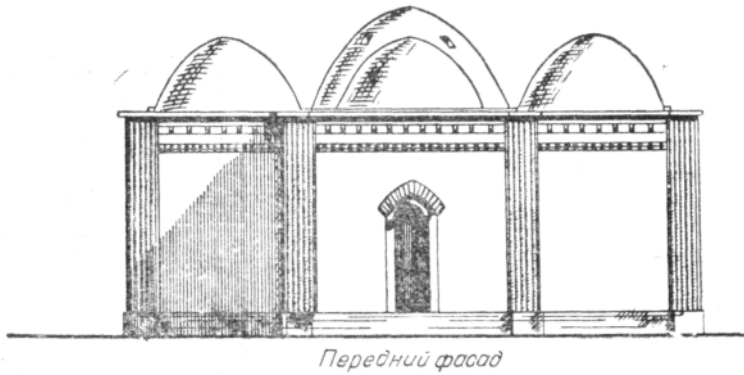

Рис. 78. Мавзолей Косубай-Кара. Главный фасад.

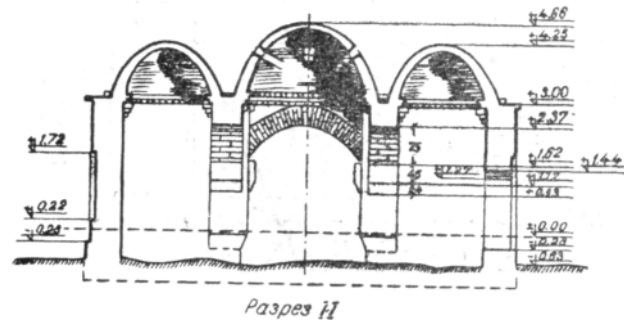

Рис. 79. Мавзолей Косубай-Кара. Разрез.

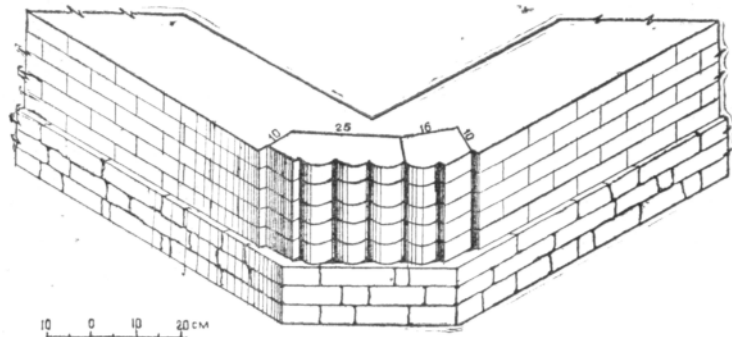

Рис. 80. Мавзолей Косубай-Кара. Фрагмент угла,

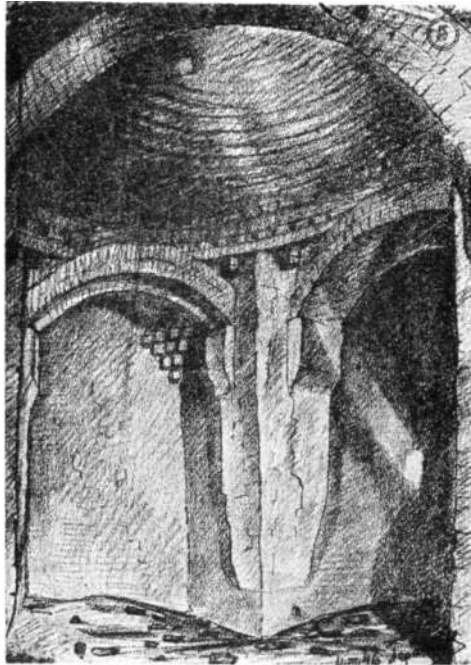

Рис. 81. Мавзолей Косубай-Кара. Интерьер.

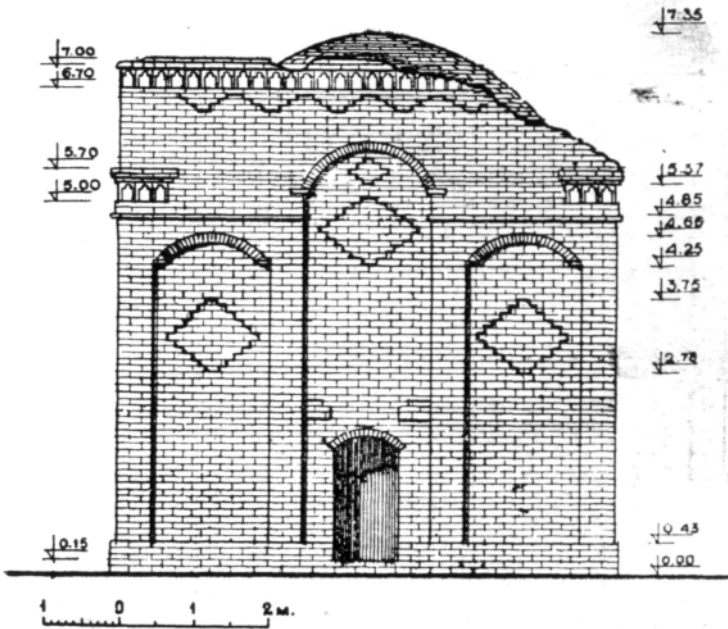

Рис. 82. Мавзолей Кара-Куль. Главный фасад.

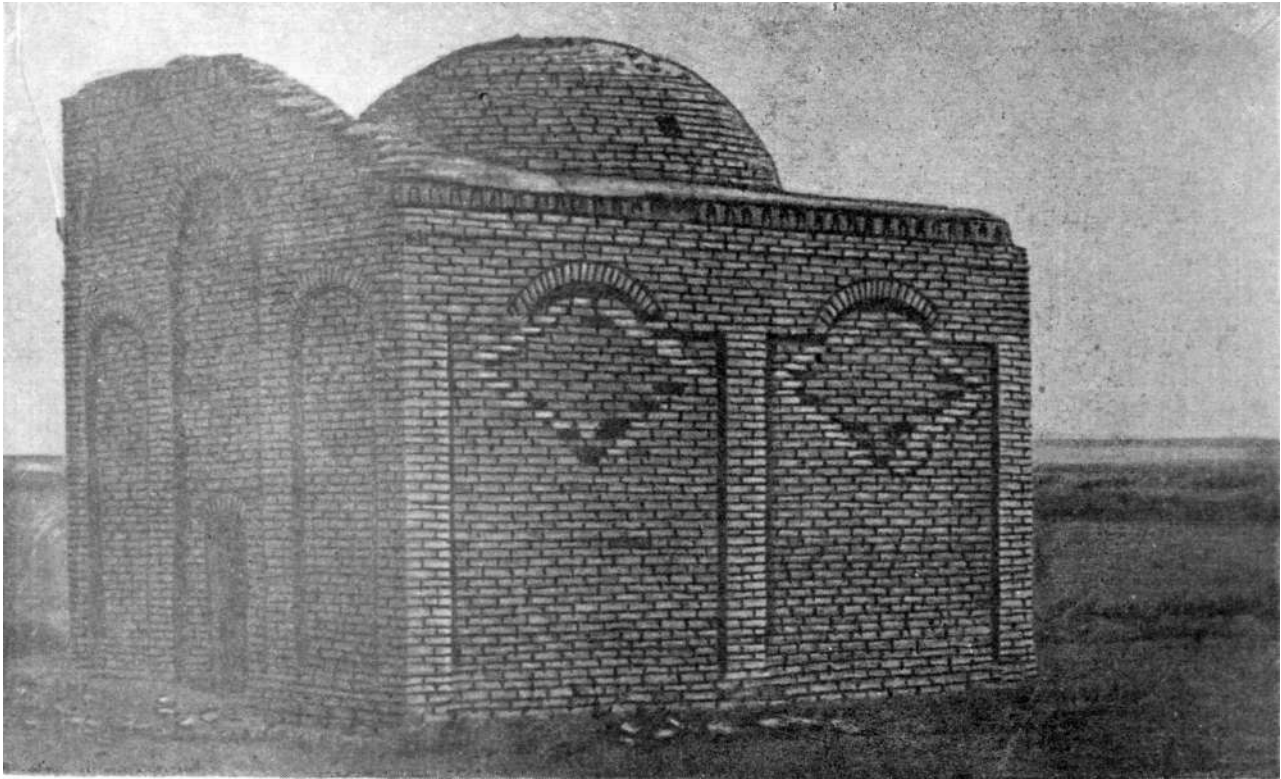

Рис. 83. Мавзолей Кара-Куль

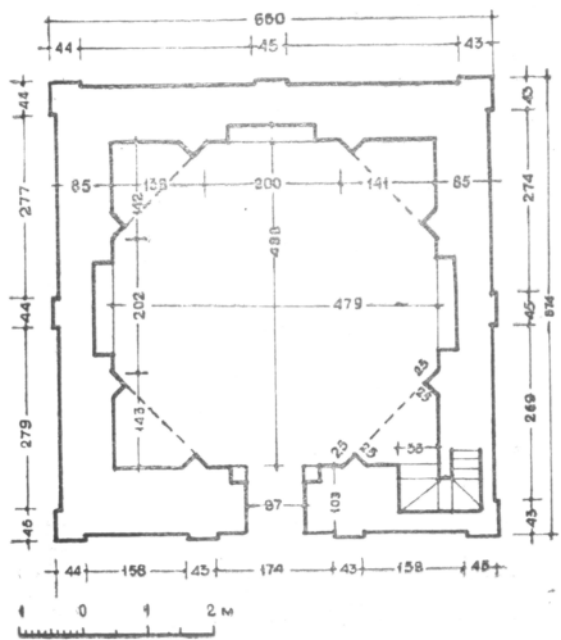

Рис. 84. Мавзолей Кара-Куль. План.

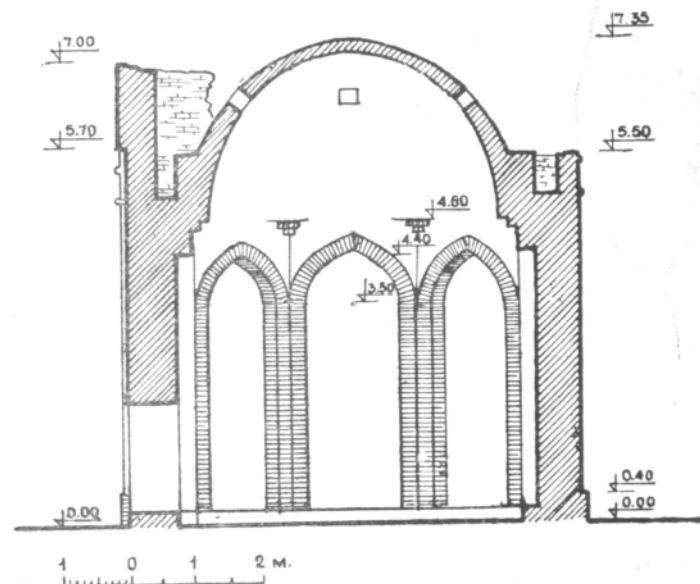

Рис. 85. Мавзолей Кара-Куль. Разрез.

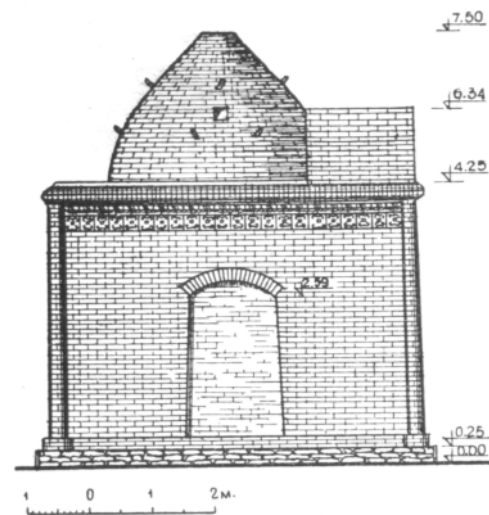

Рис. 88. Мавзолей Жерапай-Майкин, Боковой фасад,

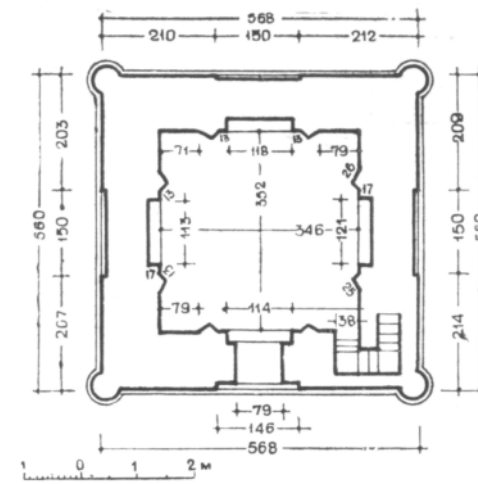

Рис. 89. Мавзолей Жерапай-Майкин. План.

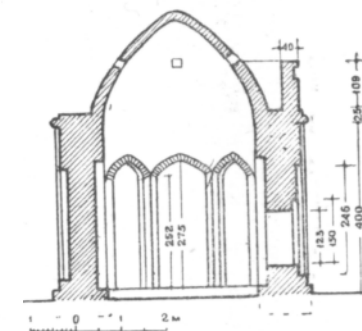

Рис. 90. Мавзолей Жерапай-Майкин, Разрез.

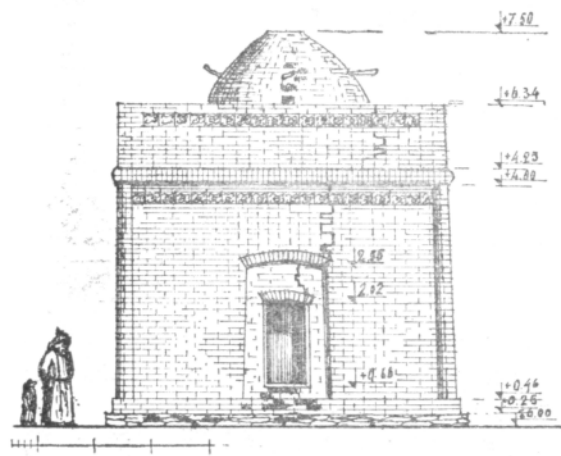

Рис. 86. Мавзолей Жерапай-Майкин. Главный фасад.

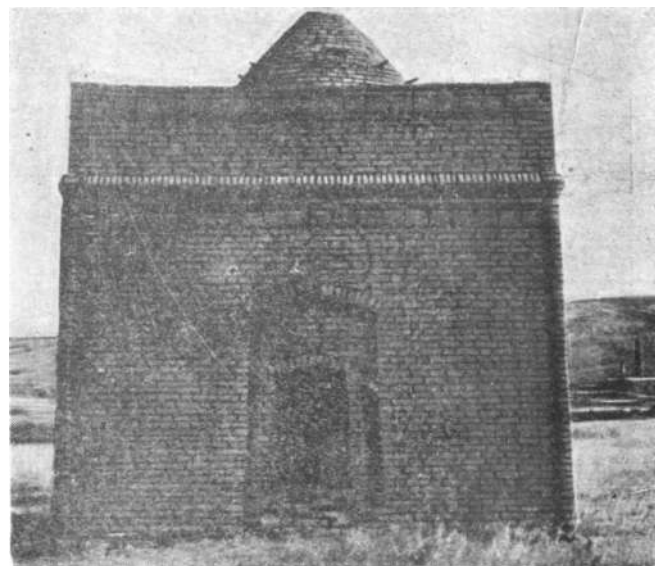

Рис. 87. Мавзолей Жерапай-Майкин.

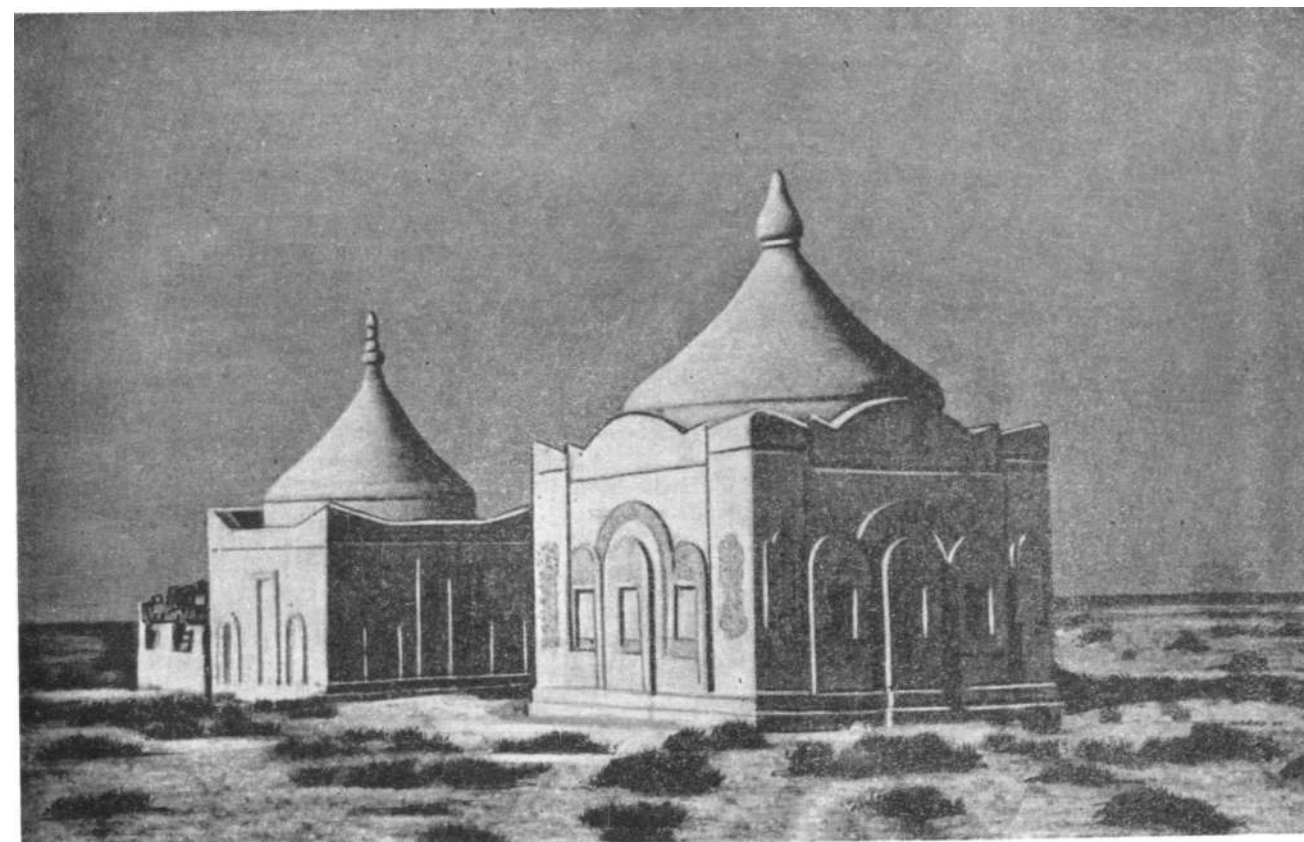

Рис. 91. Мавзолей Айтмана.

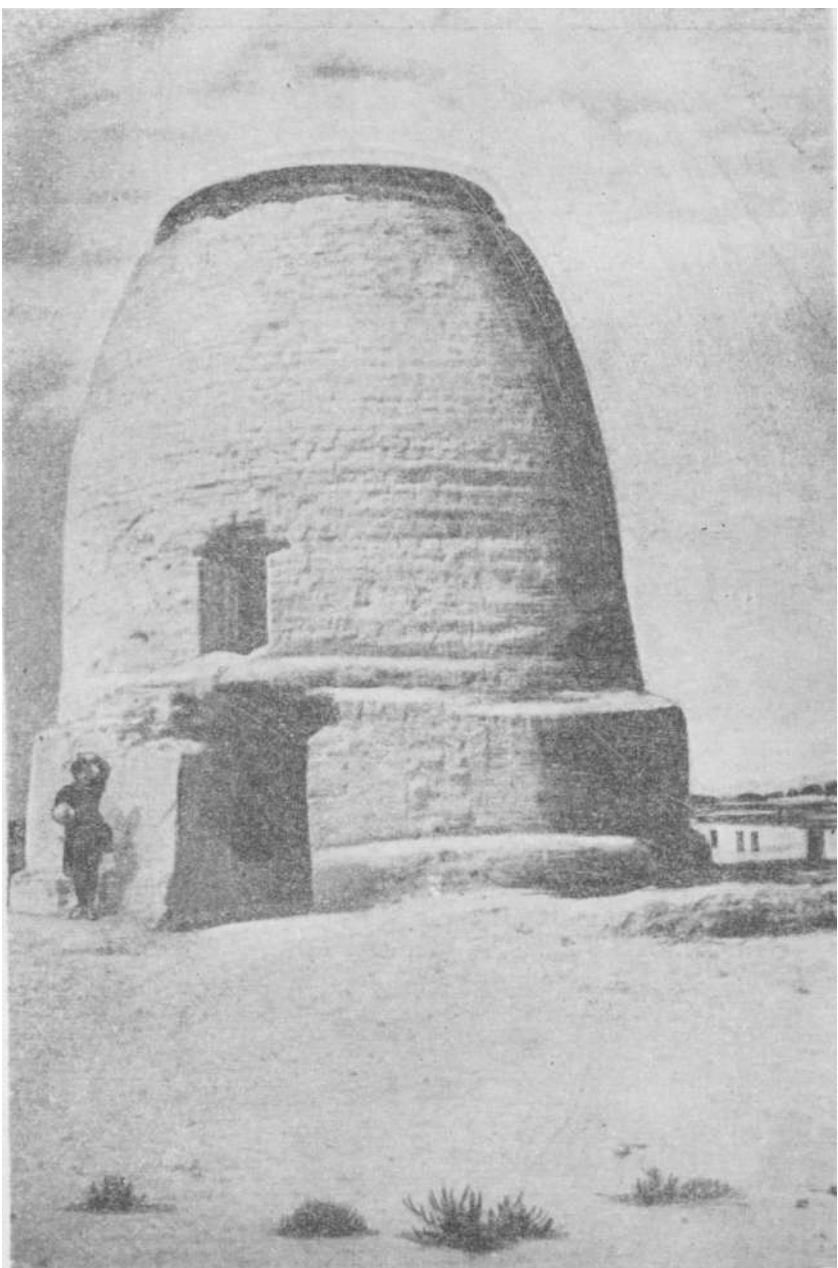

Рис. 94. Мавзолей Шик-Нияз.

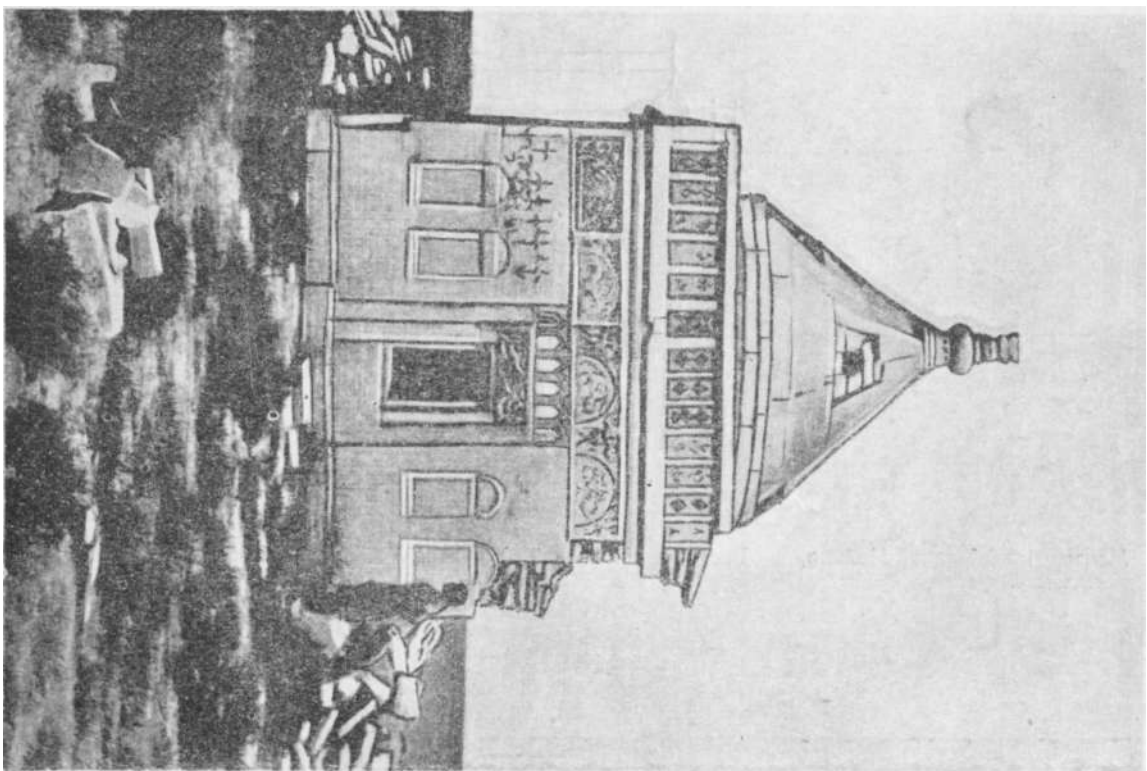

Рис. 92. Мавзолей Иманбаев.

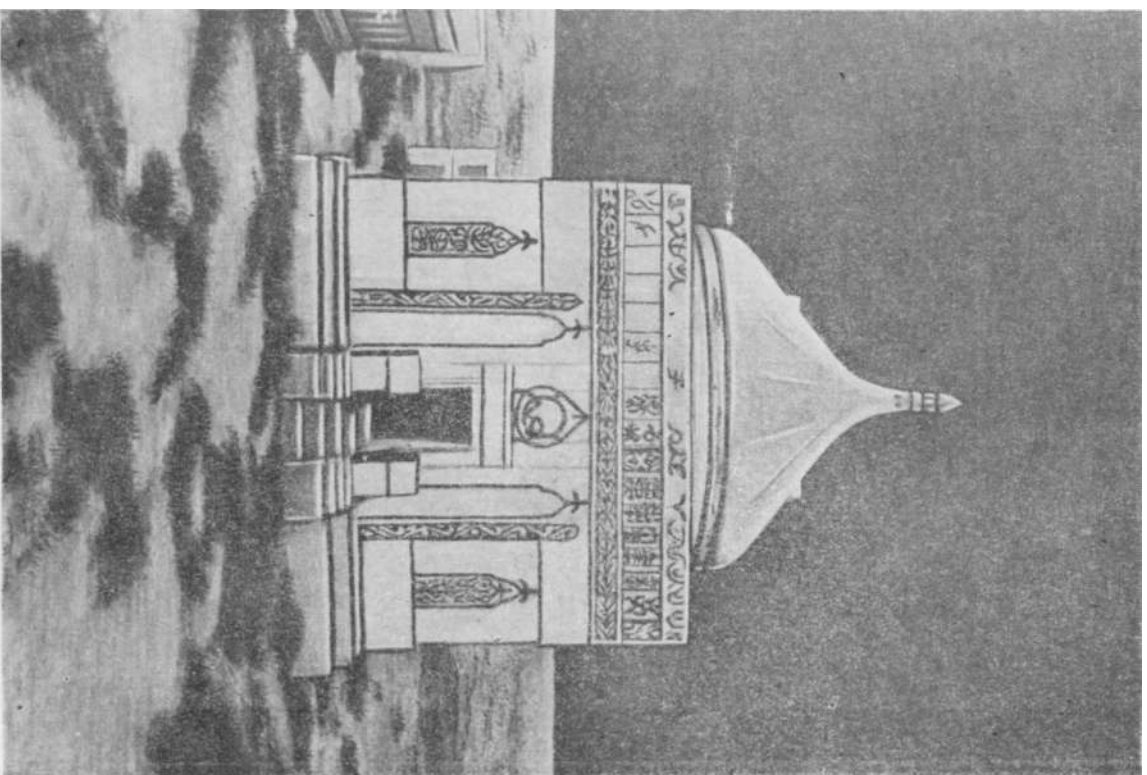

Рис. 93. Мавзолей Сенка.

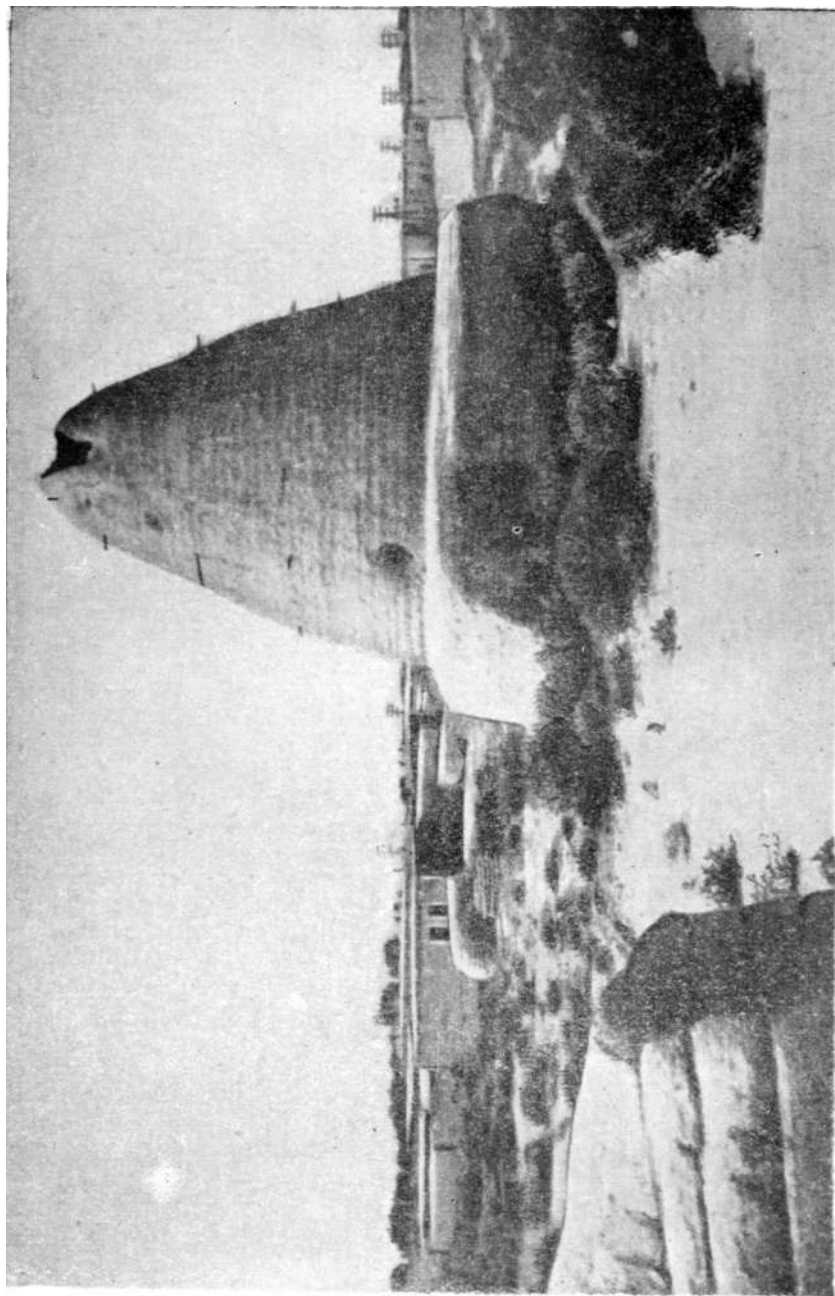

Рис. 95. Мавзолей Кармакчи-Ата.

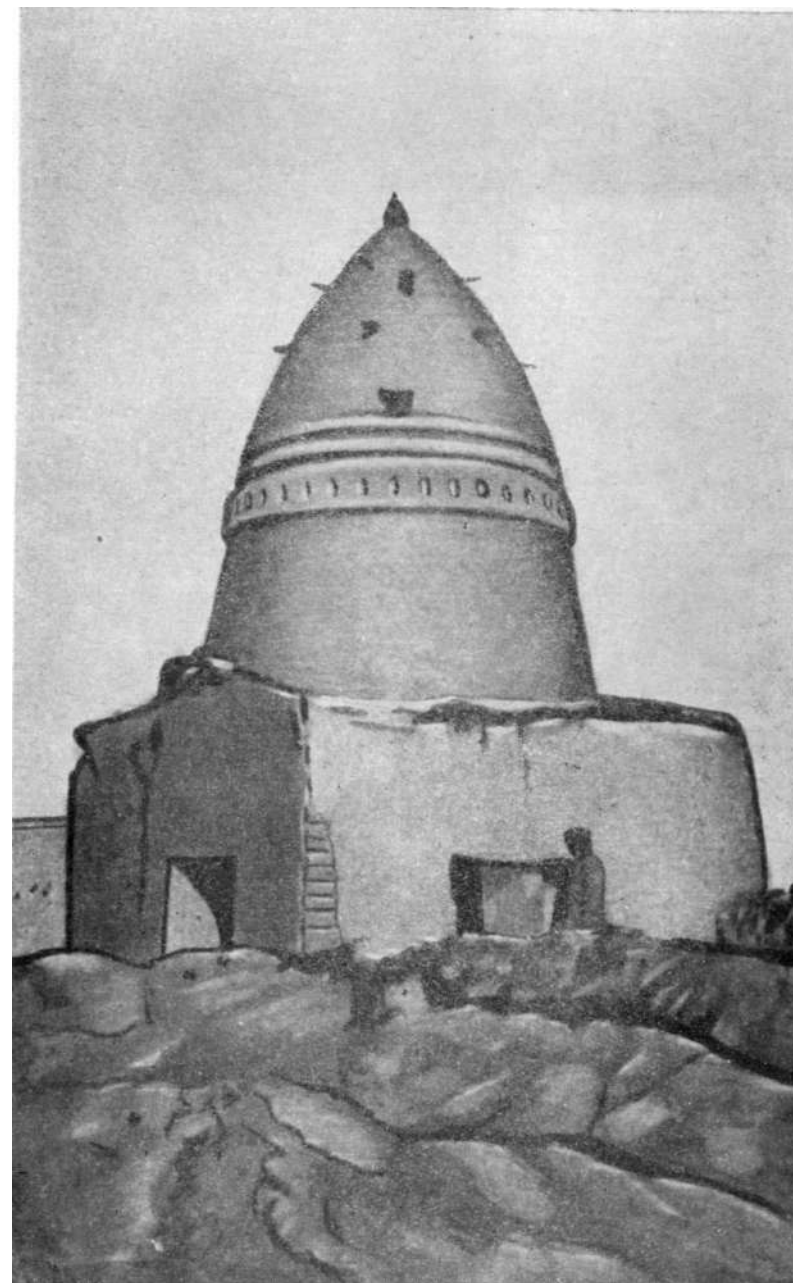

Рис. 96. Безымянный мавзолей № 1 в. с. Сузак.

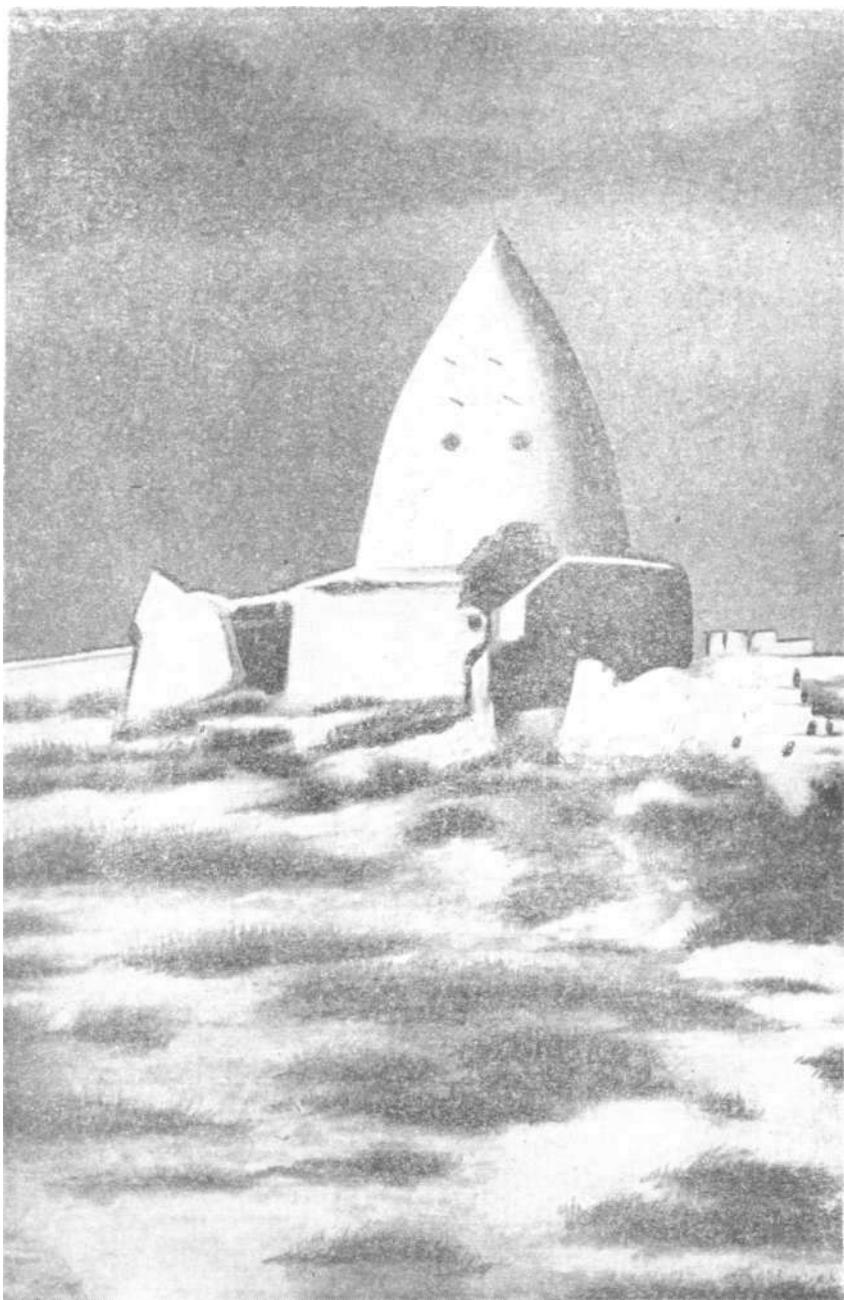

Рис. 97. Безымянный мавзолей № 2 в с. Сузак.

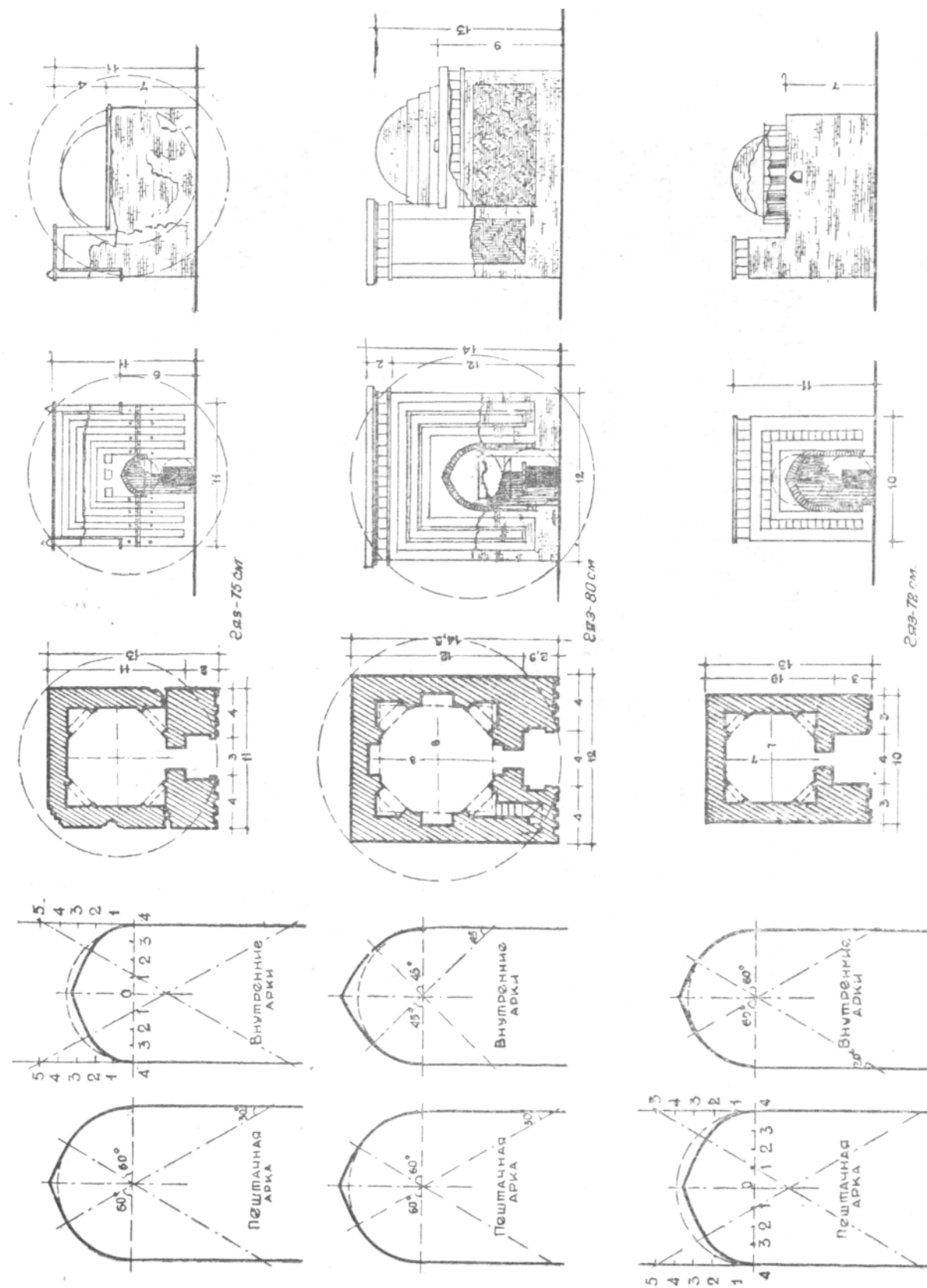

Рис. 98. Анализ архитектурных форм.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир</i>	7
Мавзолей Домбаул	7
Маззолей Аяк-Хамыр	9
Мавзолей Алаша-хан	13
Мавзолей Джоши-хан	23
Мавзолей Болган-ана	28
Мавзолей Тулек	32
Мавзолей Жуздень	34
Мавзолей Торт-Кара	37
Мавзолей Бурабай	39
Мавзолей Дюсембек	41
Мавзолей Косубай-Кара	43
Мавзолей Кара-Куль	45
Мавзолей Жерапай-Майкин	46
<i>Глава II. Характер архитектуры и место кара-кенгирских памятников в зодчестве Казахстана и Средней Азии.</i>	49
<i>Заключение</i>	56
<i>Литература</i>	
<i>Иллюстрации</i>	61

Георгий Герасимович Герасимов

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ ДОЛИНЫ РЕКИ КАРА-КЕНГИР
В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

* * *

Редактор *М. Я. Браиловская*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Тех. редактор *Г. Ф. Алферова*
Корректор *В. Н. Бетманова*

* * *

Слано в набор 27/XI 1956 г. Подписано к печати 12/II 1957 г.
Формат 84x108¹/₁₆. Физ. л. текста—3, иллюстраций—2,38. Усл. п. л. 8,82. Уч.-изд. Л. 9.
Тираж 1000. УТС0981. Цена 13 руб. 25 коп.

* * *

Типография Издательства АН КазССР. Алма-Ата, ул. Шевченко, 17.
Зак. 340.